

ПО
МОТИВАМ
СЕРИАЛА

Кит Р.А. ДеКандидо • Джефф Мариотт

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ

• НИКОГДА • ВЕДЬМИНО УЩЕЛЬЕ •
• ОСТРОВ КОСТЕЙ •

Сверхъестественное

Джефф Мариотт

**Сверхъестественное. Никогда.
Ведьмино ущелье. Остров костей**

«Издательство АСТ»

2007, 2008

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

Мариотт Д.

Сверхъестественное. Никогда. Ведьмино ущелье. Остров костей / Д. Мариотт — «Издательство АСТ», 2007, 2008 — (Сверхъестественное)

ISBN 978-5-17-135612-5

Двадцать два года назад Сэм и Дин Винчестеры потеряли мать, которую погубила таинственная злая сила. Когда они выросли, отец рассказал им о демонах, которые таятся во тьме и бродят по проселочным дорогам Америки. А еще он рассказал им о том, как с ними бороться... В первой книге многотомных приключений братьев Винчестеров, «Никогда», Сэму и Дину придется иметь дело с привидением, осаждающим дом рок-музыканта в Нью-Йорке, и попутно расследовать убийство двух студентов в том же районе. В «Ведьмином ущелье» они отправятся в штат Аризона, чтобы разобраться с чередой кровавых преступлений в Большом каньоне. В третьей истории, «Остров костей», охотники встретятся на побережье Флориды с призраками давно почивших знаменитостей и жаждущими мести древними демонами. Борьба с нечистью отнимает много сил, опасна и непредсказуема, но братья никогда не сдаются. Действие книги «Никогда» разворачивается во время второго сезона между эпизодами «Блюз на перекрестке» и «Кроатон». События истории «Ведьмино ущелье» тоже происходят во время второго сезона, а события «Острова костей» – через неделю после восьмой серии третьего сезона «Очень сверхъестественное Рождество».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-135612-5

© Мариотт Д., 2007, 2008

© Издательство АСТ, 2007, 2008

Содержание

Никогда	7
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	43
Глава 8	47
Глава 9	56
Глава 10	66
Глава 11	75
Глава 12	79
Глава 13	84
Глава 14	88
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Джефф Мариотт, Кит Р. А. ДеКандидо

Сверхъестественное. Никогда.

Ведьмино ущелье. Остров костей

SUPERNATURAL

Nevermore by Keith R.A.DeCandido

Witch's Canyon by Jeff Mariotte

Bone Key by Keith R.A. DeCandido

© О. Медведь, Е. Опрышко, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Никогда

Посвящается великому Скотту Муни – в благодарность за музыку, которую я слушал большую часть детства

Джону, Джеку, Рэю, Дугу, Кэти, Дженис, Арлин, Кевину и другим свихнувшимся на газете – на любительской газете Фордемского университета.

Вы подарили мне первый серьезный издательский опыт...

Эдгару Аллану По, который прожил сложную жизнь, но его революционные труды будут жить вечно...

И Бронксу, месту, где я родился и живу, месту, где я вырос, получил образование и которое до сих пор остается самым большим секретом Нью-Йорка.

Так держать!

Я слышал все, что происходит на небе и на земле.

Я слышал многое, что происходит в аду.

Эдгар Аллан По, «Сердце-обличитель»

Глава 1

Фордемский университет, Бронкс, Нью-Йорк

12 ноября 2006 года, воскресенье

Холодный ноябрьский ветер растрепал волосы Джона Сэдера – видимо, в отсутствие родной матери сама мать-природа напоминала ему о том, что пора подстричься. Эмили Сэдер вернулась в Огайо, где было безопаснее и на десять градусов холоднее, чем здесь, в Бронксе. Если бы она увидела лохматые каштановые волосы сына, то, как всегда, поцокала бы языком и предложила бы позвонить парикмахеру – записаться на стрижку.

Джон мог бы назвать тысячу причин, почему ему нравилось учиться в Фордемском университете, но первой в списке стояло расстояние, отделявшее его от матери.

После длинного рабочего дня в типографии, находившейся на нижнем этаже Центра Мак-Гинли, они вместе с соседом по комнате, Кевином Байером, возвращались в квартиру, которую снимали за пределами кампуса. Оба были редакторами в любительской фордемской газете, выходившей дважды в неделю, и большую часть этого дня занимались подготовкой очередного номера к печати. Файлы ушли в типографию, и газета выйдет утром во вторник. Очень важно было опередить «Рэм», скучную официальную студенческую газету, – ведь декан предоставил им эксклюзивный материал.

Они быстро шагали через кампус, направляясь к тому выходу на Белмонт-авеню, который находился возле корпуса Мемориал-холла. Оттуда оставалось всего несколько кварталов до их крошечной, обшарпанной, захлавленной, но безумно дешевой квартирki на Камбре-ленг-авеню.

Когда они вышли из кампуса, Джон откинул волосы со лба и сказал:

– Давай-ка поднажмем! Хочу поскорее попасть домой и переодеться к вечеринке.

– Какой вечеринке?

– У Эми, забыл?

Кевин поморщился.

– Чувак, у меня завтра лекция в половине девятого, я не могу.

– Забей, – пожал плечами Джон.

– Не вариант. Доктор Мендес надерет мне задницу. Серьезно, она проводит *перекличку*. Я и так из-за работы уже три занятия пропустил. И просто не могу пропустить еще одно.

На перекрестке Белмонт-авеню и Фордем-роуд пришлось подождать, пока загорится зеленый, – движение даже в этот поздний воскресный час было оживленным, на красный не перебежишь. До последнего курса Джон жил в кампусе, этаким зеленом оазисе академических знаний в самом центре одного из крупнейших городов мира. Ладно, не в центре – Бронкс расположен на самом севере Нью-Йорка, чуть выше Манхэттена и Квинса, и только эта часть города находится на материке. До того, как Джон впервые приехал в университет – он тогда был еще старшекласником, – в его голове между Нью-Йорком и Манхэттеном стоял знак равенства. Он и понятия не имел о существовании других районов и был счастлив оказаться в одном из них, который сам по себе был куда интереснее, чем Кливленд, штат Огайо, целиком. Хотя резкая смена декораций до сих пор вызывала у него нечто вроде головокружения.

Территория университета была сплошь покрыта зеленью – газонами и деревьями – и застроена зданиями, старыми и новыми. Одни относились к девятнадцатому веку, когда университет был основан, другие появились тут в конце двадцатого века – и все это вместе создавало ощущение, что ты попал в один из сонных городков Новой Англии.

Но стоило выйти за кованые ворота, как на тебя обрушивался рев машин и автобусов, несущихся по Фордем-роуд – или ползущих, если это час пик, – шум заправок, забегов с фаст-фудом, автомастерских и... людей. В этом районе жили в основном итальянцы, прибыв-

шие сюда в начале двадцатого века, латиноамериканцы, прибывшие в шестидесятых годах, и албанцы, прибывшие в восьмидесятых. Чуть дальше по улице в одну сторону можно было увидеть универмаг «Сирс», торговый центр «Фордем-плаза» и станцию Фордем Северной пригородной железной дороги, в другую – здание Департамента автомобильного транспорта, зоопарк и ботанический сад. «Маленькая Италия» с ее гастрономами, винными магазинами, ресторанами, пекарнями, магазинами макаронных изделий и уличными ярмарками процветала. Джон в этом семестре набрал два килограмма, просто переехав поближе к любимым канноли¹.

Но, разумеется, поздним воскресным вечером прохожих на улице почти не было, только машины проносились мимо. Загорелся зеленый, Кевин и Джон побежали через дорогу, но едва добрались до середины, как снова замигала красная рука, приказывающая остановиться.

– Зачем ты вообще записался на утреннее занятие в понедельник? – спросил Джон. – Ты же *знал*, что почти каждое воскресенье будешь работать допоздна.

– По средневековой литературе я мог взять только этот курс. Или пришлось бы брать сразу два семестра по Шекспиру. В следующем полугодии я запишусь на вторую часть большого курса.

Они свернули на Фордем-роуд, чтобы попасть на Камбреленг-авеню.

– А почему ты вообще не перенес средневековую литературу на следующий семестр?

– Доктор Мендес будет в отпуске, и заменять ее будет отец О’Салливан.

Джон, который учился на историка и ничего не знал об английской кафедре, почесал подбородок – пора было бриться; будь мама здесь, она бы уже вынесла ему мозг – и сказал:

– И что?

Кевин выпучил глаза.

– Да отец О’Салливан преподает тут со времен мрачного средневековья!

– Средневековья.

– А?

– Просто средневековье. Не мрачное, – возразил Джон. – Этот период больше так не называют. Его называют...

– Чувак, в Древнем Риме в домах была канализация. А вот в Священной Римской империи² люди мочились из окон. Так что это было *мрачное* средневековье.

Джон стиснул зубы и уже собирался ответить, но Кевин вернулся на один виток назад:

– Богом клянусь, отец О’Салливан получил эту должность в 1946 году!

Они свернули на Камбреленг-авеню.

– Чувак, мой отец родился в сорок шестом, – ответил Кевин.

– Вот и я о том же! Он чертово ископаемое. Ни за что не буду ходить к нему на лекции.

– Как скажешь. – Джона это не очень волновало. – Но на вечеринку ты должен пойти.

– Ну уж нет! Хочу сохранить остатки красоты.

Джон усмехнулся.

– На том свете отоспишься.

– Да иди ты, чувак!

Еще один порыв ветра, и Джону снова пришлось убирать волосы с лица. Чем дальше они уходили от Фордем-роуд, тем становилось тише – на Камбреленг-авеню были только жилые дома, в основном трехэтажные таунхаусы из красного кирпича с номерами на фасадах, стоявшие в глубине улицы и отделенные от тротуара невысокой железной оградой. Кроме таунхаусов тут были еще многоквартирные пятиэтажки. Выше пяти этажей зданий почти не встреча-

¹ Канноли (конноли) – традиционный сицилийский десерт, вафельная хрустящая трубочка с начинкой из сыра маскарпоне, взбитого творога или рикотты с добавлением различных сиропов.

² Священная Римская империя – государство, существовавшее в период с 962 по 1806 год.

лось, потому что согласно городским законам в таких домах требовалась установка лифта. В большинстве окон свет не горел, и, кроме Джона и Кевина, на улице никого не было.

– Ну а я пойду, – заявил Джон. – Мне-то хватило ума составить нормальное расписание! В понедельник у меня первая лекция только в половине первого. А значит, можно веселиться!

Кевин хмыкнул.

– Чувак, Бритт не бросит Джека ради тебя.

Джон напрягся. Подкатить к Бритт было его основной целью на вечеринке, но он не соби-
рался обсуждать это с соседом и поэтому с деланным безразличием спросил:

– А что, Бритт там будет?

– Даже не пытайся. Ты врешь так же умело, как я катаюсь на сноуборде.

– Но ты не катаешься на сноуборде.

– Вот и я о том же.

Джон едва не ответил: «Как скажешь», но он уже это говорил, а повторяться ему не хоте-
лось. Кевин, может, и был в восторге от этой дурацкой фразы «Вот и я о том же», которую он
употреблял все чертово время, но Джону нравилось быть вербально разнообразным. Редакти-
руя статьи, он в первую очередь убирал именно повторы. Интерес собеседника можно поддер-
живать, только если говоришь разное, а не используешь одни и те же избитые выражения. Вот
почему он не любил всех этих стендап-юмористов. Они придумывают одну коронную фразу,
которая становится популярной и все только ее и ждут. А дальше комики не придумывают
новые шутки, а просто эксплуатируют удачную фразу в каждом выступлении. И никакое это
не развлечение, а подгонка под стандарт.

– Это что еще за хрень?

Кевин на что-то указывал, и Джон, проследив взглядом за его пальцем, увидел перед
одним из таунхаусов мусорные баки. И, кажется, в них кто-то рылся.

К сожалению, это не было таким уж необычным зрелищем. В округе было полно бездом-
ных, и они постоянно рылись в урнах, разыскивая банки и бутылки, которые они потом обме-
нивали на продукты в супермаркете.

Но тут фигура подняла голову, и Джон увидел, что это не бездомный. Они оба замерли
на месте, когда поняли, что это... обезьяна.

– Бабуин! – воскликнул Джон.

– Чувак, это орангутанг.

Джон нахмурился.

– Ты уверен?

– Однозначно.

Бабуин, орангутанг, или что там это было, посмотрел на них, открыл рот и *зашипел*.

Джон и Кевин одновременно сделали шаг назад.

– Чувак, разве орангутанги шипят? – прошептал Джон.

– Нет. И бабуины тоже нет... А почему мы говорим шепотом?

Джон не успел ответить. Это существо – черт, он будет называть его обезьяной, пока не
выяснит, кто это, – схватило мусорный бак и швырнуло на дорогу. Крышки на нем не было, и
по дороге разлетелась тухлая еда, пустые упаковки и прочая дребедень.

– У тебя телефон с собой? – спросил Джон.

Кевин кивнул.

– Это хорошо, у моего сдохла батарея.

– И куда, черт возьми, я должен звонить? В бюро находок?

Не отрывая взгляда от обезьяны, Джон ответил:

– Нет, тупица, в 911. *Звони*, пока...

Обезьяна вдруг бросилась на них, визжа так, будто взбесилась. Джон хотел повернуться и побежать, но ноги словно приросли к земле. Но вскоре это уже было неважно, потому что обезьяна могла бы соревноваться с самим Джесси Оуэнсом³. Она настигла их уже через секунду.

Джон никогда не кричал. Его крик напоминал девчоночий и по закону подлости после ломки голоса стал *еще писклявее*. Поэтому, как бы сильно ему ни хотелось закричать, он всегда держал рот закрытым, и тогда получалось что-то похожее на гудение. Он считал, что это звучит мужественнее.

Но сейчас, когда обезумевшая обезьяна с дикими воплями набросилась на них и стала лупить своими большими лапами, он завизжал как девчонка.

Последний раз он чувствовал себя так в старшей школе, когда ввязался в ту дурацкую драку с Гарри Маркумом, когда они поспорили, кто пойдет с Джинни Уэйт на выпускной. Самое смешное, что Джинни, конечно же, пошла с лузером Морти Йоханнсенем, поэтому фингал и разбитую губу он получил просто так. Кулаки обезьяны молотили по ним, и больно было *езде*.

Один удар пришелся Джону в висок, и он увидел звездочки, хотя раньше думал, что так бывает лишь в мультфильмах.

Только почувствовав щекой холодный асфальт, Джон понял, что обезьяна больше его не бьет. Но он по-прежнему слышал крики.

Перевернувшись на бок – и почувствовав острую боль, – он увидел, что обезьяна подняла Кевина и швырнула об забор перед одним из таунхаусов.

Затем он услышал треск.

Он не хотел этому верить. Сначала даже *не мог*. Этот звук не был похож на хруст ветки, не был похож на треск ломающегося пластика, не был...

Ничего подобного Джон Сэдер никогда в жизни не слышал. И поэтому знал, что Кевин мертв.

– Кевин! Нет!

Он почти не обратил внимания на то, что орангутанг, или бабуин, или *что там это было*, волочилось к нему. Он смотрел на Кевина, который лежал на тротуаре Камбреленг-авеню с неестественно вывернутой шеей, и поражался, как это все вообще могло произойти. Этого не могло быть на самом деле! Обезьяны ведь не появляются ни с того ни с сего на улице и не забивают людей до смерти. Это просто невозможно.

Обезьяна набросилась на Джона и начала избивать, но он даже не поднял руку, чтобы защититься, – потому что просто не мог в это поверить.

* * *

Тот, второй, умирал целую вечность.

Первый сдался быстро. Но второго, который продолжал что-то бормотать, орангутангу пришлось бить и бить, пока тот наконец не сдался.

Как только второй испустил последний вздох, *он* в последний раз произнес заклинание и затоптал горящую полынь. На асфальте осталось несколько обгорелых листков, но ветер их унесет. Но даже если их найдут, никто не свяжет это со сбежавшим орангутангом, который до смерти забил двух человек.

Это было неприятно, но что поделаешь – нужно было совершить это сегодня, в последнюю четверть луны. А то, первое, нужно было совершить пятого числа, в полнолуние. Тело

³ Джеймс Кливленд (Джесси) Оуэнс – знаменитый американский легкоатлет, занимавшийся спринтерским бегом и прыжками в длину, четырехкратный олимпийский чемпион и мировой рекордсмен.

обнаружили через два дня, быстрее, чем *он* рассчитывал. Но никто из полиции к нему не пришел – очевидно, его меры предосторожности сработали.

Более того, *это* следовало совершить именно здесь. Ритуал указал второе место сигила⁴.

Убедившись, что огонь погас, *он* вышел из узкого прохода между таунхаусом и многоквартирным домом – люди просто закидывают мусор в темные места, надеясь, что никто этого не заметит. Просто отвратительно! – и вытащил пистолет, заряженный транквилизатором. Прицелился и выстрелил орангутангу в шею.

В следующую секунду животное упало мордой на асфальт. Выбежав на тротуар, рукой в перчатке *он* вытащил дротик из его тела. Не должно остаться никаких следов его присутствия.

Он повернулся и побежал к своей машине, на ходу доставая одноразовый мобильник, который купил днем в одном из магазинчиков на Артур-авеню. Набрал 911.

– Здесь какой-то дикий зверь! Он напал на двух парней на углу Камбреленг и 188-й! Скорее приезжайте!

Затем выбросил мобильник в металлическую урну на углу 188-й Восточной улицы и сел в машину.

Двое убиты, осталось двое. И я наконец узнаю ответ!

⁴ Сигил – символ (или комбинация нескольких символов), обладающий магической силой. Сигилы широко использовались магами и алхимиками для вызова духа или демона и подчинения их своей воле.

Глава 2

«Боулз Мотель-энд-Лодж», Саут-Бенд, Индиана

15 ноября 2006 года, среда

– Худшее в этой работе, Сэмми, – когда заходишь в тупик.

Сэм Винчестер молча согласился со своим братом Дином. Они еще раз напоследок осмотрели номер мотеля и закинули вещи в машину. Отец с детства вбивал им в голову, что перед отъездом нужно как следует осмотреть номер и ни в коем случае не оставлять личных вещей. Нигде и никогда. Особенно если это экзотическое оружие и древние гримуары.

Обычно они хорошо убирали свой номер. Всего один раз, в Ки-Уэст, Дин оставил возле кровати банку с солью, но тогда он тут же потребовал вернуться за ней. Сэм спросил, почему нельзя просто пойти в супермаркет и купить другую – в конце концов, это же самая обычная вещь, – но Дин утверждал, что тут дело принципа.

Когда администратор мотеля поинтересовался, зачем им в номере понадобилась большая банка соли, Дин широко раскрыл глаза, как делал всегда, когда что-то шло не по плану, и под насмешливым взглядом Сэма, который даже не пытался скрыть улыбку, полчаса нес какую-то чушь, пока наконец не выдумал что-то о непереносимости лактозы. («Чувак, – сказал Сэм, когда они возвращались к машине с банкой в руках, – ты же знаешь, что соль не имеет *никакого* отношения к непереносимости лактозы, да?» – «Спасибо, капитан Очевидность», – сквозь зубы процедил Дин.)

Сегодня они снова освобождают номер и отправляются в путь. Их последнее дело оказалось пустышкой.

– Зато мы увидели Саут-Бенд. Красивый город, – говорил Дин, когда они шли к машине.

– Да, удивительное местечко, – пробормотал Сэм, пока Дин открывал багажник.

– Эй, мы оказываемся там, куда нас приводит работа.

– Или не приводит. Дин, это действительно было самоубийство. Обычное, заурядное самоубийство.

Дин пожал плечами.

– И такое бывает.

Он бросил сумку в багажник, за коробки с оружием и патронами. Сэм поступил так же, пользуясь только левой рукой. Правая до сих пор была в гипсе после того, как ее сломала девушка-зомби в Лоуренсе.

У Сэма, в отличие от Дина, не было такой привязанности к черному «Шевроле Импала» 1967 года – семейной машине, которую отец оставил Дину. Сэму иногда казалось, что сам он к своей последней девушке, Джессике, не был так привязан, как Дин – к «Импале». Когда пару месяцев назад машина разбилась, Дин восстановил ее почти с нуля. На это ушло несколько недель непосильных трудов.

И все-таки даже Сэму пришлось признать, что огромный багажник очень полезен, ведь они практически жили в машине. Дальнюю часть багажника занимали три сумки: одна – Сэма, другая – Дина и третья – для грязного белья. Последняя уже изрядно раздулась.

– Пора бы заняться стиркой, – сказал Сэм.

– Не здесь, – быстро ответил Дин. – Не думаю, что тот коп был в восторге от первоклассных репортеров Андерсона и Барра. Лучше свалить, пока он не решил прогнать мое лицо через базу.

Сэм кивнул. Дина до сих пор разыскивали за серию убийств в Сент-Луисе, совершенных в начале этого года оборотнем, который принял его обличье. Федералы вряд ли удовлетворятся объяснением: «Это сделал мутировавший урод, который выглядел точно так же, как я».

Дин закрыл багажник, и они направились к управляющему мотелем. Как и большинство мест, где останавливались Винчестеры, «Боулз Мотель-энд-Лодж» был невероятно дешев и предоставлял лишь самые необходимые удобства. А им и нужна была только крыша над головой, кровать и работающий душ (с последним везло не всегда), потому что с деньгами была напряженка.

Борьба с демонами, монстрами и прочими тварями, которые пугают людей по ночам, была очень важна, но не оплачивалась. Они жили благодаря махинациям с кредитками и выигрышам Дина в бильярд и покер. А значит, на отель «Хайатт» рассчитывать не приходилось.

Они вошли в облезлый офис с потрескавшимися деревянными панелями на стенах, чудовищно грязным бежевым ковром и обшарпанной стойкой. За стойкой, прямо под красной табличкой «Не курить», дымя сигаретой, сидела пожилая женщина и читала книгу Дэна Брауна. На ее лице было столько косметики, что на хэллоуинской вечеринке она спокойно сошла бы за Джокера, а каждый волос на ее голове был залит лаком – очевидно, в попытке соорудить ретроприческу в стиле 1960-х. Сэм был уверен, что, выстрели он в это сооружение любым оружием из багажника «Импалы», это ему никак не повредит. На груди у женщины висел бейджик, на котором было написано «Моника».

– Доброе утро, мы освобождаем номер, – сказал Дин.

Моника в последний раз затянулась и затушила сигарету в пепельнице.

– Вы Уинвуды⁵, верно? – спросила она скрипучим голосом.

Сэм усилием воли заставил себя не закатывать глаза. Хоть бы раз Дин выбрал неприметный псевдоним!

– Верно, – улыбнулся Дин. – И готовы расплатиться.

– О'кей, но есть проблема. Ваша кредитка заблокирована. Нужна другая.

Дин снова широко раскрыл глаза, и Сэм перестал улыбаться.

– Заблокирована. В самом деле? – Дин беспомощно посмотрел на Сэма, затем вновь повернулся к Монике. – Может, попробуете еще раз? Пожалуйста?

Моника смерила Дина взглядом.

– Я пробовала трижды. Больше нельзя.

– А известно, почему кредитка заблокирована?

– Нет. Хотите позвонить в банк? Можете воспользоваться этим телефоном. – Она взяла телефон – который, как с ужасом заметил Сэм, был дисковым, – и протянула его Дину.

– М-м, нет, это, э-э... это не поможет.

Сэм понял, почему Дин медлил. У него были другие кредитки, но они не на имя Дина Уинвуда.

Сэм быстро шагнул вперед, сунул руку в задний карман и сказал:

– Я расплачусь. – Он достал из бумажника одну из фальшивых кредиток и протянул ее Монике.

Та взяла кредитку и посмотрела на нее, хотя Сэм надеялся, что она этого не сделает. Эта карточка тоже была не на фамилию Уинвуд.

– Я думала, вы братья.

– Да, но меня усыновили, – не задумываясь, ответил Сэм. – Когда я разыскал своих биологических родителей, они уже умерли, и в память о них я сменил фамилию на МакДжилликадди.

Лицо Моника перекосило, и Сэм предположил, что она так улыбается.

– Это так мило с вашей стороны. Вы хороший мальчик. – Она провела картой по кассовому аппарату и вбила сумму за три ночи.

⁵ На этот раз братья Винчестеры выбрали псевдоним по имени рок-музыканта Стива Уинвуда (Steve Winwood).

Ожидание чека длилось бесконечно. Дин, надо отдать ему должное, взял себя в руки, к нему снова вернулась его обычная невозмутимость.

Наконец спустя чудовищно долгое время аппарат пискнул, и на маленьком экране появились слова: «Операция подтверждена».

– Все в порядке, – все еще улыбаясь, сказала Моника, а из-под стойки послышалось жужжание принтера. – Вот ваша кредитка, мистер МакДжилликадди.

– Спасибо, – ответил Сэм и сунул кредитку обратно в бумажник.

– У вас хорошие манеры. Видно, мистер и миссис Уинвуд правильно вас воспитали.

Дин улыбнулся.

– Да, мэм, они отлично справились.

Моника протянула Сэму чек.

– Просто распишитесь здесь, и можете ехать.

Покончив с этим, они вышли на улицу.

– Ты спас меня, Сэмми, – усмехнулся Дин. – Знаешь, я наконец начинаю понимать...

Сэм нахмурился. Эти слова подозрительно напоминали начало длинной обличительной речи, которая обязательно закончится насмешками.

– Что ты начинаешь понимать?

– Сэмми, мы ведь росли вместе... И все это время ничто в тебе не указывало на юриста. Поэтому, когда ты сказал, что поступаешь на юридический, меня это просто потрясло. Но я наблюдал за тобой весь последний год и думаю, что наконец понял.

Началось. Сэм постарался не застонать.

– Ты умеешь *пудрить людям мозги*. Эта байка про усыновление!.. Превосходно! И все с таким каменным лицом...

Умение врать, притворяться кем-то, скрывать правду и о своей настоящей жизни, и о том, как на самом деле устроен этот мир, было одной из причин, по которой Сэм выбрал юриспруденцию. Жизнь охотника за сверхъестественным, охотника-ученика, наградила его этим умением, и он решил, что будет разумным найти ему достойное применение. Хотя брату он этого не говорил.

– Да, я умею пускать пыль в глаза. И веду большую часть расследований, и знаю кучу всего. И прекрасно владею оружием и искусством рукопашного боя. – Они подошли к «Импале», и Сэм, оказавшись у пассажирской двери, широко улыбнулся брату. – Так напомни, зачем ты мне нужен?

Дин собирался ответить, но тут из его телефона зазвучала песня Deep Purple «Smoke on the Water».

– И если уж на то пошло, – добавил Сэм, – это я научил тебя скачивать рингтоны.

Дин нахмурился, доставая телефон из кармана.

– Рано или поздно я бы и сам разобрался. – Открыв раскладушку, он посмотрел на входящий номер, и его глаза распахнулись еще шире, чем в холле мотеля. Он поднес телефон к уху и сказал: – Эллен?

Сэм удивился. Эллен Харвелл держала бар для охотников «Дом у дороги». Сэм и Дин недавно узнали, что последний муж Эллен погиб, охотясь вместе с их отцом, и это несколько омрачило их отношения – тем более что выяснилось это после того, как младшая дочка Эллен, Джо, сбежала, чтобы отправиться на охоту с ним и с Дином, хотя Эллен была категорически против.

Годы прослушивания громкой музыки и использования огнестрельного оружия сыграли злую шутку со слухом Дина, и теперь он всегда увеличивал громкость динамиков телефона. И Сэм слышал резкий голос Эллен.

– Слушай, – сказала она, – у меня есть для вас работа.

– Правда? Потому что...

– Это для Эша. Он сам не попросит, но я подумала, раз он сделал вам одолжение, вы, возможно, захотите ему отплатить.

Эллен тараторила, не позволяя Дину вставить и слова. Во всяком случае, она пыталась, но заставить Дина молчать – гиблое дело.

– Конечно, – усмехнулся он. – Я всегда питал слабость к этому болвану. Что ему нужно?

Эллен подробно изложила дело, но уже гораздо тише, и Сэм ничего не расслышал. Эш был бездельником-пьянчугой, но все-таки гением и умел отслеживать демонов с помощью компьютера. Сэму это не удавалось, несмотря на множество попыток. Дин когда-то сказал, что у Эша, наверное, есть демон-радар. Сэм не очень-то верил, что Эш учился в Массачусетском технологическом институте – ведь он, например, утверждал, что институт находится в Бостоне, а любой, кто там бывал, знает, что он в Кембридже, – но, учитывая, сколько раз тот помогал им с братом выбраться из передрыг, Сэм не сомневался: Эш свое дело знает.

– Ладно. Мы этим займемся. – Дин захлопнул мобильник. – Эта дорога выведет нас на восьмидесятое шоссе, верно?

Сэм стал вспоминать карту.

– Думаю, да. А куда мы едем?

Дин улыбнулся.

– Этот город так мил, что его название повторяют дважды: Нью-Йорк, Нью-Йорк⁶!

– Серьезно? – Сэм подошел к багажнику. – Открой его, я тебе кое-что покажу.

– Кое-что в Нью-Йорке? – хмыкнул Дин, подходя к брату, так как ключи были у него. Он открыл багажник, и Сэм достал из своей сумки папку.

– Может, это ерунда, но я обратил внимание на два убийства, которые там произошли.

– Сэм, это же Нью-Йорк. Там по пятьдесят убийств на дню.

– Именно поэтому на эти два никто, вероятно, и не обратил внимания. – Он достал ксерокопии газетных статей, которые сделал в публичных библиотеках, которые они недавно посетили. – Во-первых, парень, которого замуровали в подвале.

Сэм протянул Дину лист с короткой заметкой в «Нью-Йорк дейли ньюс». В разделе городских новостей было сказано, что Марка Рейеса нашли в Бронксе замурованным в подвале дома.

Пока Дин просматривал ксерокопию, Сэм продолжил:

– А вот это произошло в прошлое воскресенье: орангутанг забил до смерти двух студентов.

Дин взглянул на заметку.

– Серьезно?

Сэм кивнул.

– Эти убийства словно сошли со страниц рассказов Эдгара Аллана По.

– Как-то все это надуманно, – сказал Дин, возвращая ему заметку о замурованном мужчине.

– Возможно, но оба случая произошли в Бронксе, а Эдгар По когда-то там жил. К тому же первое убийство произошло пятого числа. Тело нашли только спустя два дня, но это случилось пятого, а в тот день было...

– Последнее полнолуние, – продолжил Дин. – Ладно, хорошо, возможно. Но...

Закинув папку обратно в багажник, Сэм сказал:

– История с орангутангом произошла в последнюю четверть луны. – Ему не нужно было напоминать брату, что многие ритуалы связаны с фазами луны. – Ничего особенного, но раз уж наш путь все равно лежит в Нью-Йорк, я подумал, что мы могли бы взглянуть, пока будем заниматься... тем, чем будем.

Дин захлопнул багажник.

⁶ Город Нью-Йорк в штате Нью-Йорк.

– У какого-то приятеля Эша неприятности с духами. Точнее, с привидением. И, разумеется, «Кому ты позвонишь тогда?»⁷.

Сэм усмехнулся. Они сели в машину, Дин – на водительское сиденье.

– Это очень странно.

– Что в Нью-Йорке есть привидения? Да мы повсюду с ними сталкиваемся.

– Нет, – покачал головой Сэм. – Странно, что у Эша есть друг.

Дин фыркнул и вставил ключ в зажигание. Когда «Импала» завелась, на его лице появилась улыбка.

– Ты только послушай, как она урчит!

Заерзав на сиденье, Сэм подумал: «Богом клянусь, если он снова начнет наглаживать приборную панель, я пойду в Нью-Йорк пешком». Однако ему повезло. Дин сунул в магнитолу кассету группы Metallica, прибавил громкость, и в машине зазвучало гитарное вступление «Enter Sandman».

Дин повернулся к нему.

– Запустить атомные батареи.

Сэм искоса глянул на брата и ответил:

– Я скажу «ускорить турбины»⁸, но только если ты обойдешься без комментариев насчет меня и коротких зеленых штанишек.

Дин включил задний ход и сказал:

– Погнали. – Вырулив с парковки, он переключился на первую скорость и выехал на дорогу.

⁷ Строчка из песни, звучавшей в фильме «Охотники за привидениями».

⁸ Обыгрывается диалог Бэтмена и Робина: костюм Робина включает в себя короткие зеленые штаны.

Глава 3

В пути

Шоссе 80, подъезжая к мосту Джорджа Вашингтона

16 ноября 2006 года, четверг

– Откуда тут столько народу?!

Сэм старался не смеяться над жалобами Дина. За последние пять минут тот уже в пятый раз задавал этот вопрос – за это время «Импала» продвинулась вперед метров на пятнадцать, не больше.

Они ехали всю ночь. Сэм предлагал переночевать в мотеле, но Дин хотел побыстрее добраться до места. Они ненадолго остановились в Кларионе, округ Пенсильвания, чтобы принять душ в мотеле и переодеться, заплатили одной из фальшивых карт и поехали дальше. Они пробирались через Пенсильванию и Нью-Джерси, сменяя друг друга за рулем, чтобы по очереди выспаться.

К сожалению, к мосту Джорджа Вашингтона они подъехали в утренний час пик.

Дин был на грани.

– Должен быть другой способ попасть в город!

Сэм даже не стал смотреть на карту – они уже несколько раз заводили этот разговор.

– Тоннель Линкольна и тоннель Холланда находятся дальше от Бронкса, и потом – это же тоннели, в них движение наверняка еще плотнее. Машинам приходится втискиваться в...

– *Хорошо.* – Дин стукнул по рулю.

Друг Эша жил в районе Ривердейл, который тоже находился в Бронксе, – это означало, что расследовать убийства по мотивам рассказов Эдгара По будет проще.

– Насчет того дела, – произнес Дин. – Ты сказал, что убийства происходят как будто по рассказам Эдди Альберта По, верно?

– Эдгара Аллана По, да.

– Не важно. Это он написал «Ворона», да?

– Ты читал? – бросив косой взгляд на брата, ответил Сэм.

– Слышал в «Симпсонах». Эй, давай шевелись! – внезапно заорал Дин на водителя перед ними. – Боже! Да между тобой и тем парнем впереди еще полсотни машин влезет! – Он снова стукнул по рулю. – Клянусь, эти люди просто нашли свои чертовы права в коробке с попкорном!

– Ну так вот, – начал Сэм, чтобы отвлечь Дина, – замурованный в подвале парень – это из рассказа «Бочонок амонтильядо». А орангутанг – из «Убийства на улице Морг». И, кстати, это был первый в мире детектив.

– Серьезно?

– Да, этот рассказ оказал большое влияние на сэра Артура Конан Дойла, когда он создавал Шерлока Холмса.

– Спасибо, библиотекарь Мэриан.

Сэм был рад услышать, как Дин его поддразнивает, это означало, что он отвлекся хотя бы...

– Эй ты! Включи чертовы поворотники!

...ненадолго.

– В Стэнфорде у меня был факультатив по литературе: «Американские призраки». Мы изучали феномен сверхъестественного в американской литературе, и там довольно много было про Эдгара По. Понимаешь, мы столько всякого повидали, и мне стало интересно, что говорит поп-культура о том, с чем мы имеем дело.

– А что, «Секретных материалов» тебе было мало?

– Seriously, Дин, тебе стоит почитать рассказы По. «Падение дома Ашероу», «Маска красной смерти» – в некоторых из них много похожего на нашу работу. Интересно, что же он видел, если написал такое?.. Я хочу сказать, Эдгар По ведь и правда положил начало жанру ужасов.

– О'кей, профессор, и как ты считаешь – что не так с этими убийствами? Фазы луны, попытка воссоздать сюжеты старых рассказов – похоже это на какой-нибудь известный тебе ритуал?

– Ничего конкретного, но кое-что все-таки есть. Помнишь, я рассматривал карту? Я хотел кое-что проверить и обнаружил, что оба убийства произошли ровно в миле от дома Эдгара По.

– Во-первых, что это еще за дом Эдгара По?

– По несколько лет жил в маленьком коттедже в Бронксе.

– Чувак, я смотрел «Форт Апач»⁹, в Бронксе нет коттеджей. Эй, кретин, выбери уже полосу!

Сэм почувствовал необходимость покрепче ухватиться здоровой рукой за приборную панель.

– В девятнадцатом веке были. Бронкс стал частью Нью-Йорка только в девяностые годы прошлого века. А этот дом сохранили, потому что там жил По. И его жена там умерла.

Дин кивнул.

– Ладно, у этого места есть особая атмосфера. Но я все равно не вижу связи.

– Я тоже, – ответил Сэм, пожав плечами.

– Во-вторых, почему ты не рассказал мне об этом, когда рассматривал карту? Я думал, ты искал объездные пути.

Удивившись, что Дин задал этот вопрос, Сэм ответил:

– У тебя в магнитоле кассета Led Zeppelin. А у меня хватает мозгов не вести умные беседы, пока играет «Whole Lotta Love».

Дин открыл рот, закрыл и снова открыл.

– О'кей. Это логично.

Движение стало еще медленнее, и Сэм понял, что они приближаются к пропускному пункту. Дин увидел, что некоторые полосы двигаются быстрее, и перестроился.

– М-м, чувак, там автоматический пропускной пункт.

– Вот черт.

Жизнь Винчестеров отравляло внедрение таких новшеств, как автоматический пропускной пункт, переходно-скоростные полосы, видеорегистраторы и прочие технические затеи, для которых требовалось прикрепить на лобовое стекло кусок пластика, чтобы сканер мог считать информацию и списать деньги с кредитки или счета. Для этого нужна была кредитная карта, которую они не могли себе позволить – все их кредитки были фальшивыми. Сэм подумывал проверить что-нибудь со счетом, которым он пользовался в Стэнфорде и с которого оплачивал мобильник и интернет, но теперь, когда их с Дином разыскивали, неразумно вывешивать на лобовое стекло то, что поможет их выследить.

Правда, полосы для оплаты наличными двигались значительно медленнее, и это только усугубляло и без того мрачное настроение Дина.

То, что они торчат в пробке, пока десятки других машин проносятся по полосе с автоматическим пропускным пунктом, полностью уничтожило весь эффект от отвлекающего маневра Сэма – Дин, чертыхаясь, правой рукой намертво вцепился в руль, а левой колотил по внутренней стороне водительской двери.

⁹ «Форт Апач, Бронкс» (Fort Apache the Bronx) – американский фильм 1981 года.

Признав тщетность своих попыток, Сэм достал ноутбук. Интернет грузился медленно, не быстрее, чем в телефоне, но в конце концов ему все-таки удалось найти и открыть сайт группы друга Эша – «Скоттсо».

К тому моменту, как он закончил читать, они уже добрались до пропускного пункта.

– Чувак, у тебя есть наличка? – спросил вдруг Дин.

Сэм резко повернулся.

– Что, прости? Я думал, это ты у нас хранитель прибыли, мистер Шулер, король бильярда и покера.

– Помнишь ту девушку в Саут-Бенде, студентку Нотр-Дама¹⁰, которая...

Сэму категорически не хотелось слушать продолжение фразы, которую Дин начинал словами «помнишь ту девушку».

– Ладно, черт с тобой.

Извернувшись на пассажирском сиденье, Сэм залез левой рукой в карман брюк. Достал три четвертака, несколько распечатанных в Индиане визитных карточек «Сэм Винчестер, репортер» именной зажим для денег. В нем было четыре банкноты, и десятидолларовая заметно выделялась, потому что теперь они все были разного цвета. Сэм осторожно достал ее и протянул Дину.

Дин заплатил за проезд десяткой, что-то проворчал в ответ на пожелание хорошего дня и сунул сдачу в карман рубашки.

Сэм хотел возразить, но подумал, что жизнь и так чертовски коротка, и просто сказал:

– Поедем по Генри-Гудзон-парквэй, так что держись правой стороны.

Дин кивнул, и они въехали на мост.

Некоторое время Сэм просто наслаждался видом. Мост Джорджа Вашингтона – один из самых знаменитых в стране. И хотя выглядел он не столь оригинально, как, скажем, мост Золотые Ворота, который они с Джесс видели в Сан-Франциско, или Бруклинский мост здесь же, в Нью-Йорке, было в нем своеобразное величие, которое его восхищало.

Пока «Импала» тащилась по мосту – все еще со скоростью меньше тридцати километров в час, но уже быстрее черепахи, – Сэм посмотрел направо. Погода была ясная, и он смог увидеть одну из самых известных в мире панорам: серые, красные, серебристые, коричневые небоскребы всевозможных форм и размеров тянулись вверх, а над ними возвышался шпиль Эмпайр-стейт-билдинг. Это была сложная комбинация всевозможных зданий, образец превосходства человека над природой.

Та часть в нем, которая стремилась к новым знаниям, отчаянно хотела исследовать это явление: прикинуться туристом и осмотреть достопримечательности, как они с Джесс делали в Сан-Франциско, или разведать все об изнанке этого места – узнать, правдивы ли тысячи легенд, возникших в этом городе: об аллигаторах в городской канализации, о призраке кондуктора в метро, о ракетных шахтах в жилых домах на Восточной стороне...

Скрепя сердце он отвернулся от окна. В их жизни пока не было места ни для чего подобного. Они приезжали, делали свою работу и уезжали. Черт, теперь у Дина еще и федералы на хвосте, и хотя Сэм не видел причин, чтобы и его тоже арестовали (еще один повод для Дина поворчать), он был уверен, что если брата поймают, то и про него не забудут. Так что им приходилось держаться в тени – а значит, никакого потакания своим желаниям. Увидеть статую Свободы, подняться на самый верх Эмпайр-стейт-билдинг, погулять в Центральном парке, даже спуститься под землю, чтобы проверить, есть ли там аллигаторы, призраки и ракетные

¹⁰ Университет Нотр-Дам (University of Notre Dame du Lac) – католический частный элитный университет, основан в 1842 году французским священником Эдвардом Сорином. Университет находится в городе Саут-Бенд (Индиана) в США, в двух часах езды от Чикаго.

шахты, – всего этого на повестке дня не было. Их работа – спасать жизни. И значит, если они не будут работать, кто-то может умереть.

Это работа. И она должна быть сделана. Их отцу пришлось умереть, чтобы он это понял, – это был один из пунктов в многокилометровом списке сожалений Сэма.

Съезд на Генри-Гудзон-парквэй находился сразу за мостом, и к облегчению Дина, которое он выразил необычайно громко, большая часть машин направлялась на юг, к Манхэттену. На север почти никто не ехал. Но желанию Дина прибавить скорость было не суждено сбыться – дорога была холмистой, со множеством поворотов, и Сэм вновь вцепился в приборную панель.

Чувствуя потребность отвлечься, так как Дин руководствовался в основном разделительной полосой, а не правилами, Сэм сказал:

– Я почитал в Сети о группе этого парня и начинаю понимать, почему Эллен в первую очередь подумала о нас. Это кавер-группа, и они играют рок семидесятых.

Дин оживился – впервые с тех пор, как они попали в пробку на 80-м шоссе.

– *Серьезно?*

– Да, они назвали себя в честь диджея, который умер несколько лет назад, – Скотта Мани.

– Чува-а-ак, – произнес Дин знакомым тоном. Это означало, что Сэм запутался в непонятных и бессмысленных музыкальных знаниях, которые, по мнению Дина, жизненно необходимы любому. Сэм едва успел подготовиться к гневной тираде, как Дин продолжил: – Муни, а не Мани. Его еще называли Профессором, это один из самых крутых рок-диджеев шестидесятых и семидесятых. Знаешь песню «Caravan» Вана Моррисона? Так вот, там он как раз...¹¹

Сэм кивнул, хотя не знал ни этой песни, ни диджея, о котором шла речь. Ему было все равно. С него хватило разноса насчет музыки Роберта Джонсона во время того дела с адскими гончими.

– Так вот, – сказал Сэм, убедившись, что Дин закончил с критикой, – друг Эша, Манфред Афири, солист и гитарист в этой группе. С ним играют четыре парня: клавишник Робби Мальдонадо, еще один гитарист Альдо Эммануэлли, басист Эдди Грабовски и барабанщик Том Дейли. По выходным они выступают в Ларчмонте, в заведении под названием «Парковка сзади».

Дин искоса глянул на Сэма.

– *Серьезно?*

Сэм пожал плечами.

– Так написано на сайте.

Дорога наконец стала прямой, и впереди показался знак, предупреждающий о том, что начинается еще одно платное шоссе.

– Да вы издеваетесь! Мы и так заплатили шесть баксов, чтобы попасть в этот город! И снова надо платить?

Подняв бровь на слове «мы», Сэм язвительно заметил:

– У тебя в кармане четыре бакса.

– Да-да. – Дин пристроился в очередь на единственной полосе для оплаты проезда наличными. Другие машины на полной скорости проносились по шести полосам для автоматической оплаты. Сэму начало казаться, что это какой-то заговор.

Когда они миновали пункт оплаты и еще один мост, поменьше, и оказались в Бронксе, Сэм сказал:

– Нам нужно на 246-ю улицу.

– Хорошо.

¹¹ Скотт Муни был большим поклонником Вана Моррисона и часто ставил его записи в эфире. Он называл себя Скоттсо (Scottso), и как-то пошутил, что в песне «Caravan» Моррисон поет именно «Scottso», а не *it's got soul* («у него есть душа»).

Дорога продолжала угрожающе извиваться, и выезды с нее вели к улицам, номера которых начинались с 200. Наконец они нашли нужный поворот, но не прошло и нескольких секунд, как они заблудились. Они поднялись и спустились с нескольких холмов, проехали по нескольким кривым улицам и окончательно запутались в нумерации улиц. Местность удивительно напоминала пригород, большие дома были окружены большими дворами, и это было совсем не похоже на Нью-Йорк, особенно по сравнению со скоплением небоскребов, которые Сэм видел с моста Джорджа Вашингтона.

– Я думал, городские улицы здесь образуют решетку, – сквозь зубы процедил Дин.

– Ты путаешь с Манхэттеном, – терпеливо произнес Сэм.

– *С ума сойти.*

Дорога пошла вниз и направо, приближаясь к Т-образному перекрестку. И тут Сэм заметил зеленый знак, который сообщал, что они приближаются к 248-й Восточной улице.

– Туда! – воскликнул он, указывая пальцем. – Вот 248-я. Поворачивай направо.

– Богом клянусь, Сэмми, если она не в этом квартале, я возвращаюсь в Индиану.

Сэм решил воздержаться от замечания, что им совершенно все равно, куда ехать – к дому Манфреда Афири или обратно к мосту Джорджа Вашингтона. Потому что они заблудились. А еще ему удалось рассмотреть номер дома, мимо которого они проезжали.

– Мы в нужном квартале. Смотри, вот это место.

Поставить «Импалу» на улице было негде, но рядом с домом Афири была подъездная дорожка, и Дин заехал на нее.

Как только машина остановилась, Сэм выскочил из нее, радуясь возможности впервые после заправки в Скоттрэне, штат Пенсильвания, вытянуть свои длинные ноги. Когда он выпрямился, его колени хрустнули.

– Как мило, – сказал Дин, глядя на дом, и Сэм не мог не согласиться с ним.

Дом был трехэтажным, в колониальном стиле, с каменным дымоходом сбоку, деревянным крыльцом-террасой с качелями и темной деревянной дверью, в которой было небольшое витражное окно.

Эллен сообщила Дину имя, адрес и название группы, в которой играл тот парень, но они не знали, дома ли он. Они позвонили в дверь и прождали целую минуту. Видимо, дома никого не было.

– Ладно, давай взломаем замок, – сказал Дин и полез в карман куртки за отмычками.

Сэм остановил его.

– Обойдемся без этого. Мы же приехали, чтобы помочь этому парню, помнишь?

– Скажем ему, что нас прислал Эш.

– А если он не поверит и вызовет копов? Дин, нельзя нарушать закон без необходимости, а до этого еще не дошло. Черт, мы же только что приехали! Слушай, он наверняка на работе. Давай пока узнаем, что там насчет Эдгара По, а вечером вернемся. Он, скорее всего, будет дома.

Дин уставился на Сэма. Судя по тому, как забегали его глаза, старший брат пытался повернуть все так, чтобы оказаться правым. Наконец Дин повернулся и пошел обратно к машине.

– Ладно, но мы с места не сдвинемся, пока ты не выяснишь, как нам выбраться из этого дурдома. – Он открыл водительскую дверь. – И куда ты хочешь поехать сначала – к дому с замурованным парнем или на улицу, где порезвилась обезьяна?

Сэм улыбнулся.

– Нет и нет. Орангутанг был из зоопарка в Бронксе. Начинать надо оттуда. Скажем, что мы... Ну, не знаю, из журнала «Охрана дикой природы» или что-то в этом роде.

– Нет, лучше из «Нэшнл джиографик».

– М-м, ну ладно. – Сэм пожал плечами. – Это, конечно, неважно, но все-таки, почему не «Охрана дикой природы»?

– Потому что он принадлежит Обществу по охране дикой природы, которое курирует зоопарк. Это все равно что затеять расследование на ранчо Скайуокера¹² и заявить, что мы из журнала «Звездные войны: За кадром»¹³. Они сразу поймут, что мы врем. – С этими словами Дин сел в машину.

Сэм открыл дверцу и снова втиснулся на переднее сиденье.

– С каких это пор ты разбираешься в журналах о животных?

– Кэсси их выписывала.

Сэм усмехнулся. Кэсси была одной из бывших подружек Дина. Учитывая ее воинственный характер (Сэму хватило одной встречи с ней в Миссури), он совсем не удивился, узнав, что она поддерживает Общество по охране дикой природы.

Сэм достал карту, чтобы выяснить, как лучше всего проехать в зоопарк, и тут Дин спросил:

– Эй, а в этом зоопарке есть пингвины? Ну, как в «Мадагаскаре»?

– Те жили в зоопарке Центрального парка, – не поднимая глаз, ответил Сэм. – Но, думаю, в зоопарке Бронкса они тоже есть...

– Ага, но наверняка не такие крутые, как в «Мадагаскаре». Сомневаюсь, что они смогут захватить грузовой корабль или вступить в рукопашный бой.

– Дин, если они это *смогут*, у нас будет три работы...

¹² Ранчо Джорджа Лукаса в Калифорнии.

¹³ Star Wars Insider – официальный журнал вселенной «Звездных войн».

Глава 4

Зоопарк в Бронксе, Нью-Йорк

16 ноября 2006 года, четверг

Клэр Хемсворт стряхнула травинки с логотипа Общества по охране дикой природы на своей голубой рубашке и направилась к павильону монорельса в той части зоопарка, которая называлась «Дикая Азия». В ноябре народу в зоопарке было не так много, но желающих прокатиться по «Дикой Азии» всегда хватало.

Клэр вспоминала мамины рассказы о том, какой захватывающей была «Дикая Азия» в конце семидесятых, когда только открылась. Но она не очень понимала, почему этот маршрут до сих пор так популярен. Монорельс был древним, и в свободно разгуливающих животных нет ничего особенного. Конечно, в каменном веке, когда ее мама была ребенком, увидеть животное на свободе было чем-то из ряда вон выходящим, но теперь-то этим никого не удивишь. А вагончики представляли собой просто куски пластмассы, думала Клэр, и в любой момент могли сойти с рельсов.

Впрочем, настроение у нее уже давно было ни к черту. После того происшествия со студентами ей постоянно приходилось общаться с репортерами, полицией и юристами, представлявшими Фордемский университет, и она очень, очень устала. Юристы были хуже всего – ладно еще копы и репортеры, они выполняли свою работу, но ей приходилось слушать еще и бред фордемских коршунов от юриспруденции – и все только потому, что погибшие ребята были их студентами. А ведь их убили даже не в кампусе!

– Простите, мисс Хемсворт?

Клэр закрыла глаза и вздохнула. За последнюю неделю примерно пятьдесят разговоров начинались с этих слов, и все они были похожи на чистку зубного канала без анестезии. Если это не кто-то из полиции или Общества по охране дикой природы, она тут же пошлет их куда подальше...

Клэр обернулась и увидела самого сексуального парня на свете.

Рядом с ним стоял еще один, но Клэр почти не обратила на него внимания. Она не сводила взгляда с того, кого заметила первым. У него были такие потрясающие карие глаза и самый сексуальный голос в мире, если это, конечно, он ее окликнул. Она сразу решила, что сделает все, о чем он ее ни попросит. Он был рослым, но не нависал над ней угрожающе, как обычно это делают высокие парни. Его непослушные волосы были аккуратно причесаны, и у него был симпатичный нос.

– Э-э, да... Я мисс Хемсворт. М-м, Клэр.

– Приятно познакомиться, Клэр, – сказал тот, что пониже. – Меня зовут Джон Мейолл, а это мой друг – Берни Уотсон¹⁴. Мы из «Нэшнл джиографик»

Клэр оторвала взгляд от Берни Уотсона – чудесное имя! – и посмотрела на парня пониже с коротко стриженными волосами, голубыми глазами и ртом, который, казалось, постоянно усмехается. *Это, кажется, Джон?*

– М-м, хорошо. – И тут она вспомнила сообщение, которое получила от своего босса, Фриды. – Ах да! Фрида сказала, что вы хотели со мной поговорить. Чем могу помочь?

– Мы пишем статью об орангутанге, который убил студентов. Нам сказали, что это вы за ними ухаживаете.

– Если это вас не затруднит... – добавил Берни.

¹⁴ Джон Мейолл и Берни Уотсон (John Mayall, Bernie Watson) – участники группы John Mayall & Bluesbreakers, исполняющей музыку в жанре блюз.

– Нисколько! – быстро ответила она, не желая, чтобы Берни уходил, но и не совсем понимая, зачем «Нэшнл джиографик» писать о таком. Фрида написала, что пресс-служба разрешила поговорить с ними, потому что еще остались вопросы по поводу заметки, которая вышла в понедельник, но Клэр было непонятно, почему им это интересно. – Это же не совсем, э-э-э... ваш формат? – спросила она.

Джон усмехнулся.

– Ну, нельзя же все время печатать только фотографии голых пигмеев.

Закатив глаза, Клэр проигнорировала Джона и посмотрела на высокого Берни с его проникновенными глазами.

– Так что вы, ребята, хотите знать? Я ведь уже тысячу раз рассказывала эту историю. Вы можете узнать все, что хотите, из газет.

– Там вечно все перевирают, – сказал Берни. – А мы хотим напечатать правду и рассказать, что орангутанг не виноват.

– О, Дин ни в чем не виноват!

Тот, что пониже, вдруг судорожно закашлялся, а потом спросил:

– Дин? Так зовут орангутанга?

– Ну, это я его так называю. Нам на некоторое время предоставили двух орангутангов из Филадельфии, и я назвала их Хэнком и Дином – знаете, в честь братьев Вентура¹⁵.

– Мне кажется, Дин – замечательное имя для большого примата, как думаешь? – спросил Берни, глядя на Джона.

– Не совсем, – вполголоса ответил Джон, и Клэр стало интересно, что между ними происходит. Но тут Джон снова посмотрел на нее. – Клэр, вы можете еще раз рассказать, что произошло?

– Да, конечно.

Она чувствовала некоторую неловкость, поэтому повела двух репортеров к одному из деревянных столиков возле киоска. Набрав воздуха в грудь и стараясь не утонуть в глазах Берни, она рассказала все подробности: как Дин внезапно взбесился и начал прыгать как сумасшедший, а потом спрятался за камнем.

– После этого его некоторое время никто не видел – понимаете, мы не следим за ними круглосуточно, – а когда я пришла их с Хэнком кормить, то не смогла его найти. Вот только эти мальчики никогда не пропускают кормление, понимаете? *Никогда*.

Она почувствовала подступающие слезы и вытерла глаза рукавом голубой рубашки.

– Похоже, вы хорошо заботитесь о Хэнке и Дине, – заметил Джон. – Это так замечательно! Меня всегда впечатляла работа таких людей, как вы.

– Спасибо, – быстро ответила она и посмотрела на Берни. – И тогда я поняла: что-то случилось. Мы начали поиски. Бывает, животные сбегают, а Дин вел себя немного странно, но у нас очень хорошая охрана. И все-таки мы ничего не нашли.

Хорошая охрана – это мягко сказано. Аллана и Джимми уволили после того, как Дин сбежал.

Берни подался вперед, а Джон внезапно встал.

– В газете написано, что Дин попал в отдел по контролю над животными.

Клэр кивнула.

– Они сразу позвонили нам, потому что только у нас в городе есть два орангутанга. Мы живим нашим питомцам чипы с информацией, и меня отправили в отдел по контролю над животными. – Она вздрогнула от воспоминаний. – Боже, это ужасное место. Животных там

¹⁵ «Братья Вентура» (The Venture Bros.) – американский мультфильм о двух братьях, которых объединяет страсть к приключениям.

держат в тесных металлических клетках, с ними плохо обращаются. Да, я знаю, что большинство из них как-то связаны с преступлениями, но... *боже!..*

Перед ее лицом появилась салфетка. Она подняла голову и увидела Джона, на его лице отражалось что-то похожее на заботу.

– Спасибо, – поблагодарила она, взяла салфетку и вытерла слезы. И даже почти улыбнулась: Джон *очень* старался.

Он снова сел рядом с Берни.

– И вы проверили чип.

– Ну да... Но мне и не нужно было, понимаете? Я знаю своего Дина. – Она вытерла салфеткой слезы, которые снова потекли по ее щекам. – Бедный малыш был до смерти напуган. Они взяли у него кровь на анализ и обнаружили там наркотик, представляете?

– Кто мог его накачать? – спросил Джон.

– Ну, очевидно, тот, кто хотел убить тех двух студентов.

Господи, какой же этот Джон идиот.

– Так Дин невиновен? – в голосе Берни слышалось облегчение.

Клэр покачала головой.

– Мы так боялись, что потеряем его. Иногда семьи жертв требуют, чтобы животных усыпили, и суд обычно встает на сторону потерпевших.

– Правда? – удивился Берни. – Это ужасно!

Клэр не смогла сдержать возмущение.

– Так почти всегда бывает! Животные – тоже часть нашего мира, но многие этого не признают. Я заочно учусь на юридическом и немного разбираюсь в законах.

– Здорово, – сказал Берни. – А я *почти* окончил юридический.

– Серьезно? А почему вы бросили?

Берни замешкался.

– По семейным обстоятельствам, – тихо ответил он. – Но я доволен тем, чем сейчас занимаюсь.

– Это здорово. И все-таки подумайте о том, чтобы вернуться. В наши дни многие юристы просто гребут деньги, представляя интересы крупных компаний, а нам нужны люди, которым не наплевать на этот мир, понимаете? А где вы учились?

– В Стэнфорде. Я писал там выпускную работу.

Клэр одобрительно присвистнула.

– А я в Нью-Йоркском университете. Жаль, что на учебу остается не так много времени, но это стоит денег и приходится много работать здесь.

– Уверен, вы справитесь. Вы, похоже, полны решимости, – сказал Джон.

– Так и есть, – быстро ответила Клэр и снова посмотрела на Берни. *У него еще и мозги есть, раз он учился в Стэнфорде.*

– Вы сказали: семьи жертв обычно требуют, чтобы животных *усыпили*, – сказал Джон, подчеркнув последнее слово так, будто никогда прежде его не использовал, и это показалось Клэр странным. – А в этот раз нет?

Она хотела еще расспросить Берни о его учебе, но Джон, похоже, был нацелен выполнить свою работу, и Клэр его понимала.

– Нет, Дину повезло. – Ей это кажется или Джон и правда морщится каждый раз, как она произносит имя орангутанга? – Оба студента были членами Общества по охране дикой природы, и их семьи проявили сострадание. Анализ крови подтвердил, что Дин был накачан наркотиками, и они не стали настаивать. А копы в тот день были в хорошем настроении и разрешили нам его забрать. – Она покачала головой. – Помню, однажды – кажется, в Миннесоте? – сурикат укусил ребенка, который был слишком глуп, чтобы обратить внимание на знак,

запрещающий совать руку сквозь ограду. Семья ребенка отказалась сдавать анализ на бешенство, и зоопарку пришлось усыпить всю семью сурикатов.

– Сдается мне, усыпили не ту семью, – заметил Джон.

Клэр кивнула и снова уставилась в завораживающие глаза Берни.

– Так что Дин вернулся к нам, но мы пока не выпускаем его в природную зону.

– Почему?

– Шутите? Он же сильно травмирован. Я только что их кормила, и он не стал есть, пока я не ушла. Он не подпускает к себе Хэнка, не позволяет мне его обнять.

Джон открыл рот.

– Вы с ним *обнимаетесь*?

Клэр удивилась его вопросу.

– Конечно. Но сейчас, когда я пытаюсь его обнять, он... шипит.

Берни прикусил нижнюю губу, и Клэр нашла это *очаровательным*.

– Клэр, могу я попросить об одолжении?

– Конечно, – с готовностью ответила она. И, как ей казалось, с кокетливой улыбкой добавила: – Спрашивайте.

– Можно нам... Можно нам увидеть Дина?

Не это она надеялась услышать. Теперь придется его расстроить.

– Извините, но этого я не могу. Сейчас туда пускают только меня.

Джон наклонился вперед.

– Ну, а если вы скажете, что все нормально...

– Это не мне решать. К орангутангам пускают меня только потому, что я их дрессировщик. Из-за этого мы не можем отправить их обратно в Филадельфию. Извините, но у меня будут огромные неприятности, и... и мне больше не разрешат с ними видаться.

Берни был симпатичным, но не настолько. Хэнк и Дин были ее мальчиками, и она никому не позволит поставить под угрозу их отношения.

Даже Берни.

Они задали еще несколько вопросов, а потом встали. Это ее удивило и расстроило.

– Что ж, – сказал Берни, – спасибо за помощь. Если вспомните что-нибудь еще, позвоните мне, хорошо? – Он залез в карман и достал потрепанный клочок бумаги. – Извините, визитки закончились. Мы заказали их недели три назад, но до сих пор не получили.

В голове Клэр вдруг зазвучал тревожный звоночек. Почему они больше ничего не спросили? И ничего не записывали.

Но она все равно взяла номер его телефона – не полная же она дура. Может, удастся пообщаться с ним без его бестолкового приятеля.

Как-то слишком уж долго пожимая ее руку, Джон сказал:

– Приятно было с вами познакомиться, Клэр. Надеюсь, Дину станет лучше.

– Спасибо.

Она первая прервала рукопожатие, и парни направились к лестнице, по которой можно попасть в другие части зоопарка или к одному из двух выходов.

Ну, вот и все.

Взглянув на номер телефона с кодом 650, Клэр нахмурилась. Она была уверена, что офис «Нэшнл джиографик» находится в Вашингтоне, округ Колумбия, и телефонный код у них 202. А еще она знала, что 650 – телефонный код Калифорнии. Конечно, это мог быть код района Стэнфорда, ведь Берни там учился, но почему он не сменил его после того, как бросил университет и переехал в Вашингтон?

И почему они ничего больше не спросили о Дине или о наркотиках и не задали другие вопросы из списка Фриды?

Она покачала головой, встала и пошла к небольшой деревянной будке, где находилась касса у входа в «Дикую Азию».

– Привет, Клэр, – поздоровалась женщина в будке, ее голос глухо звучал за стеклянной перегородкой. – Что случилось? Кто эти парни, с которыми ты разговаривала? Тот, что пониже, такой сексуальный.

– Джина, можешь набрать Билла? Мне нужно с ним поговорить.

Билл был начальником службы охраны, и это он уволил Джимми и Аллана. Но как ни противно было это признавать, Клэр была уверена: ему надо знать о Джоне Мейолле и Берни Уотсоне.

Глава 5

В пути. Бронкс, Нью-Йорк

16 ноября 2006 года, четверг

– Молодец, дал ей свой телефон!

Сидя на пассажирском сиденье, Дин надеялся услышать от брата не только вздох. За рулем был Сэм, Дин решил не садиться за руль, пока они не окажутся в каком-нибудь нормальном месте.

– Я просто хотел, чтобы она могла связаться с нами, если... – начал оправдываться Сэм.

– Если захочет еще поглазеть на тебя? Да ладно, чувак, она на тебя запала. Я дал ей салфетку, когда она собиралась заплакать, а она едва обратила на меня внимание. – Дин откинулся на сиденье и заложил руки за голову. – Она настроилась на Сэм-ТВ.

– Ну, может, ей не нравятся такие напористые, – сказал Сэм.

– Я не был напористым, я нормально себя вел.

– Может, тебе бы повезло, назови ты настоящее имя. – Сэм улыбнулся. – Ей определенно нравится обниматься с парнями по имени Дин. Хотя, возможно, ты недостаточно косматый.

Дин надеялся, что Сэм не станет поднимать эту тему. Шансов, конечно, не было, но иногда хотелось помечтать.

– Слушай, просто... – Дин замолчал. Орангутанга звали так же, как и его. Это факт. А он достаточно хорошо играл в покер, чтобы знать, когда пора остановиться. – Куда едем дальше?

– Тебе просто стыдно, потому что ты не знаешь, что значит «косматый».

– Сэм, я не идиот. Это значит «волосатый». А теперь можешь хоть на секунду сосредоточиться? Куда мы едем дальше?

– То есть ты говоришь, что она на *меня* запала, и *мне же* нужно сосредоточиться?

Сэм все продолжал об этом говорить, пока Дину не удалось вклиниться:

– Уже почти шесть часов. Думаю, пора вернуться к Афири, посмотреть, дома ли он.

– Я не против.

Большая часть дня ушла на то, чтобы найти в зоопарке человека, с которым можно поговорить. Убедить начальство, что они собираются просто задать несколько вопросов для журнала, удалось только благодаря *немалому* обаянию Дина и честному лицу Сэма.

– За целый день мы узнали только, что кто-то накачал обезьяну и похитил ее из зоопарка, чтобы отделать двух студентов, а потом оставил службе по контролю над животными! Но мы это и так уже знали.

– Думаешь, это кто-то из зоопарка? – спросил Сэм.

Дин пожал плечами.

– Возможно. Это объясняет, как он прошел мимо охраны, но... Ты же сам видел этих людей – Клэр, Фриду... Они без ума от этих животных. Эта работа – их призвание. Не представляю, чтобы кто-то из них так поступил с обезьяной ради того, чтобы воссоздать сюжет какого-то рассказа.

– Если, конечно, дело именно в этом. – Сэм вздохнул, съехал с переполненного шоссе и тут же попал в пробку. Дину стало интересно, есть ли в этом дурацком городе хоть одна свободная дорога. – Хотел бы я выяснить, что тут на самом деле происходит.

– Что, пока никаких мыслей?

Сэм покачал головой.

– Никаких. Пороюсь сегодня в дневнике отца, может, найду там что-нибудь. До двадцатого еще четыре дня: будет новолуние и, скорее всего, появится новая жертва. Но у нас пока есть время, чтобы все выяснить.

Они наконец добрались до дома Афири. Дин, гордившийся своим превосходным чувством ориентации и способностью найти все что угодно, понятия не имел, как они сюда добрались. Этот район Бронкса был холмистым и извилистым и вызывал сплошную головную боль. *Пошлите мне ровные прямые дороги. В Сан-Франциско не так ужасно, как здесь.*

В этот раз, когда они подъехали к дому Афири, на подъездной дорожке стоял грязный внедорожник с наклейкой на бампере «Не нравится, как я езжу? Звони 1-800-выкуси». Рядом все же нашлось местечко, куда Сэм и втиснулся. Перед «Импалы» слегка загораживал дорогу, но Дин подумал, что раз уж они будут в доме того парня, которого загораживают, то не стоит и пытаться найти место для параллельной парковки.

– Ого! Эш не шутил, когда сказал, что вы быстро доберетесь!

Выбравшись из машины, Дин увидел на крыльце мужчину в темных очках в толстой пластмассовой оправе, с длинными и всклокоченными каштановыми волосами, густой и почти полностью седой бородой. Одет он был в концертную футболку с изображением группы Grateful Dead и рваные джинсы с коричневыми, зелеными и желтыми пятнами, о происхождении которых Дин ничего не хотел знать. А еще он был босым.

– Вы, должно быть, Манфред Афири, – сказал Дин. – Я Дин Винчестер, а это мой брат Сэм.

– Да, Эш сказал, что вы заедете. Ну, и как там этот старый засранец? Господи, скажите, что он наконец нормально постригся!

– А вот и нет, – усмехнулся Дин. – Сверху у него стрижка все такая же деловая...

– ...а снизу тусовочная. – Манфред покачал головой. – Черт, не мне говорить о ретро-прическах, но моя хоть выглядит прилично. Сечете, о чем я?

– Разумеется, – ответил Дин, и они с Сэмом подошли к крыльцу.

– Мы слышали, у вас проблемы с привидениями, – сказал Сэм.

– Да, и это вроде как обламывает мне кайф, сечете? Но мы к этому еще вернемся. Я как раз собирался выпить кофейку. Заходите, потрещим. – Он усмехнулся. – Уж извините, ретросленг идет в комплекте с ретропрической. Поболтаем. *Поболтаем*, так?

– Сойдет.

Дин посмотрел на Сэма и улыбнулся. *Мне нравится этот парень.*

Это чувство укрепилось, когда они вошли в дом и Дин услышал «For a Thousand Mothers» группы Jethro Tull. Он невольно забарабанил в воздухе под аккомпанемент Клайва Банкера.

– Хороший выбор!

– Ага, недавно был на посвященной им вечеринке. Хочу записать каверы на их песни, но никто не играет на флейте, а Jethro Tull без флейты – это же не Jethro Tull! Сечете?

– Верно подмечено, – кивнул Дин, осматриваясь. Входная дверь вела в холл, который был увешан постерами с концертов, состоявшихся задолго до его рождения: Beatles на «Шей Стадиум», Rolling Stones в зале «Филмор-Ист», Леонард Коэн на острове Уайт в 1970 году.

Слева он увидел огромную гостиную со старой пыльной мебелью: диван, мягкое кресло, кресло-качалка, большой сервант и буфет, заставленный бутылками с алкоголем. В углу лежали стопки газет и журналов с изображениями музыкальных инструментов на обложках, стояли три гитары на подставках и несколько усилителей. Одна стена была заставлена виниловыми пластинками, другая – кассетами и дисками. Еще там был развлекательный центр, состоявший из выдавшего виды телевизора и блестящей стереосистемы с проигрывателем, кассетным магнитофоном и шестидисковым плеером. Сначала он не заметил колонок, а потом понял, что их четыре и они расставлены по комнате так, чтобы добиться сражающего наповал качества звука.

Тут Дин заметил, что Манфред и Сэм куда-то подевались. Обернувшись, он увидел, что они двинулись на кухню.

– Прошу извинить моего брата, – сказал Сэм. – Кажется, он сейчас умрет от экстаза.

Манфред улыбнулся.

– Простите за беспорядок, экономка в этом году еще не приходила. Идемте.

Они вошли на кухню, где тоже царил беспорядок: в раковине громоздились грязные сковородки и кастрюли. Манфред сдвинул их в сторону, чтобы набрать воды в кофейник.

– Хорошие у вас колеса, ребята. – Манфред снова улыбнулся. – Или сейчас говорят «тачка»? В любом случае она 1967 года, верно?

– Да, – с гордостью ответил Дин. – Недавно заново ее собрал.

– Ого.

Налив воду в кофеварку, Манфред открыл морозилку и достал банку с кофейными зернами.

– Особый сорт, – ответил он на удивленные взгляды Сэма и Дина. – А где ты взял 427-й двигатель?

– У меня есть друг с контактами, владеет свалкой. Он и нашел его для меня.

Бобби Сингер не только предоставил им жилье после смерти отца, но и оказал Дину бесценную помощь, добывая запчасти для «Импалы» после ее встречи с грузовиком.

– Кайфово. Или круто? Классно?

– Классно, – улыбнулся Дин.

– У меня была такая, когда они только появились. Сейчас бы не взял: багажник большой, но не как у внедорожника, сечете? Вот почему я купил машину как у домохозяйки. А та старая колымага сдохла еще в семьдесят восьмом по дороге во Флориду. – Он усмехнулся. – Смешно! Я ехал туда, чтобы жениться на Бекки, и эта чертова машина заглохла. Нужно было обратить внимание на этот знак. Мы разошлись в восемьдесят шестом.

– Итак, Манфред, у вас тут привидение? – спросил Сэм.

– Да, и очень плохое. – Насыпав зерна в контейнер, Манфред убрал банку обратно в морозилку, достал из холодильника пакет молока и поставил на стол возле кофеварки и сахарницы с трещиной. – Не знаю, что вам сказал Эш... Короче, я играю в группе «Скоттсо». Мы выступаем в Ларчмонте каждую неделю по вечерам в пятницу, субботу и воскресенье. Три концерта. Так всегда, сечете? И каждый раз, когда я возвращаюсь домой после выступления, какая-то сумасшедшая девка начинает издавать тут ужасные звуки, визжит, сходит с ума. Я просто сбегаю из дома.

– Это происходит только в те ночи? – спросил Сэм.

– Ага. – Кофеварка забулькала, закипевшая вода смешивалась с молотыми зернами и стекала в резервуар. – Ой, подождите, нет, не каждый раз. Была одна спокойная ночь в пятницу, когда кто-то снял «Парковку сзади» для частной вечеринки и мы не выступали.

– И никакого привидения? – спросил Сэм.

Манфред покачал головой.

– Она что, действительно так называется – «Парковка сзади»? – не удержавшись, спросил Дин.

И он снова продемонстрировал зубы – почти все, хотя парочки коренных не хватало.

– Да, но в телефонном справочнике вы этого названия не найдете. Бар называется «У Нейта», но его так никто не называет. Короче, на нем висит огромный знак, и большими буквами написано «Парковка сзади», потому что на улице парковаться запрещено, а въезд на парковку не видно с дороги. Поэтому мы так его и называем.

Он достал из шкафчика три чашки и налил всем кофе. Сэм получил чашку, на которой было написано определение слова «кофе», а Дин с надписью «В моем кофе слишком много крови». Себе же Манфред оставил чашку с логотипом Metallica, чем немного огорчил Дина.

Дин предпочитал кофе черный, как его машина. Сэм, конечно же, бухнул туда полтонны сахара и молока налил почти до краев. Манфред только налил немного молока.

Сэм поднял чашку, но не стал пить. Дин, будучи умным парнем, ждал, когда его брат сделает глоток, чтобы уже потом попробовать самому.

– Так вы думаете, что привидение как-то связано с вашей группой? – спросил Сэм.

– Без понятия, Сэм. Поэтому я и позвонил Эшу. Знал, что он увлекается подобными страшилками. А я простой плотник, который играет рок-н-ролл. И ни черта не знаю о всякой пакости, что бродит по ночам. – Он одним глотком осушил полкружки, и Дин подумал, что у него, наверное, горло изо льда – кофе был горячим как лава. – Надо сказать, это мне очень мешает. В том смысле, что иногда после выступления хочется привести кого-нибудь домой, сечете? А визжащая деваха обламывает весь кайф.

– Вы видели привидение? – спросил Сэм. Затем сделал глоток и воскликнул: – Ух ты! Отличный кофе, мистер Афири!

– Просто Манфред. Мистером Афири меня называли учителя моих детей, когда я ходил на родительские собрания.

– У вас есть дети? – спросил Дин и сразу об этом пожалел.

– Надеюсь, они не услышат, что я их так называю. Они считают, что их отец не я, а тот кретин, за которого Бекки выскочила замуж в девяносто втором. Самое приятное из того, что они мне говорили: «Пап, ты все еще не подстригся?»

– Жаль это слышать, – тихо произнес Сэм.

Манфред пожал плечами.

– Что поделаешь. Я стараюсь помогать им, как могу, но они не очень-то во мне нуждаются. К тому же я накосячил с их мамой. Какой из меня отец, если мы разошлись, когда они были совсем маленькими?

Возможно, Дин и мог что-нибудь на это ответить, но он наслаждался самой лучшей чашкой кофе в своей жизни. Впрочем, его стандарты были не так уж высоки. Обычно приходилось довольствоваться тем, что наливали в дешевых забегаловках, мотелях и на автозаправках, то есть кофеиновыми помоями. Отец говорил: «чашка кофеина», потому что обычно все было настолько ужасно, что язык не поворачивался называть это кофе.

Но сейчас в его чашке был *настоящий кофе*. Дин пил бы этот восхитительный ароматный напиток, даже если бы не нуждался в подзарядке после выматывающего дня: сначала дорожное движение Нью-Йорка, потом бюрократы в зоопарке и напоследок девушка, которая запала на Сэма, а не на него.

– Так вы никогда не видели это привидение? – спросил Сэм.

– Нет, – покачал головой Манфред, – но я и не стремлюсь, сечете? Услышав вопли, я даже из «Доджа» не вылезая. Я даже не захожу в дом, просто жду рассвета. Хотя в понедельник это особенно хреново, ведь надо топать на работу.

– Вы сказали, что работаете плотником? – уточнил Сэм.

Манфред кивнул.

– Можно вопрос? Как вы смогли купить такой дом?

Дин растерянно посмотрел на брата, но после недолгих размышлений вопрос показался ему разумным. Если Манфред разведен, значит, скорее всего, платит алименты. А городскому плотнику вряд ли платят столько, чтобы он мог купить такой дом – особенно учитывая нью-йоркские цены на недвижимость. Конечно, Манфред еще играл в группе, но если бы это приносило большой доход, ему бы не понадобилась основная работа.

Манфред снова улыбнулся.

– Хорошо быть сыном двух очень богатых юристов. Точнее, это отец был богат, а мама всегда работала на добровольных началах, но тем не менее... А я был позором семьи – тусовался на «Лете любви» и в Вудстоке, в то время как отец представлял интересы нефтяных компаний. Но все-таки я был единственным ребенком, поэтому, когда они окочурились, я и получил этот дом.

– Соболезную, – снова тихо произнес Сэм.

– Невелика потеря. Слушайте, я правда благодарен вам за помощь.

Дин отпил кофе.

– Манфред, мы же еще ничего не сделали. Но мы займемся этим и посмотрим, что удастся выяснить.

– Чудненко. Ребята, а вам есть где остановиться? Если нет, то у меня наверху есть пара гостевых комнат.

Дин чуть не подавился, но умудрился удержать кофе во рту – и это хорошо, было бы жалко переводить такой прекрасный напиток.

– Серьезно?

– Очень любезно с вашей стороны, Манфред, но...

– Будем рады, – быстро ответил Дин, пока вежливость Сэма не отправила их в очередной мотель. Он даже не знал, чему радоваться больше: перспективе остаться в доме с потрясающей коллекцией пластинок, возможности начинать день с кофе или шансу не делить комнату с Сэмом. Он любил брата больше всего на свете – за исключением, быть может, «Импалы», – но уже больше года почти каждую ночь они спали в одной комнате (или на переднем сиденье машины). И раз уж появилась возможность получить разные спальни – тем более бесплатно, – он ни за что ее не упустит.

– Чудненко! Слушайте, у меня сегодня репетиция. Обычно мы собираемся в гараже у Томми. Он барабанщик. Раньше мы репетировали здесь – у меня куча места на чердаке, но соседи начали скулить. Не хочу, чтобы они вызывали копов, у нас же травка и все такое, и мы переехали к Томми.

При упоминании о травке Сэм нервно посмотрел на Дина, но тот в ответ лишь закатил глаза. *Господи, Сэмми, ты думал, что в доме музыканта найдется только кофе? Особенно у парня, который был в Вудстоке?*

– А завтра вечером можете прийти в «Парковку сзади» и послушать нас. Я достану вам два билета, так что платить не надо. Придется только покупать пиво, но оно у них неплохое, особенно на розлив. – Манфред одним глотком допил кофе и поставил чашку в раковину. – Чувствуйте себя как дома. Спальни наверху. Моя в самом конце. В остальных трех есть кровати, так что выбирайте, какую хотите.

– Спасибо. – Дин посмотрел на Сэма. – Давай разбирать вещи. – Он допил кофе и направился по коридору к входной двери.

Сэм пошел за ним и заговорил, только когда они вышли на крыльцо:

– Дин, ты уверен, что это хорошая идея?

– А в чем проблема, Сэмми?

– У него же тут привидение! Может, это не лучшее место для ночевки?

Дин вставил ключ в замок багажника.

– Чувак, мы *убиваем* привидения. К тому же сегодня четверг. Привидение появится только завтра ночью, так что у нас есть время просканировать электромагнитные поля и обыскать дом. Может, даже успеем выяснить, что там не так с Эдгаром По.

– Дин, дело в том... – Сэм замялся.

– В чем? – спросил Дин, вытаскивая из багажника свою сумку.

– Мне что-то не по себе.

– Да ладно тебе, Манфред хороший парень!

– Дело не в Манфреде. Дело в тебе. Мы словно попали в Дин-Диснейленд: постеры из Филмор-Ист, усилители, коллекция пластинок. Боюсь, мы отсюда никогда не выберемся.

Сообразив, что Сэм над ним прикалывается, Дин улыбнулся.

– Чувак, я *могу* сосредоточиться.

– Надеюсь. Потому что у нас тут привидение, которое явится в пятницу ночью, убийство, которое должно произойти в понедельник вечером, и плюс ко всему мы ночуем у парня, чей дом набит наркотиками, а нас обоих разыскивают федералы.

Дин захлопнул багажник.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты слишком переживаешь по пустякам?

– Ты. Примерно четыре раза в день, – тут же усмехнулся Сэм.

– Тогда считай, это пятый. Все будет в порядке. Пойдем устраиваться.

Глава 6

Дом Манфреда Афири, Бронкс, Нью-Йорк

17 ноября 2006 года, пятница

...Мама распластана на потолке, она в крови, огонь пожирает ее...

Они с братом следуют каждой команде отца.

– Мальчики, не забудьте насыпать соль у двери, тогда они не войдут, – приказывает он.

– Сэм, я хочу, чтобы ты сбил выстрелом каждую бутылку с этой стены, – кричит он.

– Дин, оставайся с братом, – рявкает он.

...Джессика распластана на потолке, она в крови, огонь пожирает ее...

Он учится разбирать винтовку «М-16», но еще ни разу не поцеловался с девочкой. Не может осилить «Моби Дика» и «Алую букву» в школе, хотя давно прочел собрание сочинений Алистера Кроули¹⁶, не говоря уж о работах Яна Гарольда Брунванда¹⁷. Выучил ритуал экзорцизма на латыни, но не может запомнить клятву верности – и его оставляют после занятий в школе. В одной из множества школ.

...Кэсси распластана на потолке, она в крови, огонь пожирает ее...

– Я должен найти отца.

– Он хочет, чтобы мы продолжили его дело. Спасали людей, истребляли нечисть.

– Мы можем не ругаться?

– Ты ведь гоняешься за ним, верно? За тем существом, что убило маму.

– Я не понимаю твоей слепой веры в отца.

...Сара распластана на потолке, она в крови, огонь пожирает ее...

Страх никогда не умирает, никогда не исчезает, никогда не проходит – сколько бы ты ни делал вид, что все в порядке, сколько бы ни лгал, что все будет хорошо, сколько бы ни говорил, что все исправишь, как бы ни был близок к смерти или к тому, что тебя поймают и навсегда посадят в тюрьму, и ты больше никогда никого не сможешь защитить...

...Эллен распластана на потолке, она в крови, огонь пожирает ее...

– Если что-то подобное случится с твоим братом, ты должен немедленно звонить мне.

– Звонить тебе? Ты издеваешься? Пап, я звонил тебе из Лоуренса. Помнишь? И Сэм звонил тебе, когда я умирал. Да у меня больше шансов выиграть в лотерею, чем тебе дозвониться.

...Джо распластана на потолке, она в крови, огонь пожирает ее...

– Он отдал нам приказ.

– Мне плевать! Мы не обязаны делать то, что он приказывает.

...Сэм распластан на потолке, он в крови, но огонь не пожирает его.

Глаза у него открыты, и они желтые.

– Ты должен убить меня, Дин. Отец так сказал.

* * *

– Нет!!! – Дин резко сел, весь в поту, простыни перекутились и намокли. – Черт возьми, – пробормотал он.

Выпутавшись из простыней на гостевой кровати Манфреда, он подошел к комоду, на котором стояло огромное круглое зеркало с красной пацификой на нем. Оттуда на него посмот-

¹⁶ Алистер Кроули – поэт, писатель, мистик. Был известен как черный маг и сатанист XIX–XX веков, один из идеологов оккультизма и сатанизма.

¹⁷ Ян Гарольд Брунванд – американский фольклорист, антрополог и писатель, популяризатор понятия «городская легенда».

рело изможденное, потное лицо. Черт, даже волосы спутались в колтуны, а их ведь для этого не так уж много, но ночной кошмар – «*В предыдущих сериях, черт их раздери, вы видели...*» – умудрился это сделать.

С самого детства Дин видел всякие ужасные вещи. Вещи, от которых сам Г. Р. Гигер¹⁸ опустил бы руки и забился куда-нибудь в тихий пригород. Вещи, по сравнению с которыми Стивен Кинг казался не страшнее Джейн Остин. Вещи, которые могли бы заставить – и заставляли – людей спиваться или вышибать себе мозги, – а может, и то и другое сразу. Но ему никогда не снились кошмары. Да, бывали страшные сны, особенно в детстве, но не леденящие кровь и бросающие в пот кошмары, которые снились ему теперь.

И в этом виноват отец.

Годы в дороге. Годы тренировок, драк и охоты. Годы беспрекословного повиновения приказам отца, какими бы странными они ни были.

Годы, когда он оказался между двух огней – между отцом и Сэмом, – отчаянно пытаюсь сохранить в семье мир.

Годы жизни согласно первому приказу отца после смерти мамы: «Хватай брата и беги из дома. И не оглядывайся. *Скорее, Дин!*»

Какими были последние слова отца, когда он сдался тому же демону, что убил их маму и девушку Сэма? «Хорошая работа, сынок»? «Продолжай трудиться»? «Я горжусь тобой, Дин»?

Нет, это был приказ защищать Сэма, а если не сможет защитить, то убить его.

Господи боже.

Дин смотрел на свое отражение, из-за пацифики частично окрашенное в красный, – по его лицу словно струилась кровь.

Он должен был рассказать Сэму... Это было бы честно по отношению к брату. И кроме того, он не хотел в одиночку нести это бремя. Но отец сказал: «Не говори Сэму».

Ублюдок.

Большую часть времени ему удавалось отвлечься, уйти с головой в работу. Работа, которую выполняли они с Сэмом, была важной. Все спасенные ими жизни, все отомщенные души – это было необходимо. И, черт возьми, у них это здорово получалось.

Как правило. Но иногда случалось что-нибудь такое...

Дин встряхнулся – он знал, нельзя поддаваться. У них есть работа. Даже две.

Он посмотрел на радиобудильник возле кровати: половина седьмого. Затем услышал рев мощного двигателя, требующего отладки, и, подойдя к окну, отдернул яркие шторы. С подъездной дорожки выруливал внедорожник Манфреда. Сердце Дина сжалось, когда он понял, что джип летит прямо на передний бампер «Импалы», которая до сих пор криво стояла у дороги. Но Манфред в последнюю секунду вырулил вправо. Правые колеса заскочили на бордюр, левые остались на дорожке, и машина выкатилась на темный асфальт улицы.

Переведя дыхание, Дин повернулся и посмотрел на смятую кровать. *Черта с два я снова лягу.* Бодрствовать в такое время не хотелось, но что поделаешь. И потом, его ждал самый лучший в мире кофе.

После горячего душа в невероятно крутой ванне на ножках Дин переоделся в последнюю чистую одежду и, сделав мысленно пометку: «спросить Манфреда, где ближайшая прачечная», спустился вниз в поисках кофе.

Он прихватил с собой дневник отца, но, сварив кофе, вдруг ощутил острое желание подробно изучить виниловую коллекцию Манфреда. Накануне ему удалось взглянуть на нее всего одним глазком. Ну ладно, не одним. Сэм накричал на него за то, что он просканировал

¹⁸ Г. Р. Гигер – швейцарский художник, представитель фантастического реализма, наиболее известный своей дизайнерской работой для фильма «Чужой».

электромагнитное поле только в гостиной, а на остальную часть дома забил. И едва не отобрал у него прибор.

Они ничего не нашли, но это было вполне ожидаемо. Привидение не показывалось с воскресенья. Не каждый дух оставляет за собой кучу электромагнитных следов, а этот призрак к тому же появлялся лишь время от времени.

Решающее испытание ожидает их сегодня, после выступления «Скоттсо». А до тех пор Дин намеревался слушать музыку – *единственным правильным способом!*

Но выбрать, что именно послушать, оказалось проблемой. Едва он останавливался на одной пластинке, и уже готов был поставить ее на проигрыватель, как на глаза попадалась другая. Он набрал целую стопку альбомов: Dark Side of the Moon, The Most of the Animals, Houses of the Holy, Dressed to Kill, The Who By Numbers, австралийской версии Dirty Deeds Done Dirt Cheap, Thick as a Brick, группы Metallica и In-A-Gada-Da-Vida. И это он еще не добрался до блюзовых альбомов! Дин продолжал рыться в записях даже после того, как включил «In-A-Gada-Da-Vida», исполняя на воображаемой гитаре классический рифф, которым открывался семнадцатиминутный заглавный трек.

Сверху донесся голос Сэма, становившийся все громче, как и скрип старых деревянных ступеней.

– Да, хорошо. Большое спасибо! Очень благодарен, что вы разрешили приехать так быстро. Да. Отлично. Спасибо! До свидания.

Дин поднял голову и увидел, как Сэм заходит в гостиную, убирая в карман смартфон.

– Ты сегодня рано! Не привык видеть тебя на ногах раньше десяти.

– Да, я недавно встал.

Дин посмотрел на часы и понял, что уже почти половина десятого. Он совсем потерял счет времени, просматривая альбомы. Умом Дин понимал ценность цифровых записей, но гибель виниловых пластинок серьезно повлияла на способность художников создавать крутые обложки для альбомов. Ни одна бумажка в изящной коробочке для дисков не сравнится с мастерски выполненной гравюрой для Stand Up или с многогранностью Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band. Запомнил бы кто-нибудь призму на обложке Dark Side of the Moon, будь она высотой в пару сантиметров?

Дин не стал делиться своими мыслями с Сэмом – его бы это только разозлило. Парень не ценит настоящую музыку. Поэтому он просто спросил:

– С кем ты разговаривал?

– Энтони работает в историческом обществе Бронкса и проводит экскурсии в доме Эдгара По. У Манфреда тут есть вай-фай, он дал мне пароль, и я нашел их сайт: они принимают только по записи. Я позвонил, и оказалось, что сегодня у них как раз есть свободное время. Съезжу туда около полудня. – Он усмехнулся. – Я бы и тебя позвал, но, вижу, ты тут встретил свою единственную любовь...

Дин опустил диск Zoso, который держал в руках, и сказал:

– Слушай, Сэмми, можешь превозносить свои CD, MP3 и AVI, но говорю тебе...

– Дин, AVI – это видеоформат, – с улыбкой заметил Сэм.

– *Но говорю тебе*, – повторил Дин, – ничто не заменит прекрасный звук иголки на виниле.

В этот момент пластинку заело, и Дуг Ингл снова и снова повторял слова «будь всегда».

По лицу Сэма расплзлась широченная улыбка. Дин бросил на него сердитый взгляд, затем подошел к проигрывателю, слегка подтолкнул иголку, и та перепрыгнула на следующую дорожку.

– Дай угадаю: в следующий раз ты будешь рекламировать лечебных пиявок? О нет, знаю! Ты начнешь утверждать, что конные экипажи лучше машин!

– Иди ты, Сэмми. – Дин подошел к мягкому креслу. – Пороюсь в дневнике отца, посмотрим, может, найду что-нибудь похожее на этот ритуал.

Сэм кивнул.

– Когда закончу с коттеджем По, проверю дом, в котором замуровали парня, и улицу, где до смерти забили студентов.

– Хорошо, может, найдешь то, что копы упустили, – сказал Дин.

– Сомневаюсь, – искренне ответил Сэм. – Чувак, это же нью-йоркская полиция!

– И что?

У Дина опыта общения с копами было больше, чем у Сэма, и он твердо верил: они хорошо разбираются только в *обычных* делах. Но то, с чем сталкивались они с Сэмом, выходило за грани разумного. Ни один коп с таким не сталкивался, и поэтому полиция всегда искала не там, где надо, не замечала важные детали и делала неправильные выводы.

– Сэм, копы действуют по стандартной схеме. Не верь тому дерьму, что видишь по телику, – они хватают первого подозреваемого. Не видят дальше своего носа. Поверь. Готов поставить десять баксов, ты найдешь то, что они упустили.

Сэм только фыркнул в ответ и пошел на кухню. Дин предположил, что за очередной чашкой кофе, которую он тут же осквернит молоком и сахаром.

Он снова переключил свое внимание на коллекцию пластинок. *Это действительно Music from Big Pink? Потрясно!*

* * *

Сложнее всего было найти место для парковки.

Коттедж Эдгара По находился на пересечении самой крупной автомагистрали Бронкса, метко названной Гранд-Конкурс¹⁹, и другой большой улицы, Кингсбридж-роуд. Если верить тому, что пишут в интернете, в котором Сэм копался перед поездкой, Кингсбридж-роуд раньше была дорогой для конного транспорта и вела к Королевскому мосту через реку Гарлем, соединяющему Манхэттен и Бронкс. Он нашел сайт поклонников Эдгара По, где упоминалось об убийствах и о том, что они как-то связаны с писателем. Он оставил его открытым для Дина, в слабой надежде, что брат найдет в себе силы оторваться от коллекции Манфреда.

На перекрестке был расположен парк, который раскинулся на несколько кварталов, в нем была эстрада и игровая площадка (они выглядели совсем новыми), и небольшой белый коттедж, который выглядел тут довольно странно. Теперь Сэм понял, почему Дин не хотел верить, что в Бронксе существует такое место. Казалось, весь город – за исключением района, где жил Манфред, – стремился вместить в себя как можно больше зданий. Жилые дома просто врастали друг в друга. А тут вдруг, посреди хитросплетений улиц, забитых многоквартирными домами, каждый не ниже пяти этажей, находился этот парк, а в нем – коттедж.

Минут десять Сэм катался на «Импале» по двум широким улицам и нескольким боковым, большинство из которых были с односторонним движением, отчаянно пытаясь найти место для машины. Он то и дело переходил от восторга к раздражению: стоило найти пустое место, как там обнаруживался пожарный гидрант. *Сколько же, черт подери, пожарных гидрантов в этом городе?!* В тех редких случаях, когда на пустом месте не было гидранта, оно оказывалось слишком маленьким для «Импалы».

Разъезжая по округе, Сэм заметил, что люди тут сумели приспособиться к тесноте. Когда они колесили с отцом по стране, то, как правило, выбирали небольшие города – в частности, потому, что отец считал: школы там лучше, чем в больших городах. Хотя, как выяснилось, то, что говорил отец, не всегда следовало считать непреложной истиной. Но в результате вышло, что опыт жизни в больших городах у братьев Винчестер был небогатым.

¹⁹ Grand Concourse – большое сборище, толпа (англ.).

Больше всего Сэма поразило тут сочетание разнообразия и гармонии, как в Стэнфорде, – вот только дело в том, что от студенческого кампуса ты именно этого и ждешь. Особенно если это Стэнфорд. Но и здесь люди самых разных национальностей прогуливались по улицам, заходили в магазинчики на первых этажах домов, играли на площадке в парке Эдгара По, приветствовали друг друга, болтали... Согласно опыту Сэма – безусловно, скромному, – этнические группы в больших городах всегда стремятся замкнуться в своем районе. Но здесь, в Бронксе, все было иначе.

Главным путеводителем по Бронксу для них с братом служил скандально известный фильм «Форт Апач, Бронкс» 1981 года. Он представлял себе сторовшие дома, уличные банды и все в таком духе. Но сейчас он видел, что народу тут полно, как в любом большом городе, однако это не мешало сохраниться и национальным общинам.

«Но, может, я просто все идеализирую», – усмехнулся он про себя, проезжая мимо еще одного свободного места, куда мог втиснуться разве что «Мини Купер», но уж точно не машина 1967 года выпуска.

Наконец освободилось место – на углу 192-й Восточной улицы и Валентайн-авеню, в самом конце парка. Там стоял парковочный счетчик, и это было досадно, зато «Импала» запросто туда влезет. Счетчики установили несколько десятилетий назад, оставив между ними расстояния, соответствовавшие размерам машин, которые ездили тогда по дорогам. И Сэм легко заехал на свободное место.

Позаимствовав два четвертака из денег, отложенных на прачечную, он оплатил час стоянки. Учитывая размер коттеджа, вряд ли экскурсия займет больше времени.

Сэм запер машину и пошел через парк, мимо сцены, пустой в этот промозглый ноябрьский день, и игровой площадки, на которой шестеро ребятишек играли, вопили и хихикали. За ними присматривали четыре женщины, и, проходя мимо, Сэм услышал, как они разговаривают между собой на испанском.

Вблизи дом Эдгара По выделялся еще больше, чем с дороги. На сайте исторического общества Бронкса было сказано, что он построен в 1812 году, а с 1846 по 1849 год Эдгар По жил в нем вместе с женой и тещей.

Подойдя к коттеджу, Сэм сунул руку в карман куртки и включил прибор ЭМП. Он не собирался доставать его при экскурсоводе, но надеялся, что рано или поздно тот отвернется, и тогда на прибор все-таки удастся взглянуть.

Экскурсовод как раз стоял на пороге: невысокий негр в бежевом пальто.

– Вы Энтони? – спросил Сэм, подходя ближе.

– Да, – ответил тот. – Рад, что вы все-таки добрались.

– Да, извините, никак не мог найти место для парковки. Машина у меня размером с корабль, и это не так просто, – смущенно улыбаясь, оправдывался Сэм.

Энтони склонил голову набок.

– На чем ездите?

– «Импала» 1967 года.

Энтони улыбнулся и впустил Сэма в темную гостиную.

– О, я вас прекрасно понимаю! У моего папаши был «Бьюик» пятьдесят седьмого года. Он полжизни провел, пытаясь припарковать эту штуковину. Ну-с, добро пожаловать в дом Эдгара По!

Сэм огляделся: его окружала старая кухонная утварь, камин, у самой двери стоял стол с открытками и сувенирами, а за ним – стеклянный шкаф с книгами. Книги были самые разные, начиная от произведений самого По и заканчивая путеводителями по Нью-Йорку вообще и по Бронксу – в частности.

– Прежде чем мы начнем, – сказал Энтони, – скажу, что за индивидуальные экскурсии мы обычно берем десять долларов.

«Ну, разумеется», – подумал Сэм, удерживая вздох. Он снова полез в карман, надеясь, что десятка, выданная Дину, была не последней.

Ему повезло, он нашел еще двадцатку. Энтони открыл кассу, находившуюся под столом с открытками, и достал десятку сдачи.

– Что у вас с рукой? – спросил Энтони, кивком указывая на его гипс.

Дин наверняка сообразил бы, как отшутиться, но Сэм не мог придумать достаточно веселого ответа для незнакомца. А правда вряд ли его устроит. *Видите ли, я сломал руку, когда боролся с зомби на кладбище. Понимаете, я пытался заманить ее обратно в могилу, чтобы воткнуть кол в грудь. Нет, я не сошел с ума! А почему вы от меня пятитесь?*

– Это длинная история, – пробормотал Сэм.

Такой ответ, похоже, удовлетворил Энтони.

– Ладно. Что ж, вот здесь Эдгар Аллан По и провел последние годы своей жизни. – И он рассказал ему то, что Сэм уже сам прочел на сайте. – К сожалению, полностью оценить вид сейчас не получится. – Он прошел мимо Сэма и открыл входную дверь. – Но если посмотрите туда, – он указал налево, – увидите спуск прямо к Валентайн-авеню.

Сэм кивнул. Он проехал по этому холму в своих бесконечных поисках парковочного места.

– Коттедж стоит на вершине холма, и отсюда можно было видеть все окрестности вплоть до Лонг-Айленда. Но изначально дом стоял не здесь. – Энтони указал на другую сторону Кингсбридж-роуд и продолжил: – Видите вон тот дом с желтым фасадом? Коттедж находился там. Его перенесли сюда, когда построили парк. На этом участке была ферма голландской семьи Валентайн, в их честь и называли улицу. Семья По снимала коттедж, хотя с трудом могла себе это позволить.

– Я прочел об этом на сайте, и мне это показалось странным. Как же так, По – один из самых популярных американских писателей, и был на мели? – сказал Сэм.

– О да, все верно. Тогда он был популярен, как популярен и сейчас. Немногие писатели могут похвастаться, что в их честь называли футбольную команду – даже если и не напрямую.

Сэм нахмурился, а потом вспомнил, что футбольный клуб Балтимора называется «Балтимор Рэйвенс». Эдгар По умер в Балтиморе и похоронен там, а команду называли в честь его самого популярного стихотворения²⁰.

– Немногие из его рассказов были напечатаны при жизни автора. А большая часть заработанных писательством денег уходила на тщетные попытки издавать журнал. Вот так-то. – Энтони повел Сэма в другую комнату. – Мы старались как можно точнее воссоздать атмосферу коттеджа. К сожалению, много чего из мебели уже не достать, но мы сделали все, чтобы наполнить интерьер предметами, соответствовавшими эпохе и уровню доходов писателя.

Сэм прошел за Энтони в самую большую комнату коттеджа, в которой находился камин – Энтони сказал, что сейчас его не топят, – стул, письменный стол и несколько фотографий в рамках. На стене висели книжные полки, заставленные старинными томами в кожаных переплетах, которые были так распространены в XIX веке.

– В то время отдавали предпочтение полкам, а не шкафам, потому что, сами видите, полы редко бывали ровными, – с улыбкой добавил Энтони.

Улыбнувшись в ответ, Сэм переступил с ноги на ногу на скрипучем деревянном полу.

– К тому же дерево деформируется от сырости, – продолжил Энтони. – Книжный шкаф, стоящий на полу, просто не практичен. – Он указал на стену. – А вот изображение коттеджа.

Подойдя поближе, Сэм увидел дом, в котором он сейчас находился, только тот стоял на вершине холма, границы которого теперь были очерчены Бриггс-авеню и 194-й Восточной

²⁰ Имеется в виду стихотворение Raven – «Ворон», а футбольный клуб называли Baltimore Ravens.

улицей, по которой он уже проехал несколько раз. Вокруг сплошь трава и деревья – настоящая идиллия.

– Жена Эдгара По, Вирджиния, была тяжело больна. Тогда это называли чахоткой, а сейчас – туберкулезом. По приехал в Нью-Йорк в 1844 году заниматься журналом, что в итоге и привело его к банкротству, и когда Вирджинии в 1846 году стало хуже, они переехали сюда, надеясь, что деревенский воздух пойдет ей на пользу. – Энтони улыбнулся. – Знаете, мне до сих пор трудно говорить об этом с серьезным лицом. Поймите меня правильно, мне здесь нравится, но деревенский воздух?..

– Да, это немного странно. Но ведь сейчас другое время, – рассмеялся Сэм.

– О да. В восемнадцатом и девятнадцатом веках в Бронксе было полно ферм, которые принадлежали Валентайнам, Джонсонам и, конечно же, первому поселенцу Джонасу Бронку. Раньше полуостров назывался «Земля Бронка», отсюда и название Бронкс. Когда Вирджинии стало хуже, ее переселили в отдельную комнату.

Энтони повел Сэма дальше, и они оказались в коридоре, откуда двери вели к лестнице, к задней двери коттеджа и еще в одну комнатку, поменьше. Там стояли кровать, тумбочка и еще кое-какие мелочи. Кровать была небольшой, но с крепким деревянным изголовьем и бугристым матрасом.

– Вот на этой кровати умерла Вирджиния. Мы кое-что изменили – настоящий матрас был набит сеном, которое довольно быстро портилось, поэтому мы заменили его пенопластовым наполнителем, который сыплют в упаковочные ящики.

Сэм расхохотался.

– Seriously?

– Эпохе это, конечно, не соответствует, зато не воняет.

Энтони снова стал серьезным и рассказал о том, что теща По, Мария Клемм, выполняла большую часть работы по дому и заботилась о Вирджинии, пока писатель работал и совершал продолжительные прогулки, и еще о том, что чердачные и подвальные этажи переделали для нужд исторического общества и закрыли для публики. Сэм не особенно вникал в то, что рассказывал Энтони. Он думал о том, что Вирджиния По умерла на этой кровати и *почти* на этом самом месте. *Пусть дом и перевезли через дорогу, но, может, здесь все же осталась энергия ее духа, хотя с тех пор прошло сто пятьдесят лет?*

Закончив рассказ о Вирджинии По, Энтони вышел из спальни, прошел мимо Сэма в заднюю часть дома и указал на фотографию на стене. Воспользовавшись тем, что Энтони стоит к нему спиной, Сэм достал прибор ЭМП.

Увы, никаких следов. *Да, шансов было мало.*

Энтони еще немного рассказал о жизни Эдгара По, о коттедже и о планах отреставрировать его и привести в порядок прилегающую территорию и туристический центр, которые тормозила городская администрация. Сэм сочувственно повздыхал, купил пару открыток – с изображением дома и портретом Эдгара По – и решил рискнуть.

– А вы слышали об этих недавних убийствах?

Энтони, до сих пор обходительный и дружелюбный, моментально помрачнел и стал оттеснять Сэма к двери.

– Так, хватит. Убирайтесь!

– Да что такое? – воскликнул Сэм с наигранным недоумением. – Послушайте, я читал об этом в интернете и не собираюсь... Да подождите же! – Сэм поднял руки и остановился. Энтони, к его чести, перестал напирать. – Я просто прочитал кое-что в газете и хотел спросить, вот и все. Ничего такого.

– Это совпадение, – твердо заявил Энтони. Сэм подумал, что после убийства Рейеса ему довольно часто задавали этот вопрос. – Вот и все.

Сэм вернулся к машине. Да, никаких следов ЭМП, но смерть жены Эдгара По запросто могла стать поводом для какого-нибудь ритуала. *Но для какого?* Сев в машину, он достал карту Бронкса, которую купил вчера по пути в зоопарк, и прикинул, как проще всего доехать до угла Уэбб-авеню и 195-й Западной улицы, где замуровали тело первой жертвы.

Поездка обещала быть довольно простой – перекресток находился всего в двух кварталах от Кингсбридж-роуд. К сожалению, добравшись туда, Сэм обнаружил, что не может повернуть направо, на Уэбб-авеню: движение одностороннее. Пришлось свернуть на Седжвик-авеню, а оттуда выехать на 195-ю – и снова одностороннее движение. Начав, как и Дин, испытывать отвращение к езде по городу, он проехал еще один квартал до 197-й – *куда, черт возьми, делась 196-я?* – свернул направо, проехал квартал до Уэбб и еще раз свернул направо.

Зато беспокоиться насчет того, что он не найдет нужный дом, явно не приходилось. Во-первых, там было всего два коттеджа, остальные дома были многоквартирными. Во-вторых, нужный ему дом был покрыт коричневой штукатуркой и выделялся среди других строений из красного кирпича. А еще только он был окружен лентой, и перед ним стоял стенд с объявлением о продаже.

Решив, что лучше вернуться сюда ночью с Дином, Сэм поехал дальше. Да и припарковаться было негде – возможно, ночью с этим будет проще.

Отъезжая, он заметил, как из помятой старой «Хонды Цивик», стоявшей возле дома, вылез невысокий невзрачный мужчина с большим носом. В обычной ситуации Сэм даже не заметил бы его, но он остановился прямо перед домом, в котором произошло убийство, и выглядел удивительно знакомым, хотя Сэм не мог понять почему.

Отмахнувшись от этой мысли, он покатыл по Уэбб-авеню к Кингсбридж-роуд, намереваясь проехать по Камбреленг-авеню до места, где убили двух студентов.

Глава 7

Дом Манфреда Афири, Бронкс, Нью-Йорк

17 ноября 2006 года, пятница

Подъезжая к дому Манфреда, Сэм услышал «The Great Gig in the Sky» Pink Floyd из дома Манфреда еще до того, как припарковал «Импалу». На этот раз место нашлось между двумя подъездными дорожками на другой стороне дороги. Интересно, одобряют ли соседи, выступавшие против репетиций «Скоттсо», рев стереосистемы Дина?

Войдя в дом, Сэм едва не оглох и порадовался, что пришел домой, когда Дин слушал более спокойные мелодии Pink Floyd, а не, скажем, Metallica, AC/DC или Deep Purple.

Дина он увидел в мягком кресле. Откинув спинку до упора и подняв подставку для ног, правой рукой он дирижировал, а левой листал дневник отца. По полу были разбросаны пластинки, ноутбук Сэма опасно балансировал на кофейном столике, на стопке старых газет и журналов. Нахмурившись, Сэм подошел и переложил его на диван, выдернув при этом зарядку.

Заметив брата, Дин поднял с пола пульт и уменьшил громкость.

– Прости, Сэмми, батарея разрядилась, а единственная свободная розетка здесь. – Он указал на выдернутый шнур, тянувшийся к розетке у входа в гостиную.

– Ничего страшного. Нашел что-нибудь?

– Вообще-то да. – Дин потянулся вниз и нажал на коричневый рычаг сбоку кресла – спинка выпрямилась, а подножка с громким треском опустилась. – И хорошими эти новости не назовешь.

Сэму это не понравилось, и он остановил брата:

– Тогда погоди. Мне срочно нужен тот кофе.

Дин улыбнулся и взял чашку с кофейного столика.

– Десять минут назад сварил свежий. Угощайся.

– Спасибо.

Сэм вошел на кухню, достал чашку с трилистником и надписью «Поцелуй меня, я ирландец» – странно, ведь имя Манфред Афири не похоже на ирландское, – и налил себе кофе. Положил сахар, но решил обойтись без молока, потому что утром оно показалось ему почти прокисшим. Кроме того, этот кофе можно было пить и так. Ему никогда особо не нравился вкус кофе, но жизнь охотника и студента заставила его ценить достоинства кофеина, не обращая внимания на вкус. Ему больше нравились «девчачьи», как называл их Дин, кофейные напитки, в которых всякие добавки – взбитые сливки и прочее – маскировали вкус горячей серы. И для Сэма это было не просто удачным сравнением – однажды он случайно попробовал горячую серу и не стремился это повторить.

Когда Сэм вернулся в гостиную, Дин снял с проигрывателя пластинку Dark Side of the Moon и перевернул на другую сторону.

– Так что ты нашел? – спросил Сэм.

Дин аккуратно опустил иголку на край пластинки, и зазвучала песня «Money». Сэм терпеливо ждал, когда Дин перестанет с восторгом дергать головой в такт звукам кассового аппарата.

Но его терпение быстро иссякло.

– Если, конечно, ты не слишком занят...

– М-м, да, прости, – ответил Дин. – Я нашел ритуал в дневнике отца, но не там, где ожидал.

Он снова сел в кресло и взял потрепанный дневник в кожаном переплете, распухший от бумажек, газетных вырезок и всего прочего. Каждый сантиметр страницы был исписан своеобразным почерком отца – военная аккуратность в нем словно боролась со скоростью. Буквы

были четкими, зато слова клонились во все стороны и налезали друг на друга, а строчки обвивали другие заметки. Сэм считал, что этот почерк запросто сведет с ума любого графолога.

Когда демон, убивший маму, появился снова, отец пропал, оставив дневник Дину – а следовательно, и Сэму, – чтобы те хранили его и использовали, продолжая семейное дело.

Больше он им ничего не оставил.

Сэм давно собирался перевести дневник в электронный вид, упорядочить записи, создать ссылки и вообще искать в нем информацию более подходящим для двадцать первого века способом, а не листать исписанные чернилами страницы и не перебирать пожелтевшие газетные вырезки и наброски карт, расположенные по принципу «записал, когда вспомнил». К сожалению, их образ жизни делал работу над таким масштабным проектом почти невозможной, и Сэм едва приступил к задуманному. Даже если не отвлекаться, эта работа займет долгие месяцы, а сейчас в его жизни было полно поводов отвлечься.

– И где же ты его нашел? – спросил он Дина.

– В самом конце.

Сэм поморщился. Там отец записывал все бесполезное: не работающие ритуалы и упоминания о монстрах, которых не существует.

Дин пролистал дневник.

– Ты когда-нибудь слышал о психе, которого звали Персиваль Сэмюэлс?

– Не помню, – ответил Сэм, покачав головой.

– В конце девятнадцатого – начале двадцатого века он был медиумом и совсем спятил, даже если сравнивать его с другими психами.

– И насколько сильно он спятил?

– Сам Алистер Кроули как-то назвал его сумасшедшим, так что, полагаю, у парня совсем крыша поехала, – усмехнулся Дин.

– Ну и что с того? Господи, Дин, в то время этих медиумов было триллион. И почти все – мошенники.

– Да, целая армия клонов Джона Эдварда²¹, разве что без телешоу. Они устраивали сеансы и пытались связаться с потусторонним миром, чтобы старушки, которые и так одной ногой уже стояли на том свете, могли поговорить с умершими мужьями, а дети – с двоюродной тетюшкой Салли и узнать, правда ли, что под полом спрятан миллион баксов. Разумеется, это все обман, но если ты достаточно хорош, сможешь заработать кучу денег.

– Ну, а при чем тут Сэмюэлс?

– Он был плохим медиумом и поэтому пытался придумать собственную фишку. – Дин нашел в конце дневника то, что искал, и передал тетрадь Сэму. – Он утверждал, что владеет заклинанием, которое *действительно* воскрешает мертвых.

Сэм взял дневник и увидел почерк отца. Он прочитал вслух описание ритуала:

– «Сигил должен быть начерчен безупречно. Центральная его точка – место, где душа воскрешаемого обретет силу. Четыре внешние точки – места, где События Великой Важности и Силы воссоздаются в четырех временных отрезках: в полнолуние, в последнюю четверть луны, в новолуние и в первую четверть луны. Когда будут совершены четыре шага, воскрешаемый вернется к жизни». – Сэм поднял голову. – Звучит знакомо.

– Да, но это фальшивка. Сэмюэлс продал ритуал куче людей, но ни у кого из них ничего не получилось, и его арестовали. В тюрьме он покончил с собой.

Сэм нахмурился и спросил:

– А ритуал точно не работает?

Дин пожал плечами.

²¹ Джон Эдвард – знаменитый американский медиум и ведущий телепрограммы «Путешествие в неизведанное».

– Я почти в этом уверен. Сэмюэлс утверждал, что взял его «из ритуалов народа хиндустани на Дальнем Востоке».

– Хиндустани – это язык, а не народ.

– Даже если он имел в виду индусов, то его ритуал никак не связан с индуистскими. Он просто вытащил его... из собственной задницы и постарался придать экзотический оттенок. Если помнишь, Британия в то время как раз колонизировала Индию, а сразу после Япония и Китай впервые вступили в полноценный контакт с Западом.

Сэм усмехнулся.

– А я-то думал, ты спал на уроках истории!

– Только не в одиннадцатом классе. – Дин усмехнулся, как всегда, когда говорил о женщинах. – У нас тогда преподавала мисс Модзелевски. Горячая штучка.

– Ну конечно. – Сэм прикусил губу. – Подожди-ка...

Он встал, вышел из дома и перебежал через дорогу, чтобы забрать из «Импалы» карту Бронкса. Вернувшись с первыми звуками «Us and Them», он посмотрел на кофейный столик, заваленный барахлом Манфреда, покачал головой и, сдвинув в сторону пластинки, сел на деревянный пол, застеленный красным узорчатым ковром. Достал из кармана карандаш и отметил на карте дом Эдгара По. Но тут же стер эту отметку и поставил другую – примерно там, где, по словам Энтони, коттедж находился раньше.

– А что там, через дорогу? – спросил Дин.

Сэм вкратце пересказал ему то, что узнал от Энтони. Потом отметил угол Уэбб-авеню и 195-й Западной улицы и отметил еще одну точку – на Камбреленг-авеню, между 188-й и 189-й Восточными улицами.

– Принесешь дневник? – попросил он Дина.

Дин выполнил его просьбу и сел рядом. И, разумеется, когда они соединили эти три точки, у них получилась часть сигила Сэмюэлса.

– В яблочко, – пробормотал Дин. – Первоначальное расположение дома Эдгара По – это место силы для его духа. И воссоздание «Событий Великой Важности и Силы» уже началось.

– Точно. Нет ничего сильнее заклинания, отнимающего жизнь, – сказал Сэм. Он закончил рисовать и выпрямился. – Что ж, если мы правы, то следующее убийство по мотивам По произойдет в понедельник либо на углу Фордем-роуд и бульвара Мартина Лютера Кинга, либо на Уэбстер-авеню, к югу от Бедфорд-парк-бульвар. – Он глубоко вздохнул и продолжил: – Знать бы, кто за этим стоит.

– Вообще-то, – сказал Дин, поднимаясь и подходя к дивану и ноутбуку Сэма, – мне кажется, ты уже нашел главного подозреваемого.

Он нажал пробел, чтобы исчезла заставка – самая обычная заставка Windows, потому что Сэм знал: стоит установить что-то личное, и у Дина тут же появится новый повод, чтобы дразнить его, а он вовсе не собирался облегчать ему жизнь, – и открыл сайт фанатов По, который обнаружил утром.

– Ты что-то нашел? – спросил Сэм и подсел к брату на диван.

– Типа того. – Дин зашел в раздел «О сайте». На экране появилось описание сайта и фотография его создателя. Его звали Артур Гордон Пим, у него были огромный нос, глазки-бусинки, тонкие губы, раздвоенный подбородок и тонкие каштановые волосы. – Парень сдвинулся на Эдгаре По и даже имя сменил. Пим – это персонаж одной из книг По²². Мне кажется, он умер бы от счастья, если бы встретился со своим кумиром, а это далеко не самый безумный мотив для убийства, который мы видели.

Глаза Сэма расширились, когда в его голове сложились два фрагмента информации.

²² «Повествование Артура Гордона Пима из Нантакета» – единственный оконченный роман Эдгара По (1838). Считается одним из самых спорных и загадочных его произведений.

– Ого!

– Что? Ты знаешь этого чудака?

– Нет, но... – Он покачал головой. – Я видел его сегодня.

Сэм быстро пересказал финал своей поездки к дому Эдгара По и неудавшуюся попытку осмотреть дом на углу Уэбб-авеню и 195-й Западной улицы.

– Этот парень подъехал к тому дому, – сказал он, указывая на экран.

– Все больше причин...

– Дорогая, я дома!

Сэм с Дином обернулись и увидели на пороге гостиной Манфреда в запыленном джинсовом комбинезоне, свитере с длинными рукавами, кожаной куртке и рабочих ботинках.

– Черт, не слушал Pink Floyd с тех пор, как колесил по стране. Хороший выбор, ребята!

– Спасибо, – сказал Дин. – М-м, извините за беспорядок.

– Да не парьтесь, – ответил Манфред. – Приятно, когда в доме гости, которые ценят прелести жизни. Вы же сегодня идете на наше выступление, да?

– Ни за что его не пропустим, – сказал Дин.

Сэм посмотрел на Дина, но ничего не сказал.

– Отпад. То есть круто. Пойду переоденусь, – сказал Манфред и отправился наверх.

– В чем дело? – спросил Дин, увидев выражение лица Сэма.

– Если привидение всегда появляется здесь после выступлений, может, стоит остаться и посмотреть, не заявится ли оно и на этот раз?

– А если оно не появится до возвращения Манфреда домой, упустим шанс послушать живую музыку. – И прежде чем Сэм успел возразить, Дин добавил: – Эй, хочешь быть домо-седом, флаг тебе в руки. А я пойду на выступление.

– Нет, я тоже пойду. Это все как-то связано с выступлениями, так что стоит проверить, – подумав, ответил Сэм.

А еще ему почему-то не хотелось оставаться тут одному. Дин чувствовал себя здесь как дома, но Сэму казалось, что он навязывается. Конечно, он спокойно пользовался гостевой кроватью и радовался, что не нужно возиться с фальшивыми кредитками – особенно сейчас, когда лицо Дина засветилось во всех полицейских базах страны, – но вот вести себя тут по-хозяйски – а именно так и вел себя Дин – казалось неправильным. Он чувствовал это, хотя и не знал почему.

Кроме того, если группа и правда играет рок семидесятых, Дин наверняка не заметит никаких странностей, которые могли бы быть связаны с появлением привидения. Значит, надо быть там и прикрыть брата.

– Мило, – сказал Дин. – Значит, мы пойдем на выступление, выследим привидение и, может, даже избавимся от него, а завтра найдем фаната По.

– Это уже похоже на план, – ответил Сэм.

Глава 8

«Парковка сзади», Ларчмонт, Нью-Йорк

17 ноября 2006 года, пятница

Вечер мог стать еще хуже только в одном-единственном случае: если засунуть себе в уши две раскаленные кочерги, решил Дин. И он бы так и сделал, лишь бы не слышать больше ни одной ноты, сыгранной «Скоттсо».

За свою жизнь он слышал очень много живой музыки, которую играло очень много заурядных групп. Учитывая постоянную нехватку денег и необходимость охотиться, речь о покупке билетов за сотни долларов на концерты любимых групп даже не шла. Поэтому он привык слушать живую музыку везде, где только можно, например в таких забегах, как «Парковка сзади».

Он бывал на выступлениях групп в придорожных закусокных, клубах, в перестроенных домах и сараях. Слушал блюзменов в Чикаго, джазменов в Новом Орлеане и кавер-группы в Ки-Вест. Видел, как студенческие группы играют в гаражах, а гаражные группы – в университетских кампусах.

И за все это время никто и никогда не играл так ужасно, как «Скоттсо».

Будем честны: Дин не раз слушал группы, пафос которых оправдывался лишь звучащим в их голосе эмоциональным зарядом. Будучи фанатом классического рока, он видел, во что превратились такие легенды, как Роберт Планта²³ и Стив Перри²⁴, годами надрывавшие глотки, и утешался тем, что и все эти бездари проведут остаток жизни с такими же серьезными повреждениями голосовых связок, как Планта и Перри. И это будет благословением для всего музыкального сообщества, особенно учитывая, какие отвратительные песни они сочиняли.

Но *те* группы Дина не беспокоили: они ведь издевались над своей собственной музыкой. Играли они хреново, но ведь и исполняли они хрень, так какого черта?

А вот «Скоттсо» посягнули на каверы любимых песен Дина: «Cocaine», «Ramblin' Man», «Rock On» и даже – помощи нам, господа, – «Freebird». И чудовищно их коверкали. Началось все с барабанщика. Единственного коротко стриженного мужчины в группе, который менял темп примерно раз в шесть тактов, бесконечно промахивался по тарелкам и имел раздражающую привычку в паузах между песнями ударять по ободу барабана, независимо от того, сказал кто-нибудь что-то смешное или нет. И, как будто этого было мало, он еще вырядился в фиолетовые шорты и футболку блевотно-зеленого цвета.

Басист выглядел как бревно – как и большинство басистов. Он торчал посреди сцены в черной футболке, черной куртке, черных джинсах и черных ковбойских сапогах. Его почти черные волосы были зализаны назад и спускались ниже плеч. В углу рта болталась незажженная сигарета. Понять, что он жив, можно было только по тому, что его пальцы бегали по струнам, а между песнями он время от времени делал глоток пива, умудряясь не выронить при этом сигарету.

В хорошей группе бас и ударные слиты воедино, они подпитывают друг друга и создают основу для других инструментов. Но «Скоттсо» нельзя было назвать хорошей группой. Дин даже не был уверен, что басист и барабанщик находятся на одной планете, не говоря уж о том, чтобы играть одну и ту же песню.

Клавишник был единственным, кроме Манфреда, с сединой в волосах, а также единственным среди своих длинноволосых приятелей, кто завязал волосы в хвостик, что только подчеркивало отсутствие волос на макушке, которая блестела в свете электрических ламп. Он

²³ Роберт Планта – один из участников рок-группы Led Zeppelin.

²⁴ Стив Перри – американский певец, работал с группой Journey.

попадал в ноты, не выражая при этом никаких чувств. Не то чтобы он делал что-то неправильно – вообще-то он держал темп лучше, чем ритм-секция, – вот только играл без души. Лучшие кавер-группы выбирали одно из двух: либо переделывали старые песни под себя, либо идеально воссоздавали оригинал. Эти ребята были на полпути к последнему, потому что больше копировали, чем воссоздавали. Но при этом похвастаться хоть какими-то успехами мог только клавишник.

И конечно же, Манфред Афири, которого Дин уважал ровно до тех пор, пока тот не открыл рот на сцене «Парковки сзади». Дело не в том, что он фальшивил. Чаще всего он попадал в ноты, хотя иногда и лажал. Но он играл без силы, без страсти, без души и без сердца. Черт, не будь у Манфреда микрофона, Дин сомневался, что вообще смог бы услышать его пение. Что, если подумать, было бы неплохо.

Дин направился к бару за, кажется, шестой бутылкой пива – он уже сбился со счета, но был уверен, что ему все еще мало, – в надежде, что в этот раз ему попадется симпатичная барменша, а не ее седеющий напарник. Обычно подход к стойке был поводом, чтобы подкатить к хорошенькой девушке, но сегодня из-за выступления «Скоттсо» на первое место вышел алкоголь.

Оба бармена были заняты. Дин втиснулся между целующейся парочкой и двумя парнями, похожими на членов студенческого братства, и уставился на стойку из темного дерева, которая выглядела так, словно половина человечества годами что-то на ней выцарапывала.

Барменша принесла студентам какие-то девчачьи напитки, и Дин сразу вычеркнул их из зоны своего внимания. Затем она подошла к нему. Ей было сильно за тридцать, но выглядела она очень сексуально. Каштановые волосы были убраны в хвостик и открывали хорошенькое круглое лицо. Глаза были небольшие – Дин не смог различить их цвет в тусклом освещении бара, – зато пухлым губам он поставил восьмерку по десятибалльной шкале. Даже восемь с половиной. Как и другой бармен, высокий мужчина лет пятидесяти, она была одета в черную футболку с красным изображением «Парковки сзади». Бармен носил ее как безрукавку, чего *совсем* не стоило делать, а на ней она выглядела изящно и обтягивала все нужные изгибы.

– Еще пива? – спросила она с сильным местным акцентом. О нью-йоркском акценте он знал только из сериала «Полиция Нью-Йорка», так вот она говорила примерно так же.

– Да, еще одно бруклинское.

К чести «Парковки сзади», тут продавали бруклинское светлое на розлив. Последний раз Дин пил его, когда они работали в Питтсбурге, и теперь понял, что скучал по нему. В конце концов, уместно наконец выпить пива именно там, где его делают.

Но желание перейти на текилу было очень сильным.

Барменша взяла чистый стакан и начала ловко наливать в него пиво, держа стакан под правильным углом и даже не глядя на него.

– Никогда вас тут раньше не видела.

Грех было упускать такой случай.

– А я здесь впервые. Меня зовут Дин.

– Дженнифер. – Из-за акцента последний слог прозвучал как «фар». – И я удивлена. Знаете, у нас не так много новеньких.

– Мы друзья Манфреда, из другого города.

– Ясно. – Она закончила наливать пиво. Держа одной рукой стакан, второй взяла салфетку, положила на деревянную стойку и осторожно поставила стакан на салфетку. – Как я и сказала, у нас не так много новеньких парней.

– В основном завсегдатаи, да?

Дженнифер кивнула.

– Приятно видеть новое лицо.

– Еще приятнее видеть твое, – глотнув пиво, ответил Дин.

– Пять баксов за пиво.

– Точно, – кивнув, сказал Дин и протянул ей десятку. Она направилась к кассе, дав ему возможность заметить, что джинсы обтягивают ее тело плотнее, чем футболка. И хотя в бедрах она была шире, чем ему нравилось, ей это шло. Она пробила выпивку и выдала ему сдачу.

Он оставил ей на стойке четыре доллара и сказал:

– Спасибо.

Она склонила голову набок:

– Тебе спасибо. Ведь Гарри ты оставил всего доллар.

– На тебя интереснее смотреть, чем на Гарри.

Дженнифер издала звук, похожий на гудение трубы.

– Чертовски на это надеюсь.

«Скоттсо» наконец закончили играть «Freebird», и Манфред сообщил, что они сделают небольшой перерыв.

– Слава богу, – пробормотал Дин, когда из динамиков зазвучала песня Вана Моррисона «Brown-Eyed Girl».

Бровь Дженнифер взлетела вверх.

– Не нравится?

– М-м... ну, гитарист хорош.

– Да, Альдо знает свое дело.

Он говорил правду: гитарист был тут единственным светлым пятном. Его задачей было воспроизводить риффы Эрика Клэптона, Джимми Пейджа, Грегга Оллмана и Ричи Блэкмора, и справлялся он блестяще. Только его соло и радовало слух. *Печально, что он застрял с этими лузерами.*

– Ты же вроде сказал, что дружишь с Манфредом, – нахмурилась Дженнифер.

Проклятье.

– Ну да, но... скажем так: раньше он пел лучше.

Снова гудение трубы.

– Манфред поет в этом баре, сколько я себя помню. И никогда не выдавал чего-то стоящего. Это за десять-то лет.

Дин с облегчением рассмеялся.

– Надо думать. Я пытался быть милым.

– И ты не мог слышать его десять лет назад. Сколько тебе было, двенадцать?

– Вообще-то семнадцать, – возразил Дин и добавил самым искренним тоном, на который был способен: – Я не мог быть старше тебя в то время, так какого черта ты делала в барах?

– Очень мило, Дин, но у меня еда в морозилке старше тебя. Я ценю твои чаевые и комплименты, но лучше приударь за кем-нибудь другим. Сюда приходят десятки девушек, готовых на все.

– Ни за что. – Дин сделал еще глоток. – Тому, кто сюда приходит, вероятно, нравится эта музыка, а я этого вынести не смогу. Ты-то здесь не по собственному желанию.

На этот раз она засмеялась.

– Черт возьми, давно пора. Я уж начал думать, что у тебя не работают мышцы, отвечающие за улыбку.

– Если бармен улыбается, это хреновый бармен. – Она усмехнулась. – Или тот, к которому подкатывает симпатичный мальчик.

Дин поднял стакан, будто провозглашая тост.

– Благодарю.

– Честно говоря, я музыку даже не слышу. Привыкла уже.

– В таком случае, Дженнифер, я тебе завидую. – Он снова поднял стакан и на этот раз сделал глоток.

Она покачала головой.

– Надо сказать, ты не похож на большинство друзей Манфреда. Для начала у тебя мало-мало волос.

Дин вспомнил Эша и улыбнулся.

– Да, это точно.

– Извини, мне пора возвращаться к работе. Если что-то понадобится, просто скажи, ладно?

Дин даже не заметил, что у стойки появился очередной клиент. Дженнифер подошла к нему и стала принимать заказ на целый столик.

– Да, без проблем, – ответил он.

Он нередко флиртовал с барменшами и знал, что нельзя все время отвлекать их разговорами, ведь они живут за счет чаевых. Действовать нужно шаг за шагом. Он допьет это пиво, вернется, закажет еще одно и спросит, какая музыка ей нравится.

Да, она старше, чем он предпочитал, но симпатична и умна, и ее, казалось, не интересовало ничего, кроме его комплиментов... и чаевых. Дин решил принять этот вызов. *Еда у нее в морозилке старше, как же.*

А еще ему нужно было отвлечься от этой музыки.

Приводя план в исполнение, он проложил себе путь до столика, за которым сидел Сэм. В «Парковке сзади» было полно укромных уголков. Если войти через главный вход, то справа у стены был бар. Прямо – куча небольших столиков и стульев, а слева – возвышение с высокими столами и стульями. В глубине – сцена и небольшой танцпол.

Повсюду стояли поддерживающие крышу деревянные столбы, исцарапанные даже сильнее, чем стойка, и тут было где почувствовать себя в некотором уединении. Но акустическая система была настроена так, что никто не мог укрыться от музыки на сцене – даже если выберешь столик в углу на возвышении, как можно дальше от сцены.

Сэм потягивал светлое пиво – *чертов слабак* – и рассматривал царапины на столе.

– Слушай, – сказал он, когда подошел Дин, – неужели кто-то и правда нацарапал «Здесь был Килрой»²⁵? Не думал, что так делают в реальной жизни.

– Кажется, я начинаю догадываться, кто у нас привидение, – сказал Дин и сел напротив брата.

– Серьезно? – Сэм выпрямился.

– Это дух диджея, в честь которого они себя называли. Он преследует Манфреда в отчаянной попытке прекратить осквернение своего имени.

Сэм усмехнулся.

– Ладно тебе, Дин, они не настолько ужасны. Я не говорю, что они хороши, но они же играют в кабаке Уэстчестерского округа. Чего ты ожидал?

– Чувак, ты слышал, что они сделали с «Cocaine»?

Сэм снова продемонстрировал полное непонимание самых прекрасных вещей в жизни:

– Да, неважно. Полагаю, тебя не было так долго, потому что ты клеил бармена. – Сэм улыбнулся. – Не думал, что он в твоём вкусе.

– Очень смешно, – огрызнулся Дин и сделал глоток пива. – На этот раз мне попала девушка. Ее зовут Дженнифер, и у нее хороший вкус – ей не нравится эта музыка. – Он посмотрел на сцену, где несколько женщин без всякого повода (так, во всяком случае, считал Дин) набросились на членов группы, и добавил: – Чего нельзя сказать о большинстве женщин в этом баре.

²⁵ «Здесь был Килрой» – рисунок-граффити, пользовавшийся огромной популярностью в англоязычных странах Запада с начала 1940-х и до конца 1950-х годов и ставший частью массовой культуры того времени.

Через несколько минут к ним подошел Манфред, на шее у которого повисла невысокая девушка в толстовке с надписью «Колледж Святого Ионы».

– Ну что, парни, веселитесь?

– Отрываемся, – ответил Сэм. – Отличное место.

– Да, мне нравится этот кабак.

Девушка пихнула Манфреда в бок.

– Фредди, представь меня!

– О, прости, детка! Сэм, Дин, это Джина.

– Джанин, – поправила она, закатив глаза. – Боже, ты все время путаешь.

Большую часть жизни Дин Винчестер притворялся другим человеком, чтобы охотиться, и он чертовски хорошо умел сохранять невозмутимое выражение лица, но даже несмотря на это ему понадобилась вся сила воли, чтобы не заржать.

Хвала небесам, Сэм спас его, не дав ляпнуть что-нибудь, из-за чего им придется искать отель.

– Приятно с вами познакомиться, – сказал Сэм.

– Спасибо! Потрясная группа, верно?

– Мне не это слово пришло в голову, но и оно сойдет, – сдавленным голосом произнес Дин.

– Слушайте, парни, у нас еще один заход, а потом рванем в Йонкерс – пропустим по стаканчику. Будем рады, если вы к нам присоединитесь.

– Вы должны поехать, – сказала Джанин. – Будет весело.

– Ты тоже едешь? – спросил Дин.

Джанин тяжело вздохнула и снова закатила глаза.

– Скорее всего, нет. Моя мамаша слишком глупа.

– Не смейся над матерью, детка, она моя лучшая кузина.

Дин выпучил глаза.

– Кузина? – Он вздохнул с облегчением. Мысль о том, что эта молодая, не старше Сэма, девушка обнимала Манфреда с сексуальным подтекстом, вызывала у него тошноту. Семейная привязанность – другое дело.

– Ага. Дядя Фредди самый лучший. – Она отлипла от Манфреда. – Пойду пописаю. Рада была познакомиться, ребята. – И она устремила к туалету в задней части бара.

Манфред улыбнулся своей почти беззубой улыбкой.

– Взрывная штучка. Вот только ненавижу, когда она называет меня дядей Фредди – чувствую себя стариком.

Он похлопал Дина по плечу, и тому пришлось перебарывать желание его стукнуть. *Помни о коллекции пластинок.*

– Рад, что вам весело, парни. – Манфред поднял голову и кого-то увидел. – Эй, Альдо, иди сюда!

Дин поморщился на секунду, а потом понял, что Манфред позвал гитариста. Носатый Альдо – его темно-каштановые волосы были такие же длинные, как у Манфреда, только совсем без седины и причесаны аккуратнее – подошел к ним, широко улыбаясь.

– Привет! Что такое?

– Альдо, это друзья Эша, о которых я тебе рассказывал. Сэм и Дин Винчестеры. Эти ребята невероятно круты.

– Я думал, винчестер – это винтовка, – усмехнулся Альдо.

Дин презрительно хмыкнул в ответ:

– Мои поздравления, вы тысячный человек, который так пошутил!

– Ха-ха-ха! – Дина едва не смело с места от гогота Альдо, а Сэм так и подпрыгнул на стуле. – Отличная шутка!

- М-м, спасибо. Слушайте, вы сегодня фантастически выступили, – произнес Дин, радуясь, что может, не соврав, сказать это хотя бы одному члену группы. – Просто сразили наповал.
- Большое спасибо, Сэм.
- Э-э, я Дин, это он Сэм.
- Верно, Дин, я так и сказал. Так вы знаете Эша?
- Да, он...
- Чокнутый сукин сын, – продолжил Альдо, покачивая головой. – По нему и не скажешь, что он учился в Массачусетском, верно?
- Сэм приподнял бровь.
- Да, нам тоже это кажется немного странным. Не могу представить, чтобы он туда вписался.
- Черт, Дин, я не могу представить, чтобы он вообще куда-то вписался.
- Я Сэм.
- Ну да, я так и сказал, Сэм. Ладно, рад бы еще поболтать, но мне надо кое о чем позаботиться, понимаете? – И он сделал некое движение бровями.
- Держись подальше от Джанин, – предупредил его Манфред.
- Да-да-да, – сказал Альдо, выставив вперед руку, а потом пошел к бару и завел разговор с женщиной постарше.
- Пойду подою ящерку. Если что понадобится, дайте знать, – заявил Манфред и раньше, чем Дин нашелся что ответить, направился в туалет.
- Если здесь что-то и происходит, то кто-то это очень хорошо скрывает. Не могу уловить никаких следов ЭМП в баре, а ведь я проверил и стены, и столбы, и все прочее. Ничего похожего на символ или сигил, – заметил Сэм.
- Ты уверен, что рисунок «Здесь был Килрой» не призывает демона? – фыркнул Дин.
- Сэм фыркнул в ответ.
- Кто знает. В любом случае, шансов было мало – уверен, эта штука напрямую связана с Манфредом, даже если относится к музыке.
- Нужно все проверить, – сказал Дин и, сделав глоток пива, добавил: – Если сегодня закончим, завтра не придется сюда возвращаться.
- «Хотя, – подумал он, – если будет смена Дженнифер...»
- Кстати, Дин, – сказал Сэм, – я подумал: сегодня, когда разберемся с привидением Манфреда, давай проверим дом на Уэбб-авеню?
- Почему сегодня? – спросил Дин. – У нас и так полно работы с привидением. К тому же кто знает, насколько затянется это «пропустить по стаканчику»?
- Сэм серьезно посмотрел на него и понизил голос:
- Дин, если мы хотим пробраться в дом, лучше сделать это как можно позже ночью. Дин хотел возразить, но брат был прав.
- Ладно, убедил, но давай сначала разберемся с привидением.
- Конечно. Очень надеюсь, там мы что-нибудь найдем, потому что на Камбреленг ничего не было. Да, кстати, ты должен мне десять баксов.
- За что это?
- Ты сказал: я найду то, чего не заметили копы. Я проверил, там было чисто – слишком чисто для нью-йоркской улицы. Полиция забрала *все*.
- Дин поднял стакан.
- Сэм, я же сказал тебе...
- Это никак не связано с тем, что они искали. Помнишь, что говорила Фрида в зоопарке? Они общались со всеми: копами, репортерами, *университетскими юристами*. Погибли студенты Фордемского университета, а это значит, что активирован режим «избежать послед-

ствий». Уверен, они надавили на копов, и те подчистили на месте преступления каждый сантиметр. Все, что было на той улице, сейчас в полицейской лаборатории.

Дин с громким стуком поставил пустой стакан на стол.

– Хорошо, об администрации колледжа и их странных привычках ты знаешь больше. Но проверить дом все равно стоит. – Он на секунду задумался. – Вот только вряд ли мы что-нибудь найдем.

– Отлично, – усмехнулся Сэм. – Десять баксов мне не помешают.

– Нет, я серьезно, Сэмми, давай подумаем об этом. Мне кажется, это не для нас. Мы-то знаем, что ритуал – фальшивка.

– Правда?

Дин посмотрел на брата: на лице Сэма появилось выражение ослиного упрямства. Дин ненавидел это выражение: Сэм использовал его только в спорах с ним. Но не в спорах с отцом – тогда на его лице появлялась злость.

– Конечно, правда.

– Потому что отец так сказал, да? А что, если он ошибся? Помнишь, он говорил, что вампиров не существует, но кто же тогда был в Мэннинге? Бинго, вампиры!

– Отец знал о вампирах, просто думал, что они вымерли, – покачал головой Дин.

– Дин, мы не знаем *всего*. Отцу было известно гораздо больше, но тоже не все. Этот Сэмюэлс только пару раз провел ритуал, а потом его арестовали. Откуда нам знать, что ритуал не сработал? Или не *сработает*?

– Да ладно тебе, Сэмми, этот ритуал совершал только Сэмюэлс. Он наврал о том, откуда узнал о нем, и никто не пользовался им ни до, ни после.

– Это мы так думаем.

Дин сердито посмотрел на Сэма.

– Он даже ни на чем не *основан*, это просто жульничество.

Подняв руки, будто сдавался, Сэм сказал:

– Ладно, давай считать, что ритуал – фальшивка. Но мы все равно не можем бездействовать. Мы знаем, когда произойдет следующее убийство, и примерно представляем – где. И причины, по которым происходят эти убийства, явно сверхъестественные, а ведь это именно то, чем мы занимаемся.

– Нет. – Дин посмотрел на брата. – Мы охотимся за *настоящими* монстрами, а не за фальшивками.

– Я считаю, что тот, кто убил трех человек и намерен продолжать, и есть монстр, – тихо сказал Сэм.

Дин вздохнул, продолжая спорить скорее по привычке и не желая признавать, что младший брат прав.

– Мы могли бы просто рассказать копам...

– Ты правда думаешь, что нам поверят? Единственный способ их убедить – рассказать о ритуале, но если мы это сделаем, они решат, что мы психи. Проверят нас по базе, и тогда...

– Да, да, да. – Дину не нужно было напоминать, что он самый разыскиваемый человек в Америке. Сначала его это забавляло, но ощущение новизны прошло, как только начались настоящие трудности. – Пойду возьму еще пива. Хочешь чего-нибудь?

Снова это упрямое выражение на лице Сэма.

– Так мы этим займемся, да?

– Да, мистер Зануда, мы этим займемся. Сегодня проверим дом, а завтра попытаемся выследить мистера Пима.

– Хорошо. Возьми мне еще один джин-тоник.

Дин остановился и, повернувшись, уставился на брата.

– Чувак, я не буду это заказывать. Могу взять тебе отвертку или скотч с содовой. Черт, даже бокал красного вина, но гребаный *джин-тоник*? Это что, по-твоему, «Театр шедевров»²⁶?

Сэм смотрел на него, приоткрыв рот.

– Мне нравится джин-тоник. Это что, теперь преступление?

– Вообще-то да. – Дин поднял руки. – Просто забудь. Сам покупай свои девчачьи напитки. Я за пивом. – С этими словами он взял пустой стакан, спустился с возвышения и протиснулся между двумя посетителями, чтобы попасть на ту сторону бара, которую обслуживала Дженнифер.

– Ты вернулся, – сказала она, подняв бровь.

Дин заметил, что ее лоб блестит от пота.

– Да, вот он я, во всей красе, – произнес Дин и сам поморщился от того, что сказал.

– Точно подмечено, – сказала Дженнифер с вызывающей улыбкой, которая ему понравилась. – Еще пива?

Он кивнул.

– Должен спросить: а какая музыка тебе *нравится*?

Дженнифер покачала головой, наливая порцию бруклинского.

– Лучше не спрашивай.

– Почему? – нахмурившись, поинтересовался Дин.

Дженнифер вздрогнула, хотя рука ее по-прежнему твердо держала кран.

– Потому что ты флиртуешь со мной, и это очень мило и вроде как мне нравится. Но ты сразу сбежишь, как только я отвечу на этот вопрос.

– Да ладно, не может быть, чтобы все было так плохо, – усмехнулся он. – Ты же не слушаешь эти бой-бэнды или что-то типа того, верно?

Дженнифер закончила наливать пиво и пристально посмотрела на Дина. У него вытянулось лицо.

– Нет! – воскликнул он.

Ставя пиво на салфетку, Дженнифер подняла руку.

– Я не могу объяснить, ясно? Я лет на двадцать запоздала с этим увлечением, но ничего не могу с собой поделать. Мне нравится! Музыка, танцы и, черт возьми, они *красавчики*! – Она ткнула в Дина пальцем, пока тот ничего не успел сказать. – Ни слова, Дин, я уже достаточно наслушалась от своих детей.

Это выбило Дина из колеи.

– От детей?

– Да, от десятилетней дочки с длинным языком и невоспитанного восьмилетнего сына.

– Они сейчас дома с отцом?

Дженнифер засмеялась.

– Дин, ты деликатен, как ядерный взрыв, ты это знаешь? Нет, я та, кого называют матерью-одиночкой. У меня есть подруга, которая сидит с ними по ночам, когда я работаю. А если работает она, я сижу с ее детьми, когда они возвращаются из школы. – Она фыркнула. – Завтра, например, я должна отвести Билли на тренировку по футболу.

Дин приподнял стакан.

– Обычная мама-наседка.

– Чертовски верно. Извини.

Она отошла обслужить другого клиента. Дин смотрел ей вслед, удивляясь тому, что сейчас она казалась ему еще привлекательнее, чем несколько минут назад. И это было странно,

²⁶ «Театр шедевров» (Masterpiece Theater) – американская телеантология, включающая в себя фильмы по мотивам классических произведений английской литературы и биографий знаменитых людей.

потому что он ненавидел насекомых, предпочитая женщин помоложе, не особенно любил детей и презирал бой-бэнды с таким пылом, который обычно приберегал для сил зла.

Разумеется, ничто из перечисленного не меняет того, как сексуально она выглядит в этой футболке.

Сделав большой глоток пива, он услышал голос Манфреда:

– О'кей, чуваки, «Скоттсо» на сцене!

Дин обернулся и увидел, что члены группы взяли инструменты и приготовились играть.

Начали они с песни Дэвида Эссекса «Rock On».

Услышав, как Манфред замурлыкал в микрофон «Эй, детки, рок-н-ролл», Дин осушил большую часть стакана.

– Эй, ты же Дин, верно?

Обернувшись, Дин увидел Джанин. Только теперь он заметил, как плотно джинсы обтягивают ее бедра и насколько коротка толстовка. В пупке была сережка с голубым камешком, который сверкал в тусклом освещении бара.

– М-м, да... Джанин.

– Ты запомнил! – Она посмотрела на сцену и в тот момент, когда барабанщик окончательно потерял ритм, сказала: – Боже, они *так* хороши.

И тогда Дин понял: в мире не хватит пива, чтобы это выдержать.

Глава 9

Гриль-бар «Трилистник», Йонкерс, Нью-Йорк

18 ноября 2006 года, суббота

В жизни Сэма Винчестера было немало поводов задуматься об истинной природе ада.

Воспитанный христианином – отец, как это ни странно, учитывая обстоятельства, был набожным, – Сэм верил в Бога и в большинство того, во что верит обычный американец-христианин. Он нечасто бывал в церкви по воскресеньям – один-единственный раз он зашел туда в этот день недели ради расследования, – но молился каждый день. А еще читал Библию – в детстве и в Стэнфорде на сравнительном религиоведении, которое выбрал как факультатив по теологии.

Но в вопросе описания ада Библия не очень-то помогала. В Новом Завете много говорилось о Царстве Небесном, но опять же ничего конкретного.

Вот ад – это конкретное место? Все, что он знал, прямо на это указывало, ведь демоны откуда-то приходят. Он повидал немало неупокоенных душ, которые не могли двигаться дальше, но они были мизерной долей от числа людей, которые на самом деле умерли, а это означало, что большая часть *двинулась* дальше – значит, они куда-то отправились. Конечно, возможно, они просто растворялись в воздухе, но он в это не верил. Он знал о существовании жнецов – с одним они столкнулись в Небраске, а другого Дин встретил в больнице после аварии. Их существование означало, что они готовят умерших к *чему-то*. Ведь если люди просто растворяются, зачем тогда нужны жнецы?

А еще были демоны, которые насмехались над ними. Один из них сказал ему в самолете, как сильно страдает Джесс в аду, а демон перекрестка сказал Дину что-то в этом же роде про отца. Разумеется, демоны лгут, но все же в их словах могла быть доля правды. Сама мысль о том, что Джесс страдает в каком-то странном подземном царстве только потому, что оказалась достаточно глупой и влюбилась в него, была для Сэма невыносима.

На самом деле именно об этом он ежедневно молился в первую очередь.

Даже если бы он твердо знал, что есть некое место, напоминающее ад, о котором говорят люди вроде пастора Джима, то насчет существованиярая доказательств у него было еще меньше. Сэм многое узнал на сравнительном религиоведении, куда он ходил по той же причине, что и на «Американских призраков», – ему хотелось увидеть, как люди в обычном мире справляются с аномальными явлениями, которые стали неотъемлемой частью его жизни с тех пор, как ему исполнилось полгода. Особенно его заинтересовала восточная концепция инь и ян. Если есть черное, значит, есть и белое – в черном есть немного белого, а в белом – немного черного.

Лучше всего это выразил фолк-музыкант Арло Гатри в своем старом альбоме, который на первом курсе слушал его сосед по комнате: «В тебе не может быть света без тьмы. Не бывает одного без другого». Так что если ад существует – а у Сэма были веские основания считать, что так и есть, – значит, должен быть и рай.

Но все равно оставался вопрос: что же такое ад? Дом павших ангелов, которые воевали с Богом и были изгнаны, как это описал Мильтон в своем «Потерянном рае»? Или это огненная яма, о которой в проповедях говорят кальвинисты?

Или, может быть, как в старой шутке, ад – это другие люди? Жан-Поль Сартр воплотил эту мысль в пьесе «За закрытыми дверями», где ад представлен в виде комнаты, в которой застряли три человека и никак не могут выйти наружу.

Но здесь и сейчас, в гриль-баре «Трилистник» в пятницу, поздно вечером – или рано утром в субботу, это как посмотреть, – Сэм мыслил в одном направлении с Сартром: ад – это застрять между Джанин Молина и Дином. Джанин, видимо, позвонила маме, и когда Манфред

взял трубку и заверил ее, что вернет дочь в целостности и сохранности, ей разрешили присоединиться к тусовке после выступления. Дину сложно было сопоставить внешние данные Джанин – которые, по мнению Сэма, были отпадными, – с ее любовью к музыке «Скоттсо», а это означало, что его обычно резвый братец старался не попасть в ее сети. Поэтому, когда они вошли, Дин позаботился о том, чтобы Сэм оказался между ним и Джанин.

И чтобы насыпать еще соли на рану – с другой стороны от Дина сел Альдо и завел разговор об «Импале»:

– Сэм, где, черт возьми, ты взял «Импалу» шестьдесят восьмого года в таком хорошем состоянии?

– Э-э, я Дин. И она шестьдесят седьмого года.

– Я так и сказал. Выглядит отпадно.

– Сам ее восстановил, – с улыбкой ответил Дин.

Это положило начало содержательной беседе о моторах, трансмиссии, разнообразных жидкостях и мелких деталях, которая у Сэма возглавляла список «Смертельно скучных тем», потом разговор свернул на «Любимую музыку Дина», а оттуда сразу на «Сексуальную жизнь Дина».

И все бы ничего, если бы только Джанин, оставив попытки сесть рядом с Дином, не решила сесть рядом с ним. В ярком свете «Трилистника» Сэм заметил, что у нее карие глаза, которые идеально подошли бы Бэмби. Ей вообще очень подошло бы имя Бэмби. Она завела с ним разговор – о Дине.

– И как же твой брат развлекается?

В голове Сэма промелькнуло несколько коварных ответов.

Дину нравится флиртовать с женщинами, которые очень похожи на тебя, и притворяться крутым и сексуальным, чтобы затанцевать их в постель.

Мы ищем в газетах и интернете сообщения о сверхъестественных явлениях, а потом охотимся на злых демонов и уничтожаем их, чтобы они не навредили людям.

Дин мошенничает на бильярде и играет в покер – это два наиболее законных способа, которыми мы зарабатываем на жизнь; большая часть денег уходит на дешевые отели, паршивую еду, прачечную и бензин для «Импалы».

Он мог бы выбрать любой вариант. Это бы наверняка остудило пыл Джанин, и вдобавок это было правдой.

Но Сэма разрывало. Одна его часть не хотела остужать пыл, который так бесил его брата – а ему нравился. Но другая часть хотела, чтобы Джанин уже перестала болтать о Дине.

– Почему бы тебе не спросить его самой, – в конце концов равнодушно ответил он.

– О, не хочу вмешиваться! Кроме того, он разговаривает с Альдо о машинах. А это не мое. О машинах я знаю только, что, если повернуть ключ, она заведется, а если нажать на тормоз, остановится.

– Да, – сказал Сэм, склонив голову набок, – тут я от тебя недалеко ушел. – Он сделал глоток пива.

«Трилистник» считался настоящим ирландским пабом – темная мебель, ободраные стены, расшатанные стулья, обшарпанные столы и этническое разнообразие клиентуры (отнюдь не только ирландцы), – но на самом деле ничем не отличался от любого другого бара, которые они с Дином видели по всей стране. Единственное, чем этот паб был похож на ирландский: тут наливали «Гиннесс» и «Киллиан».

Затем он услышал:

– Пойду облегчусь. – Это сказал Альдо, который допил колу и поднялся со стула. По какой-то причине он не пил спиртное и единственный среди участников группы не курил. Сэм вспомнил, что на сцене у всех членов группы было пиво, кроме Альдо, который пил только

воду со льдом. Дин сказал, что Альдо единственный вменяемый человек в «Скоттсо», и Сэм задумался, связаны ли как-то эти обстоятельства.

Джанин сорвалась со своего места и вмиг уселась рядом с Дином.

– Привет, Дин, – произнесла она сладким голосом.

– М-м, привет, Джанин.

– Ну как, тебе весело?

Дин заерзал на стуле, и Сэм спрятал широкую улыбку за стаканом с пивом.

– Э-э, да, здесь очень... очень весело. Слушай, а ты знаешь барменшу Дженнифер?

– Да. Она крутая. Раньше нянчилась со мной, а теперь и с моими братьями. А что?

Дин вздохнул.

– Да ничего, просто я...

– Так как же ты развлекаешься?

– Развлекаюсь?

– Да, Дин, развлекаешься. Это значит «получаешь удовольствие», – не сдержался Сэм.

– Спасибо, «Спросите Дживса»²⁷, – пробормотал Дин. – Ну... мне нравится слушать музыку.

Она снова закатила глаза.

– Ну, это же очевидно. Ты ведь пришел в «Парковку сзади». Знаешь, в прошлом году я была на концерте Jethro Tull в Карнеги-холле. Они крутые.

Дин нахмурился.

– Они все еще вместе?

– Ха! Конечно. Они постоянно ездят в турне. Иэну Андерсону уже, наверное, тысяча лет, а он до сих пор скачет, как...

Откуда ни возьмись появился Манфред.

– Дин, моя племянница тебя достает?

Сэм увидел на лице Дина борьбу: сказать правду или быть вежливым с человеком, представившим ночлег?

Вежливость победила, но Дина аж перекосило.

– Нет, она крутая.

И без того большие оленьи глаза Джанин стали похожи на блюдца, и она зажала руки между коленями.

– Правда?!

«Ладно, – подумал Сэм, – ради такого стоило сидеть между ней и Дином, болтающим о машинах».

Вдруг где-то рядом заиграла мелодия «China Grove» группы Doobie Brothers. Он осмотрелся и понял, что звук доносится из сумочки Джанин, которая до сих пор лежала на стуле рядом с ним.

– М-м, Джанин, – сказал он. – Похоже, тебе звонят.

Она снова закатила глаза.

– Забей. Это наверняка Мэтти.

– Кто такой Мэтти? – поинтересовался Дин.

– Ее бывший, – ответил Манфред.

Драматично вздохнув, Джанин добавила:

– Он не хочет быть бывшим. Ненавижу парней, которые не понимают слов «отвянь» и «сдохни». О, у тебя есть мобильник?

– Э-э, да, – медленно ответил Дин.

²⁷ «Спросите Дживса» (Ask Jeeves) – именно так раньше называлась поисковая система ask.com. Ее название отсылает к произведениям П. Г. Вудхауса.

– Я собираюсь купить новый. Дашь посмотреть, какой у тебя?..

– Ладно, – пожав плечами, произнес Дин.

Он достал телефон – стандартную раскладушку, которая выглядела как три четверти остальных телефонов в этом баре. В отличие от Сэма, который предпочитал самый современный и навороченный смартфон, Дин оставался верен самой обычной и простой модели.

Она открыла телефон и стала тыкать в кнопки. Дин нервно подался вперед:

– Э-э, послушай...

– Классный телефон.

Она закрыла его и отдала обратно.

– Эй, парни, – заговорил Манфред, – думаю, нам пора домой.

– Хорошая идея. – Дин вскочил на ноги, убирая телефон в карман. – Джанин, приятно было познакомиться. Честное слово.

Джанин тоже поднялась и очаровательно надула губки. Сэм знал, что Дину придется приложить немалые усилия, чтобы не поддаться на это.

– Вы уже уходите? Фредди, вы ведь можете еще ненадолго остаться, правда?

Манфред покачал головой.

– Боюсь, что нет, детка. Пора на боковую. Я уже не так молод.

– И у нас сегодня еще есть дела, – добавил Дин.

– Но вы же вернетесь завтра вечером, да? – серьезно спросила Джанин.

«Было бы неплохо», – подумал Сэм, допивая пиво.

– Вряд ли.

– Я просто надеялась, что мы узнаем друг друга получше, – сказала она, придвинувшись поближе к Дину. А потом оживилась: – Позвони мне, ладно? Я записала свой номер тебе в телефон, звони в любое время.

– Да, конечно, – сказал Дин.

Они попрощались – клавишник Робби пообещал отвезти Джанин домой, – и втроем пошли на городскую стоянку на другой стороне улицы. В это время она была бесплатной, но днем тут работали счетчики.

Как только они сели в машину, Дин предупредил:

– Ни слова, Сэмми.

– Дин, так я ничего и не говорил. Но если бы сказал, то это было бы: «Ого, поверить не могу, что ты повелся на трюк дай-посмотреть-твой-телефон».

Дин раздраженно сунул ключ в зажигание и повернул его.

– Да здесь больше десяти слов.

– До сих пор не могу поверить, что ты повелся. И что в этом такого? Чувак, она на тебя запала. – Он откинулся на сиденье, заложив руки за голову. – Настроилась на Дин-ТВ.

Повернувшись, чтобы задом выехать с парковочного места, Дин пригрозил:

– Я тебя убью.

– Серьезно, Дин, что с ней не так? Я же видел, как ты кадрил девчонок куда моложе нее, – сказал Сэм, опустив руки.

– Да, но у них был вкус.

– Я мог бы поспорить, – пробормотал Сэм.

Дин выехал со стоянки на дорогу прямо за внедорожником Манфреда и поехал за ним по бесконечным закоулкам, которые Сэму было сложно отследить в темноте, до 248-й улицы. Свободных мест не было, и Манфред заехал подальше на подъездную дорожку, чтобы за ним поместилась «Импала».

Они сняли куртки – в половине третьего утра в Бронксе было прохладно, но им нужна была свобода движений, – и побросали их на заднее сиденье. Дин открыл багажник и

достал две дустволки: для Сэма и для себя. Взяв свою, Сэм тут же проверил, оба ли ствола заряжены.

Манфред с опаской уставился на них.

– М-м, парни...

– Все нормально, – быстро сказал Сэм. – Они заряжены каменной солью.

– Каменной солью? Хотите быть уверены, что привидение не поскользнется на льду?

Сэм со щелчком сложил винтовку.

– Привидения отлично реагируют на каменную соль. Они рассеиваются.

Манфред нахмурился.

– Что это значит – рассеиваются?

– Ну, исчезают на некоторое время.

– Я не хочу, чтобы оно исчезло *на некоторое время*. Пусть стинет навсегда.

Дин закрыл багажник.

– Для этого есть только один способ: найти тело, засыпать его солью и поджечь.

– И снова соль. – Манфред покачал головой. – Ладно, парни, просто выгоните эту хрень из моего дома.

– Этим мы и занимаемся. Увидим привидение, выстрелим в него солью, узнаем, кто это, а потом засыпем тело солью и сожжем. Ничего сложного.

Манфред с секунду тупо смотрел на них.

– Вы, парни, это каждый день делаете?

– Не каждый, – сказал Дин.

– Но довольно часто, – добавил Сэм.

Они направились к крыльцу, и Сэм положил руку на плечо Манфреда.

– Вам лучше остаться здесь.

Манфред замешкался, но согласился:

– Да, наверное. – Он хмыкнул. – Черт, если я еще раз увижу эту девку, то больше вообще не зайду в дом.

Оставив Манфреда у «Импалы», Дин и Сэм, держа ружья наготове, медленно направились к входной двери. Как только они подошли, в голове у Сэма включился автопилот. Отец так часто тренировал их в детстве, что теперь проще этого было только дышать. Сэм поднялся на крыльцо, а Дин сначала задержался позади, не сводя глаз с двери, потом последовал за Сэмом.

Дверь, конечно же, была заперта. Они стояли рядом, когда Манфред ее закрывал. Дин повернулся к Манфреду и одними губами произнес: «Ключи!»

«Что?» – нахмурившись, так же ответил Манфред.

Сэм вздохнул.

– Ключи, – громко прошептал Дин.

Над головой Манфреда как будто вспыхнула лампочка.

– А, точно! – Он порылся в кармане джинсов, достал огромную связку с ключами и швырнул ее им.

Она упала в шаг от крыльца и проехала по бетонной дорожке.

Дин выпустил воздух сквозь зубы и прыгнул с крыльца, чтобы подобрать ключи. Сэм увидел, что на каждом ключе есть ярлычок: «дом», «машина», «гараж», «шкафчик», и так далее. Учитывая, сколько всего выпил, съел и выкурил Манфред, в этом был смысл.

Сначала Дин попробовал один из ключей с ярлыком «дом», но к нижнему замку подошел только второй. А первый ключ оказался от верхнего замка, рядом с небольшим витражным окном.

Дверь открывалась внутрь, и Дин просто толкнул ее. Она отчаянно заскрипела – как любая дверь в доме с привидениями.

Джон Винчестер был морским пехотинцем и хорошо обучил сыновей. Они двигались в правильном порядке: Дин, пригнувшись, шел первым, а Сэм его прикрывал. Так, меняясь местами, они прошли по коридору.

На первый взгляд в доме ничего не изменилось.

А потом все вдруг задребезжало.

Оглянувшись, Сэм увидел, что постеры в коридоре задрожали, металлические рамки застучали по стенам. С небольшого столика посыпались мелкие предметы.

Бросив взгляд налево, он увидел, что пластинки, разбросанные Дином, затанцевали по полу, выпали с держателей, футляры распахнулись от удара. С кофейного столика тоже что-то посыпалось.

Сэм, опустив ружье, медленно направился на кухню, Дин его прикрывал.

И тут Сэм сообразил: они ведь даже не спросили у Манфреда, в какую комнату он заходил, перед тем как появлялось привидение. Но сейчас спрашивать было уже поздно.

Войдя на кухню, Дин перебрал ружье из руки в руку и достал прибор ЭМП, который светился, как рождественская елка.

Не то чтобы им требовалось какое-то подтверждение – весь дом ходил ходуном, как во время землетрясения. Хотя это было невозможно, он ведь стоял на скалистом грунте. В доме даже не было подвала, а прачечная, которой Манфред разрешил пользоваться, находилась в отгороженном углу кухни.

Туда они заглянули после кухни – чисто. Стиральная машина и сушилка тряслись, словно работали на полную мощность, но ни одна лампочка на них не горела.

Братья вернулись по коридору в гостиную, где на пол попадало еще больше предметов. Дин поморщился, наступив на разбитое стекло, выпавшее из рамы с постером концерта на острове Уайт.

Привидения нигде не было видно, но дом дрожал и...

- Ax-xa-xa-xa-xa-xa-xa-xa-xa-xa-xa-xa-xa-xa-xa-xa-xa!

Неважно, сколько раз в жизни Сэм слышал внезапные звуки – за месяц он слышал их больше, чем обычный человек за всю жизнь, – но его сердце все равно пропустило удар.

Но только один. Услышав хохот, он опустился на колено и поднял ружье.

Привидения по-прежнему не было видно.

Хохот затих, и тот же голос завопил: «Люби меня!», снова и снова повторяя эти слова.

Сэм посмотрел на Дина и без слов понял, что брат собирается проверить верхний этаж. Дин начал медленно подниматься по ступеням, а Сэм, сжимая ружье, остался у подножия лестницы. Как только брат поднялся наверх, Сэм нагнал его, перепрыгивая через одну ступеньку.

Дом по-прежнему ходил ходуном, а хохот перемежался призывами любить. На стенах висели фотографии каких-то людей – вероятно, это были родственники Манфреда. Несколько рамок упало на пол, другие тряслись на гвоздях, стуча о стены, оклеенные обоями.

– Люби меня!

Сэм обернулся и увидел голову женщины с копной осветленных волос, которая летала из стороны в сторону – ему показалось смешным, что привидение красит волосы, – как и все ее тело, только без рук и ног, которые выглядели какими-то... размытыми. Она плыла к ним по коридору с безумными глазами и ртом, распахнутым от хохота. Вся ее фигура была прозрачной, что вообще-то свойственно далеко не всем привидениям. Многие духи, особенно злые, могут обретать телесность, но эта женщина тратила большую часть своей эктоплазменной энергии на хохот и призывы к любви.

Прежде чем выстрелить из ружья, Сэм заметил, что на ее футболке нарисовано что-то странное.

Каменная соль сделала свое дело – привидение стало рассеиваться, его очертания расплылись, и в конце концов ничего не осталось. Стихли последние отголоски воплей «Люби меня!», предметы перестали трястись, и наступила тишина.

Дин посмотрел на Сэма.

– Какого черта на привидении футболка с Rÿche?

Сэм нахмурился.

– С кем?

Он тут же пожалел о своем вопросе, поскольку Дин бросил на него взгляд, полный презрения, который означал только одно: он снова облажался, продемонстрировав незнание музыки, которую обожал Дин.

– Чувак, Queensrÿche! Они выпустили альбом «Operation: Mindcrime» – лучший концептуальный альбом всех времен.

– Это те, у кого стоят две точки над буквой «у», да? Как-как ты произносишь их название? – не сдержавшись, поддел Сэм.

– Пошел ты!..

– Да я и не знал, что существуют *хорошие* концептуальные альбомы.

– Что, прости? – Дин склонил голову. – Tommy, Thick as a Brick, черт, Dark Side of the Moon, ради всего святого, они...

Поняв, что уже достаточно раздражил брата, Сэм сказал:

– Разве не пора сказать Манфреду, что ему уже можно зайти в дом?

Дин моргнул.

– Точно. – И, не сказав больше ни слова, пошел к лестнице.

Сэм последовал за ним, но только после того, как немного похихикал над братом, которого иногда так легко поддеть, поэтому, когда он спустился, Дин уже вышел из дома.

Через несколько секунд он вернулся с Манфредом.

– Вы уверены, что тут безопасно? – с сомнением спросил тот.

Дин осмотрел дом.

– Вы слышите хохот? И разве кто-нибудь просит любви?

Манфред тоже осмотрелся, даже приложил руку к уху, и только тогда наконец ответил:

– Нет.

– Скорее всего, завтра вечером она вернется, но сегодня тут безопасно.

Манфред взглянул на Дина.

– Так вы ее развеяли?

– Рассеяли, да.

– Чуваки, я должен курнуть, – сказал Манфред, покачав головой, и пошел в гостиную к буфету, на котором стояло множество пыльных бутылок с алкоголем, а ниже были две дверцы с замочными скважинами – в одной торчала отмычка. Манфред повернул ее, открыл дверцу и, засунув руку внутрь, достал полный пакетик зеленых листочков и желтую коробку.

Братья переглянулись, пожали плечами и, осторожно прислонив ружья к стене коридора, присоединились к Манфреду в гостиной.

Он сидел в мягком кресле и, подавшись вперед, перекладывал некоторые предметы с кофейного столика на пол – рядом с теми, что скинуло привидение, расчищая себе место, чтобы скрутить косяк.

Сэм и Дин уселись на диван рядом с ним.

– Простите, Манфред, но мы должны задать вам несколько вопросов, – мягко сказал Сэм.

– Что еще? – спросил Манфред, не отрываясь от своего занятия.

– Мы видели привидение, – признался Сэм.

Манфред поднял голову.

– Правда? Ого.

– Это была девушка, – сказал Дин. – Светлые волосы...

– Крашенные, – добавил Сэм.

– Да, крашенные, нос с горбинкой, футболка с Queensrÿche. Как вы думаете, кто это?

Манфред пожал плечами.

– Знаете, как часто я вижу женщин в футболках с Queensrÿche?

Он наконец скрутил косяк.

– Вы когда-нибудь приводили их домой? – спросил Дин.

– Возможно. – Манфред снова пожал плечами, полез в карман косухи, которую так и не снял, и достал зажигалку. – Я много кого приводил домой из «Парковки сзади». Да и из других мест... Боже, я даже прошлую неделю вспомнить не могу, а вы хотите, чтобы я помнил *это*? – И он затанулся, давая понять, что разговор окончен.

Дин посмотрел на Сэма, но тот только пожал плечами в ответ.

– Хотите затануться? – выпустив дымок, произнес Манфред.

– Нет, спасибо. – Сэм поднялся. – У нас сегодня еще дела.

Манфред усмехнулся.

– Ха, а я-то решил, ты это выдумал, чтобы слить Джанин.

Дин смутился.

– Кстати, об этом...

– Не бери в голову, Дин, – подняв руку, сказал Манфред. – Она флиртует со всем, что движется. Покажешься завтра вечером, она снова к тебе прилипнет. Не покажешься, вообще о тебе забудет.

Сэм посмотрел на Дина, который по-прежнему сидел на диване.

– Хм, никого не напоминает, а, Дин?

Дин сердито посмотрел на него и тоже встал с дивана.

– Да, нам и правда нужно кое-что сделать.

– Машину берете? – спросил Манфред.

– М-м, да.

– Отлично, чувак. Просто поставьте ее за внедорожником, когда вернетесь.

Дин улыбнулся:

– Спасибо, – и похлопал Сэма по груди тыльной стороной ладони. – Погнали, Сэмми.

Они вышли к «Импале» и достали куртки с заднего сиденья. Ключи все еще были у Сэма, и Дин не выказал никакого желания снова колесить по городу. Сэму тоже не хотелось слушать его нытье, поэтому он сел за руль.

В этот поздний час поездка до перекрестка Уэбб и 195-й заняла мало времени. На дорогах были и другие машины, особенно когда они выехали из Ривердейла и поехали по Бродвею до 225-й Западной улицы, но они все свернули на Кингсбридж-роуд, а «Импала» поехала по I-87.

К сожалению, надежды Сэма на то, что ночью будет легче найти место для парковки, не оправдались.

– Не могу поверить, – бормотал он.

– Посмотри, Сэмми, – сказал Дин. – Здесь же кругом многоквартирные дома, а парковок не так много. В это время все дома, а значит, и машины тоже тут. Забей и просто встань вторым рядом.

Сэм нахмурился.

– Разве это законно?

– Взлом и проникновение тоже незаконны, но мы здесь именно за этим.

– Да, но в этом мы мастера, и нас вряд ли поймают. А машина будет стоять не по правилам. Сегодня днем я видел много машин, которые стояли вторым рядом, но теперь-то нет

ни одной. Мы будем выделяться – вот что я хочу сказать. И если какой-нибудь заскучивший коп решит...

– У тебя есть идея получше?

Сэм поехал по Уэбб обратно к Кингсбридж.

– На Кингсбридж ведь есть парковка?

– Это та большая улица, откуда мы приехали? – спросил Дин.

Сэм кивнул:

– Да. Попробуем там.

Свернув направо на Кингсбридж, Сэм увидел парковку – а потом и расценки. И знак «Свободных мест нет».

– Сэм, просто встань вторым рядом, – взмолился Дин, опустив голову на руки и потирая лоб.

– Ладно, хорошо, – вздохнул Сэм.

Он проехал еще квартал, повернул направо, развернулся на чьей-то подъездной дорожке, вывернул налево на Кингсбридж, а потом медленно проехал по дороге с односторонним движением – и все это чтобы добраться до дома, где произошло первое убийство по сюжету Эдгара По.

– У меня появилась идея, – сказал Сэм.

Перед домом за закрытыми воротами была подъездная дорожка, и она была достаточно широкой, чтобы вместить «Импалу». Сэм остановился, чтобы припарковаться параллельно.

Сначала он попал немного не туда, и пришлось начать сначала. Во второй раз он зашел под слишком большим углом, и опять пришлось начать сначала. К тому моменту, как ему удалось припарковать машину более или менее ровно, Дин выглядел так, словно был готов отгрызть себе руку.

Сердито глядя, как Сэм выключает зажигание, он потянулся и вытащил ключи.

– Обратно поведу я.

Покачивая головой, Сэм фыркнул: Дин парковался ненамного лучше, – и пошел за ним к железным воротам, преграждающим вход на подъездную дорожку.

Дин посмотрел на дом.

– Хорошее место. Странно, что они его не продали.

– Да... Но убийства плохо сказываются на продажах недвижимости.

Дин полез в карман за отмычкой.

– Это точно.

Он присел на корточки и начал возиться с замком на воротах. Секунд через тридцать, которые показались Сэму вечностью – он чувствовал себя незащищенным на улице, даже в этот поздний час, когда вокруг никого не было, – замок открылся. Сэм нервно осмотрелся и заметил, что кое-где в домах горит свет. *Надеюсь, никто сейчас не смотрит в окно.*

Дин быстро распахнул ворота – так их учил отец: если открывать медленно, металлические ворота наделают больше шума. Сэм прыгнул вперед и поймал ворота до того, как они ударились о стену дома.

Братья шагнули на дорожку, и Дин прикрыл за собой ворота, чтобы все выглядело как обычно, но замок запирать не стал – на случай, если придется уносить ноги.

Дин присел на корточки перед боковой дверью и начал открывать замок.

Прошло несколько минут, но у него ничего не получалось.

– Чувак, может, поторопишься? – встревоженно прошептал Сэм.

– Замок тугой, Сэмми, – прошептал в ответ Дин. – И на улице темно. Кроме того, профессионалу нужно время.

– Как и неумехе! Давай же, Дин, раньше ты справлялся быстрее.

– Над теми дверями висели фонари, понял? Дай мне секунду, думаю я...

Вдруг Сэма ослепил яркий свет. На подъездной дорожке он увидел темную фигуру, которая, кажется, кроме фонарика держала еще и пистолет.

– Не двигайтесь, это полиция!

Глава 10

50-й полицейский участок, Бронкс, Нью-Йорк

18 ноября 2006 года, суббота

Прошло несколько лет с тех пор, как детектив Марина Макбейн была здесь в последний раз.

Как и большинство полицейских участков Нью-Йорка, пятидесятый в Бронксе представлял собой кубическое белое здание с несколькими окнами и американским флагом, развевающимся перед ним на шесте. Макбейн вела «Сатурн» – свою машину, не служебную, ведь ее смена уже закончилась – по Бродвею, съехав перед этим с магистрали Дигана на 230-ю Западную улицу. Она свернула налево на 236-ю, которую переименовали в честь офицера Винсента Гюдиче, погибшего лет десять назад при исполнении служебных обязанностей. В последний раз Макбейн была тут как раз на церемонии переименования улицы в 1999 году.

Макбейн отчаянно искала место для парковки. Вообще-то перед участком была угловая стоянка, но копы *никогда* не парковались ровно. Обычные и сине-белые автомобили стояли под всевозможными углами, а некоторые даже заехали на тротуар.

Наконец Макбейн нашла, куда приткнуть машину. Включив сигнализацию, она вошла в грязные стеклянные двери участка, поднялась по четырем ступенькам с металлическими перилами и прошла через скрипучие деревянные двери в приемную. За регистрационной стойкой никого не было, Макбейн свернула налево и прошла мимо нескольких табличек с фамилиями офицеров, погибших при исполнении служебных обязанностей (Гюдиче был самым известным среди них). За столом, повернутым к большой белой стене с эмблемой пятидесятого участка, сидел скучавший сержант ночной смены – волосы коротко острижены, глаза-бусинки едва видны под морщинистым лбом, пузо выпирает над ремнем, на рубашке – именной жетон. Сержант О'Шонесси просматривал спортивные страницы «Дейли ньюс». Макбейн слышала едва различимый голос, бубнивший из старых колонок под столом. Она решила, что это диспетчер, и, когда подошла ближе, знакомые коды подтвердили ее предположение.

На мониторе Макбейн заметила качающую головой фигурку Дерека Джитера²⁸, которая слегка перекосилась и, очевидно, не прикреплялась к монитору. Вероятно, она принадлежала этому сержанту, который доставал ее только на своей смене. Вдобавок к именному жетону, нагрудному значку и золотой булавке в виде цифры «50», прикрепленной к воротничку, мужчина вдел явно неуставную булавку с логотипом бейсбольной команды «Нью-Йорк янкиз». На худой конец, если не получится заставить О'Шонесси помочь ей по-дружески, она сможет пригрозить ему докладом о том, что он одет не по форме.

– Чем могу помочь? – спросил О'Шонесси, не отрывая взгляда от газеты.

– Как думаете, «Янкиз» продадут Джонсона?

Наконец сержант поднял голову.

– Чертовски на это надеюсь.

Он посмотрел на Макбейн. Она заметила, как менялось выражение его лица, пока он ее рассматривал. Сначала он увидел ее темное лицо и короткие кудрявые волосы, и на его лице отразилось равнодушие – *темнокожая женщина*. Потом взгляд опустился на ее темный деловой костюм, и на его лице появился намек на интерес – *темнокожая женщина не выглядит как уличная грязь*. В конце концов он заметил золотой значок на ее ремне и отложил газету, и на его лице появился *неподдельный* интерес – *ага, это не просто темнокожая женщина, а коллега*.

²⁸ Дерек Джитер – американский бейсболист, шорт-стоп, отыгравший двадцать сезонов в Главной лиге бейсбола (МЛБ) за «Нью-Йорк янкиз».

– Не стоило им покупать этого парня. Он не «Янки», как и А-Род.

Макбейн улыбнулась, выуживая из памяти все знания о бейсболе, которые слышала от своих коллег-детективов из отдела по розыску без вести пропавших. Ей было плевать на бейсбол и любой другой вид спорта, но в пропитанном тестостероном полицейском управлении не выжить, если не можешь поддержать разговор о «Янкиз», «Метс», «Никс», «Нетс», «Джайентс» или «Джетс». Разбираться в «Рейнджерс», «Девилз» и «Айлендерс» было необязательно, что не могло не радовать, потому что за черту хоккея Макбейн переступать не собиралась.

– Да, но А-Род пока хорошо играет. А вот у Ар-Джея вряд ли остался порох в пороховницах.

– И то верно. Кроме того, после 2001 года такого парня в команду не возьмут.

– Не знаю, они же взяли Джонни Дэймона после 2004 года, и играл он неплохо.

О’Шонесси покачал головой.

– Это другое! Подписав контракт с Дэймоном, «Янкиз» разозлили фанатов «Ред Сокс». А позлить соперников – это *всегда здорово*.

«Как скажешь», – подумала Макбейн. Она уже исчерпала запас сведений, которые могла использовать при обсуждении «Янкиз». Если разговор зайдет о соперничестве «Янкиз» и «Ред Сокс», она облагается, а это ей вряд ли поможет.

К счастью, О’Шонесси не стал продолжать.

– Чем могу помочь, детектив? – спросил он, выпрямившись.

– Меня зовут Макбейн, я из отдела по розыску без вести пропавших. Вы не получали в последние пару дней сообщений 10-31 со 195-й Западной улицы? – она назвала радиокод кражи со взломом.

Одутловатое лицо О’Шонесси нахмурилось.

– Кажется, нет. А разве это связано с пропавшими людьми?

– Не спрашивайте. Мой сержант грозит надрать мне задницу, если я с этим не разберусь, – сказала она, притворившись раздраженной.

– Бывает. – О’Шонесси издал странный звук, который Макбейн расценила как смешок. Затем мясистой рукой схватил клавиатуру и подтянул к себе. – Сейчас посмотрим.

Пощелкав мышкой, О’Шонесси покачал головой, и его обвисшие щеки затряслись.

– После того убийства седьмого числа ничего нет.

– Ладно, – сказала Макбейн. Шансов было мало, но она просто была *уверена*, что...

Внезапно раздался голос диспетчера:

– Звонок в девять-один-один, 10-31 по... – диспетчер произнес каждую цифру номера: – ...два-семь-три-девять Западная один-девять-пять.

Макбейн пришлось приложить усилия, чтобы не улыбнуться. *Я знала, что на этих ребят можно положиться*.

О’Шонесси уставился на Макбейн с выражением лица, которое, видимо, следовало считать удивлением.

– Как, черт побери, вы об этом узнали?

– Догадалась, – просто сказала Макбейн. – Слушайте, позвольте мне с этим разобраться.

– Не стоит, – ответил О’Шонесси. – Я могу отправить туда одного из своих парней и...

Макбейн поморщилась.

– Сержант, пожалуйста, мне правда надо разобраться с этим самой. Только так я смогу отвязаться от босса, понимаете?

Сержант с секунду смотрел на нее своими глазками-бусинками.

– Это как-то связано с тем убийством?

– Типа того. – Что ж, это хотя бы не совсем ложь. – Как я и сказала, это длинная история. Если хотите послушать, хорошо, но там сейчас совершается преступление и...

– Ладно, ладно, чертовщина какая-то, – отмахиваясь обеими руками, перебил ее О’Шонесси. – Как хотите. Мои ребята хоть отдохнут от этих болванов-студентов.

Макбейн фыркнула. Манхэттенский колледж и университет Маунт-Сент-Винсент находились в юрисдикции пять-ноль, а пятничные вечера обычно подразумевали море так называемых БСО – болваны в состоянии опьянения.

На лице О’Шонесси появилось странное выражение.

– Постойте, а вас точно не нужно прикрыть?

– Если это те, о ком я думаю, то, поверьте, я справлюсь, – заверила Макбейн, стараясь не скрежетать зубами.

– Да, но если не справитесь? Если мой лейтенант узнает, что я не дал вам подкрепление, мне надерут зад.

– Понимаю, – сказала Макбейн. Она надеялась, что О’Шонесси слишком утомился, чтобы продумать последствия такого хода.

Пока О’Шонесси думал, его взгляд метался из стороны в сторону. Наконец он сказал:

– Вот что, если через двадцать минут от вас не будет вестей, я отправлю к вам одного из моих парней.

Такой компромисс Макбейн устраивал. Теперь она была рада, что предусмотрительно записала номер участка в свой телефон.

– Справедливо. Большое спасибо, сержант, я очень это ценю.

– Да не за что, детектив, – сказал О’Шонесси, беря газету. – Слушайте, я каждый год покупаю абонементы на «Янки-стадиум». Если будет свободное местечко, хотите, я дам вам знать?

– Конечно, – ответила Макбейн, уверенная, что всегда будет занята, но предпочитая на всякий случай расположить к себе сержанта.

Дав это пустое обещание, она направилась обратно к своей машине.

На то, чтобы доехать до угла Уэбб и 195-й Западной улицы, времени потребовалось немного, а еще меньше ушло на то, чтобы найти «Импалу» 1967 года, припаркованную как попало. *Клянусь, я убью их.*

Поставив «Сатурн» параллельно с «Импалой», она убедилась, что удостоверение полицейского хорошо заметно на приборной панели, на случай, если кто-то из парней О’Шонесси вдруг увлечется, выписывая штрафы за неправильную парковку.

Найти нужный дом оказалось легче легкого – это было единственное строение на углу не из красного кирпича. В железных воротах, ведущих к входной двери, запуталась желтая ограждающая лента – вероятно, жертва одиннадцатидневного ноябрьского ветра. Макбейн удивилась, что лента до сих пор на месте, но потом вспомнила, что в доме никто не живет, значит, и снять ее некому. По-видимому, риелторская компания, занимающаяся этим домом – название, номер телефона и сайт были указаны на стенде «Продается», – решила некоторое время не показывать дом покупателям.

Вернувшись к месту, где стояли «Импала» и ее машина, она заметила спрятавшуюся за воротами подъездную дорожку. Замок, который обычно всегда был закрыт, на этот раз был разомкнут, хотя ворота были притворены. Заглянув внутрь, она увидела две фигуры на коленях перед боковой дверью. Один человек был довольно высоким и внимательно смотрел на второго, который скрючился у двери. Высокий что-то сердито говорил тому, что пониже, но с улицы слов было не разобрать.

Макбейн достала из кобуры пистолет девятимиллиметрового калибра и сняла с предохранителя. Потом взяла фонарик, включила его и, подняв вместе с пистолетом, распахнула ворота ногой.

– Не двигайтесь, это полиция!

Они смотрели на нее, точно ослепленные фарами олени.

Она медленно шагнула на подъездную дорожку. Тот, что пониже – должно быть, Дин, – начал подниматься, и она крикнула:

– Какую часть «не двигайтесь» ты не понял?

Дин замер.

Она подошла к ним, но не слишком близко, чтобы они не могли выхватить у нее пистолет. Убедившись, что устроила отличное шоу для того, кто вызвал 911, она опустила пистолет.

– Ребята, вы полные придурки, вам это известно?

– Офицер, я все могу объяснить... – заговорил Сэм.

– Я детектив, Сэм, поэтому даже не пытайся. Меня не интересует чепуха от братьев Винчестер.

Они оба открыли рот, удивленные, что она назвала их по имени. Решив положить конец их страданиям, она улыбнулась и сказала:

– Да, я знаю, кто вы. Сэм и Дин Винчестеры, сыновья Джона Винчестера, который, в отличие от своих отпрысков, всегда звонит мне, когда приезжает в город.

– Вы знали нашего отца? – потрясенно спросил Дин.

– Да. – Она нахмурилась, ей не понравилось прошедшее время. – Слухи ведь врут, правда? Насчет того, что он умер?

Братья переглянулись, и их лица все сказали сами за себя. Слишком много пропавших людей оказывались в итоге погибшими, и она знала, как выглядят убитые горем люди.

– Черт. Сочувствую, ребята. Я не знала. Слушайте, меня зовут Марина Макбейн, и вам *чертовски* повезло, что я нашла вас раньше полиции. Вы знаете, что кто-то позвонил в 911?

– Откуда вы... – начал Сэм.

– Об этом позже. Хотите проверить это место?

Они снова переглянулись, на этот раз озадаченно.

– Я, м-м... да, – медленно ответил Дин.

– Хорошо, идите и заканчивайте взламывать замок. А мне нужно позвонить. Вот, это может помочь. – Она протянула Сэму фонарик, чтобы тот светил прямо на замок.

– Спасибо, – сказал Сэм.

– Не за что.

– А вы правда коп? – спросил Дин.

– Нет, мне просто нравится носить золотой жетон. Конечно, я коп, а теперь заткнитесь и открывайте долбаный замок. – Она пошла по подъездной дорожке в сторону улицы.

– Или что, – с усмешкой произнес Дин, – покажете, что в вашей полиции означает «надеру твою тупую задницу»?

Она обернулась.

– Ну, во-первых, белым людям не стоит цитировать Уилла Смита. Во-вторых, если ты так этого хочешь, просто попроси, косматый.

Оставив Дина смущенно чесать в затылке, Макбейн достала из внутреннего кармана пиджака телефон, открыла его и набрала номер пятидесятого участка.

– Пять-ноль, О'Шонесси.

– Сержант, это детектив Макбейн.

– Все нормально, детектив?

Он казался искренне обеспокоенным, и это тронуло Макбейн.

– Это были те парни, как я и думала. Я с ними разобралась, так что не нужно присылать своих ребят. Спасибо.

– Не за что, детектив. Надеюсь, это вернет вам расположение вашего босса.

– Я тоже на это надеюсь, – решительно ответила она. Хотя на самом деле ее дежурство уже закончилось, а ее босс, сержант Гловер, считал ее превосходным детективом по розыску

без вести пропавших, и он сейчас отсыпался дома перед дневной сменой, которая начнется через час. – Еще раз спасибо.

Она повернулась и прошла обратно к дому.

– Так, я направила пять-ноль по ложному следу. Если те, кто звонил в 911, захотят узнать, что случилось, им скажут, что проблема решена. Но я сомневаюсь, что они перезвонят. Чертовы жители этого города никогда не доводят дело до конца.

Когда она подошла к боковой двери, Дин встал и открыл ее.

– Готово!

– Спасибо, – сказал Сэм, протянув Макбейн фонарик ручкой вперед.

– Не за что. Подозреваю, вы хотите заглянуть в подвал.

– И как вы догадались, – Дин раздраженно посмотрел на нее. – А вы собираетесь пойти с нами, да?

– Хочешь остановить меня? Валяй.

– Леди, я даже не знаю, кто вы.

Макбейн мило улыбнулась.

– Я дам тебе подсказку, косматый. Я единственный человек между вами и копами из пять-ноль, которые сцапают вас, проверят по базе, получают ордер на ваш арест и запрут в камере на всю оставшуюся жизнь. Дин, ты меня понял или я должна позвонить сержанту О’Шонесси и сказать, что мне нужно подкрепление?

Братья снова переглянулись и, казалось, приняли решение. Макбейн могла поклясться, что они общались телепатически.

Дин слегка поклонился и указал на дверь.

– Только после вас.

– В тебе вдруг проснулся рыцарь? – фыркнула Макбейн.

– Ни в коем случае, просто у вас фонарик.

Макбейн снова фыркнула и вошла в дом.

Сразу за дверью начиналась лестница. Наверху слева была приоткрыта дверь. Макбейн осветила комнату – пусто, как и должно быть в доме, выставленном на продажу. В воздухе витал запах специй. Последняя владелица работала поваром в модном ресторане Мидтауна и, очевидно, оттачивала дома свое мастерство.

Лестница справа вела в подвал, к месту преступления.

Они быстро спустились по ступенькам, которые скрипели при каждом шаге так сильно, что Макбейн поразовалась, что уже поздно, и тому, что от соседнего дома их отделяет стена и подъездная дорожка. Фонарик осветил комнату: стиральная машина, сушилка, деревянные столбы, деревянный пол, который был настелен лет десять назад, и жуткие обои на трех стенах.

Макбейн нашла выключатель и нажала на него. Зажглась сорокаваттная лампа, висевшая в центре потолка на цепочке, и детектив подумала, что с фонариком было лучше.

Стена без обоев была кирпичной и выглядела даже новее пола – на вид ей было меньше месяца. Согласно отчетам, которые читала Макбейн, ее было несложно разобрать, когда соседи и риелтор пожаловались на запах из подвала. В стене зияла огромная дыра, поперек которой была натянута желтая оградительная лента.

Сэм встал позади нее и заглянул в дыру.

– Даже не скажешь, что здесь находилось тело.

– Рейес умер от удушья. И только по царапинам на внутренней стороне новых кирпичей можно было сказать, что здесь находилось тело. Сейчас кирпичи в лаборатории.

– Сэмми, посмотри-ка на это.

Макбейн обернулась и увидела, что Дин опустился на корточки. Сэм присел рядом с ним. Решив уважать стремление парней делать свое дело, Макбейн отошла назад.

Сэм посмотрел на нее.

– В отчете с места преступления упоминалось о лежащих вокруг травах?

– Не помню, но женщина, которая здесь жила, была поваром.

Дин зажал травинку между большим и указательным пальцами.

– Надеюсь, она не использовала это в своих блюдах. Это полынь.

Макбейн пожала плечами.

– Ну, полынь может пригодиться на кухне. Например, чтобы заваривать чай. Так что не вижу...

– Или для того, чтобы использовать в ритуалах воскрешения, – добавил Сэм. – Эта травинка была частью ритуала.

– Ритуал воскрешения? – Макбейн передернуло. – Черт. Я не очень-то в этом разбираюсь. Дин поднялся.

– А в чем вы разбираетесь, детектив? Вы охотник, коп или заноза в заднице?

– Может, все сразу? – с улыбкой произнесла Макбейн. – Я не так уж много охочусь. Несколько лет назад я, чтобы поразмяться, убила вампира, который охотился на бездомных. Очень много времени, доложу я вам, уходит на то, чтобы перепилить гортань кухонным ножом... Но чаще я просто слежу за событиями, помогаю другим охотникам, приехавшим в город, и забочусь о том, чтобы люди об этом не узнали. Я просто часть полицейской сети.

– Вы шутите? – недоверчиво спросил Дин. – Сети?

– Да, но не очень-то впечатляйся, косматый. Нас всего четверо: я, женщина в Чикаго по имени Мерфи и Лао, парень в Юджине, штат Орегон.

– Это трое, – заметил Сэм.

Макбейн улыбнулась.

– Четвертого вы знаете. Она в Балтиморе. Новенькая и, возможно, скоро покинет полицию.

Глаза Сэма расширились.

– Вы имеете в виду детектива Баллард?

Макбейн кивнула.

– Пока не закончится внутреннее расследование, она под подозрением. Но даже если выйдет сухой из воды, то, скорее всего, не сможет остаться в отделе. Мы вышли на нее после того, как она познакомилась с вами, и она присоединилась к нам. Была еще одна, в Миссисипи, но она умерла во время урагана «Катрина».

– Вы правы, – сказал Дин. – Я не очень-то впечатлен.

– Ну, до недавнего времени хватало нас четверых, – ответила Макбейн. – Еще полтора года назад все было круто, но... – Она вздрогнула. – В последнее время вся эта хрень увеличилась раз в пять. Стало сложно держать ситуацию под контролем.

Братья обменялись еще одним выразительным взглядом, и Сэм сказал:

– Как вышло, что среди вас почти все женщины?

– Может, поиграем в двадцать вопросов позже? – спросил Дин. Он начал осматривать остальную часть подвала.

Сэм с извиняющимся видом улыбнулся Макбейн и начал исследовать дыру в стене.

Макбейн осмотрела потолок. Она ничего не ожидала найти, но решила, что это будет нелишним.

– Понимаешь, Сэм, – сказала она, пристально разглядывая паутину, – обычно полиция таким не занимается. Простой полицейский в такое ни за что не поверит. Здесь нужен тот, кто открыт для всех этих жутких вещей. Как правило, это мы, женщины.

– А парень, которого вы упомянули, этот азиат?.. – сказал Сэм.

Макбейн кивнула.

– Мой инструктор говорил, что коп-азиат – это все равно что еврей-священник. Редко, но встречаются. – Она вздохнула. – Ну, и что это за ритуал воскрешения? Я уже говорила, в этой области я не эксперт.

– Это фальшивый ритуал, который в девятнадцатом веке выдумал какой-то придурок, чтобы выманивать деньги у людей, – пояснил Дин.

– Но, очевидно, сейчас кто-то поверил, что ритуал настоящий, – добавил Сэм.

Ничего не найдя на потолке, Макбейн посмотрела на братьев.

– И что, какой-то маньяк пытается воскресить Эдгара Аллана По?!

– Похоже на то, – сказал Дин. Затем повернулся к Сэму. – Ты должен мне десятку.

– Что? – возмутился Сэм.

Дин поднял травинку и улыбнулся.

– Копы упустили сад с травами для воскрешения. Ты должен мне десятку.

– Позвони моему адвокату, – пробормотал Сэм, повернулся к Макбейн и быстро заговорил, видимо, чтобы Дин не успел ответить: – Детектив Макбейн, можно вопрос: откуда вы узнали, что мы будем здесь?

– Я не знала наверняка, пока не заглянула в пять-ноль. В пятидесятый участок, – пояснила она, сообразив, что братья могут и не знать полицейского жаргона. – Этот дом стоит на их территории. Я как раз была там, когда поступил звонок насчет вас.

– Да, но как вы вообще узнали, с чего начать?

Дин посмотрел на какое-то странное приспособление, в котором Макбейн опознала нелепо выглядящий самодельный измеритель ЭМП, и кивнул:

– Мне бы тоже хотелось это знать.

– Ну, я с самого начала отслеживала все события, связанные с Эдгаром По. Вся эта история просто кричала о «Бочонке амонтильядо» и ритуалах. Поэтому я поняла, что следует ожидать одного или трех охотников. А после истории с орангутангом моя догадка подкрепилась. Никто до сих пор не связал эти дела в одно, ими занимаются разные участки. И не все тут такие начитанные. «Бочонок амонтильядо» читали почти все, но «Убийство на улице Морг» далеко не везде проходят на уроках литературы, а многие копы и не вспомнят, чему их учили в школе. – Она улыбнулась. – А потом в пять-два поступил звонок из службы безопасности Бронкского зоопарка: два парня – один высокий, другой пониже – прикидывались журналистами из «Нэшнл джиографик», но прокололись.

Братья снова переглянулись, на этот раз с виноватым видом.

– Не так уж часто охотники путешествуют вдвоем, и никто из тех, кого я знаю, не подходил под описание. Тогда я и поняла, что это вы. Хотя и не была уверена, пока не приехала сюда.

– А что бы вы сделали, окажись мы обычными грабителями? – полюбопытствовал Сэм. Макбейн пожала плечами.

– Арестовала бы. Пять-ноль прислал бы подкрепление, если бы я не связалась с ними через двадцать минут. Поверьте, за десять лет я научилась прикрывать свой зад. Вы-то, ребята, можете просто уехать из города. А мне придется остаться и все подчищать.

Дин убрал свой прибор.

– Ничего нет... Ладно, пора двигать. Не думаю, что мы здесь еще что-нибудь найдем.

– Думаете, это часть ритуала? Уверена, это еще не все и следующее убийство произойдет в понедельник, – сказала Макбейн.

Братья снова переглянулись.

– М-м, да, – ответил Сэм.

– Я слежу за фазами луны. Издержки профессии, – заметила Макбейн.

Сэм быстро объяснил ей, в чем суть ритуала, придуманного Персивалем Сэмюэлсом.

– Следующее убийство случится либо на Уэбстер-авеню возле Бедфорд-парк-бульвар, либо на пересечении Фордем-роуд и бульвара Мартина Лютера Кинга.

Макбейн почесала нос.

– Ладно. Знаете что? Я вам помогу, съезжу по одному из адресов.

Дин поморщился.

– Какие-то проблемы, косматый? – спросила она.

– Несколько точно есть. Во-первых, *пожалуйста*, перестаньте называть меня косматим. – Тут Сэм улыбнулся. – А во-вторых, не думайте, что я куплюсь на это дерьмо типа «я храбрый коп, который сражается с демонами» или что вы знали отца.

Макбейн была к этому готова. Она знала, что Дину не понравится прозвище и что братья не поверят, что она была знакома с их отцом. Она не раз встречалась с Джоном Винчестером и вовсе не была удивлена, что он не рассказал о ней сыновьям. Джон не особенно любил откровенничать. Кроме того, до нее доходили слухи об охотах Сэма и Дина, и хоть они совершали не так много ошибок, те, что они все-таки совершали, выглядели глупыми для сыновей Джона Винчестера. Если только он не скрывал от них кое-что...

– Джон Винчестер, – сказала она, – белый мужчина, примерно пятидесяти трех лет, рост метр восемьдесят пять, вес восемьдесят шесть килограммов, темные волосы, карие глаза, борода – в зависимости от настроения, бывший морской пехотинец, вдовец, отец двух сыновей: Сэм и Дин. В Нью-Йорк приезжал трижды. В первый раз охотился на голема²⁹ на Брайтон-Бич, во второй – разбирался с призраком в метро...

Сэм открыл рот.

– С призраком кондуктора?

Макбейн усмехнулась.

– Типа того. Этот дух, видимо, и положил начало той дурацкой легенде.

– А третий раз? – спросил Дин.

– Богом клянусь, он убил дракона в китайском квартале. Безумный случай, скажу я вам.

Сэм открыл рот еще шире.

– Отец убил *дракона*?

– Небольшого, – пожала плечами Макбейн.

– И вы ему помогали? – все так же недоверчиво спросил Дин.

– Пыталась. Чаще всего он ворчал и плевался – примерно как ты сейчас, косматый, – и требовал, чтобы я держалась от него подальше.

– И вы его слушались? – спросил Дин.

– Сначала нет. Но мы договорились, после того как чуть не подстрелили друг друга. Он всегда сообщал мне о своих передвижениях, когда приезжал в город, а я рассказывала ему, что знала, и приглядывала за ним издали.

Дин наконец смягчился.

– Да, это похоже на отца.

– Детектив, нам пора ехать, – как бы невзначай заметил Сэм.

Макбейн достала визитки из кармана пиджака и протянула им по одной.

– Вот, – сказала она. – Здесь мой номер телефона, если я вам понадобится. Если позвонить в отдел по розыску без вести пропавших, разговор будет записан. А тут мой личный номер, так безопаснее.

– Спасибо, – поблагодарил Сэм, убирая визитку в карман.

Макбейн выключила за ними свет, они поднялись наверх, и Дин запер дверь.

После того как Дин запер ворота и они вернулись к машинам, Макбейн сказала:

– Эй, будьте осторожны. В этот раз я вас прикрыла, но все может стать гораздо сложнее, если вы и дальше будете привлекать к себе ненужное внимание.

– С копами мы сами справимся, – сказал Дин.

²⁹ Голем – мифологическое существо, созданное и оживленное магом.

– Речь идет не о провинциальных шерифах, косматый, а о нью-йоркской полиции и федеральном ордере на поимку серийного убийцы. Знаю, вам, охотникам, нравится ходить по грани, но сейчас эта грань запросто может оттяпать вам яйца. Это ясно? Вы меня не знаете, вы мне не доверяете, я вам не нравлюсь, но сейчас я нужна вам. Так что не делайте глупостей, и мы выберемся из этого дерьма живыми.

Не дожидаясь ответа, Макбейн села в свой «Сатурн», завела двигатель и направилась к Кингсбридж-роуд, которая приведет ее к магистрали Дигана, а оттуда через мост Трайборо – к дому в Квинсе, где она поспит часа два у себя в квартире, а потом поедет на дежурство в полицейский участок. Она работала со среды по воскресенье, а значит, в понедельник сможет помочь Винчестерам. *Если повезет, спасем от смерти очередного беднягу.*

Глава 11

Дом Манфреда Афири, Бронкс, Нью-Йорк

18 ноября 2006 года, суббота

Дин не привык вставать первым, тем более в полдень. Но дверь в комнату Манфреда была закрыта, а его храп доносился даже сквозь нее. Заглянув в гостевую комнату, он увидел, что Сэм не просто спит как убитый, но еще и слюни пускает на подушку. Сфотографировав его на телефон, Дин принял душ, спустился, закинул грязную одежду в стиральную машину и развалился на диване, собираясь открыть ноутбук Сэма и найти в интернете того психа.

«Артур Гордон Пим» закачал на свой сайт целую кучу рассказов Эдгара По, и Дин углубился в чтение, попивая сногшибательный кофе из чашки с надписью «ИвБ»: итальянец в браке. Буквы были цвета итальянского флага: красные, белые и зеленые. Этот кофе стоял в самом начале длинного пути к напоминанию о том, что Дину нравилось в Манфреде. Как и звучавшие сейчас великолепные голоса членов группы Rush из одноименного альбома. Оба эти фактора вполне справились с задачей – прогнать послевкусие от концерта «Скоттсо».

Когда Сэм припелся вниз в одних штанах, Дин воскликнул своим самым лучшим голосом безумного ученого:

– Оно *живое*! Живое!³⁰

– Да-да, – пробормотал Сэм, направляясь напрямиком на кухню.

Дин с улыбкой перевел взгляд на экран ноутбука, в третий раз пытаясь прочесть очередной абзац. И наконец сдался.

Когда Сэм вернулся в гостиную, держа в руках чашку с Дилбертом³¹, Дин произнес:

– Чувак, ты сказал, что этот рассказ про улицу Морг был первым детективом, верно?

– Да, а что? – спросил Сэм, опускаясь в мягкое кресло.

– Да то, что хуже этого дерьма я в жизни еще не читал. Другие рассказы были неплохи. Когда я начал читать «Сердце-обличитель», то вспомнил, что мы проходили его на тех дурацких уроках в католической школе Иллинойса. Но рассказ про улицу Морг... – Он замолчал.

Сэм пожал плечами и сделал глоток кофе.

– Что тебе сказать, Дин. В свое время он совершил настоящий переворот в литературе. И если бы не этот рассказ, то сейчас у нас не было бы «C.S.I.: Место преступления»³².

– Невелика потеря, – ответил Дин. – В четверг вечером можно найти и что-нибудь получше.

– После вступления станет интереснее, – заверил Сэм.

Дин поверил брату только потому, что рассказ уже не мог стать хуже. Вступление было просто бессмысленным – несколько страниц ни о чем. Где убийства? Где расследование? Где, в конце концов, орангутанг?

Песня «Working Man» закончилась, Сэм сделал еще глоток кофе и спросил:

– Что ты думаешь о детективе Макбейн?

Дин отставил ноутбук и тяжело вздохнул.

– Поверить не могу, что отец нам о ней не рассказывал.

– Серьезно? А вот мне в это поверить очень легко. Он же не рассказывал нам о баре «Дом у дороги», об Эллен, о ее муже и Джо. Не рассказывал об Элкинсе, о...

– Ладно, ладно, – вскинув руки в поражении, сказал Дин. Покачал головой и допил уже остывший кофе.

³⁰ Цитата из фильма «Франкенштейн» (1931).

³¹ Персонаж серии комиксов об офисной жизни.

³² Американский телесериал о работе сотрудников криминалистической лаборатории Лас-Вегаса.

– Я много думал о ней, – сказал он. – Мне кажется, ей можно доверять.

Глаза Сэма были наполовину прикрыты с тех пор, как он спустился, но теперь полностью открылись.

– Правда? Не то чтобы я возражал, но странно слышать это от тебя.

Дин пожал плечами.

– Я же говорил, что знаю копов. Чувак, мы с тобой – особенно я – преступники века. Любой коп из кожи вон вылезет, чтобы арестовать нас. Прошлой ночью мы были у нее в руках. Она могла арестовать нас, показать в новостях и получить повышение – черт, да она могла бы сама выбрать новое назначение. Но она же этого не сделала. Ни один коп так бы не поступил.

– Только если не было смягчающих обстоятельств.

– Вот именно.

Дин поднялся.

– Пойду налью себе еще чашечку.

Сэм вылез из кресла и последовал за ним.

– Знаешь, я тут думал об отце... Честно говоря, после того как мы вернулись, я полночи крутился и вертелся. Поэтому и встал так поздно.

«Черт, черт, черт», – подумал Дин, заходя на кухню. Меньше всего ему сейчас хотелось говорить об отце. Он еще не был к этому готов.

Подойдя к кофеварке, Дин увидел, что в кофейнике осталась только гуща. Он поднял его и взболтал остатки.

– Чувак! Не забывай о хороших манерах. Допил – завари еще.

Сэм отпрянул, словно Дин его ударил.

– Я его не допивал, там немного осталось.

Дин бросил на Сэма сердитый взгляд.

– Да ты прикалываешься.

– Так вот, я вспоминал тот случай, когда мы были у Бобби и заманили Мэг в ловушку, – сказал Сэм, пока Дин выливал гущу в раковину.

Дин не понимал, к чему ведет Сэм, и просто что-то промычал, ополаскивая кофейник.

– Помнишь, Бобби сказал, что Мэг одержима?

Дин кивнул и наполнил кофейник холодной водой. Он считал, что Мэг – демон в облике симпатичной блондинки.

– Никогда не забуду выражение лица Бобби, когда он рассказывал нам об этом, а потом спросил: «А вы разве не поняли?» Он не мог поверить, что мы не смогли распознать знаки, – продолжил Сэм, все еще сжимая в руках чашку с кофе.

– Как это связано с отцом, Сэм? – спросил Дин, заливая воду в кофеварку, хотя догадывался, к чему он клонит.

– Отец мог нас кое-чему научить, но не научил. Он не рассказывал нам о других охотниках, о баре «Дом у дороги», о вампирах, пока мы не повстречались с одним из них, не рассказывал о могильной пыли. Конечно, он научил нас азам, как сражаться и защищаться, но это все. Черт, большую часть знаний я получил сам. А еще я уверен, отец был рад, что я в Стэнфорде, хотя мы с ним и спорили об этом.

Дин направлялся к морозилке, но тут резко остановился.

– Что?

– Дин, в Стэнфорд, да и куда угодно, просто так не попадешь. Нужно заполнить кучу бланков, и большую часть из них, особенно о финансовой помощи, должны подписать родители или законный опекун.

Это потрясло Дина.

– Ты хочешь сказать, отец все это подписал?

– Да. Он ворчал, но все подписал.

Насыпая зерна в фильтр, Дин вздрогнул, вспоминая все эти отвратительные споры. Отец обвинял Сэма, что тот бросает семью, а Сэм обвинял отца в том, что он руководит его жизнью и разрушает ее. Дин отчаянно пытался (и с треском провалился) успокоить их и заставить поговорить друг с другом без криков. А теперь оказывается, что отец *сам...*

– Может, – медленно произнес Дин, – отец в это не верил. Ну, то есть он, конечно, заполнял формы и поддакивал тебе, но когда ты сказал, что уезжаешь...

Сэм склонил голову набок.

– Думаю, это возможно. Но все равно, слишком много волокиты, чтобы просто потакать. И честно говоря, он в любой момент мог разрушить мои планы, просто не заполнив эти бумаги.

Все это как-то не было похоже на отца.

– Ты хочешь сказать, что отец заполнял это дерьмо каждый год?

– М-м... – Сэм замешкался.

Дин знал это выражение лица. Его брат что-то скрывал.

– Что ты сделал, Сэмми?

Долгая пауза. Кофеварка зажурчала, наливая закипевшую воду через фильтр в кофейник.

– Я... – Сэм глотнул кофе, чтобы дать себе время, и сказал: – Я убедил их объявить меня независимым.

– Что, прости?

– Отец не общался со мной, когда я уехал, поэтому я не мог заставить его заполнить бланки для второго курса, а сам я недостаточно ловко подделываю его подпись. Но я потерял бы стипендию и поэтому предоставил документы о том, что мой отец пропал без вести – что, кстати, было довольно просто, ведь формально отец действительно пропал. Так что меня объявили независимым и я сам мог заполнять бланки.

– Ты хочешь сказать, что отрекся от отца?

Сэм запинаясь, проговорил:

– Он сделал это первым.

В сердце Дина вспыхнула злость, но тут же сгорела дотла. *После того дерьма, что отец наговорил перед смертью, я ни за что не стану защищать этого сукина сына.*

С этим уже покончено. Ссориться сейчас с Сэмом из-за отца?... Да это все равно что убить его, решил Дин.

– Ладно, – коротко ответил он. – Ну и как это связано с тем, что он не рассказал нам о Макбейн?

– Помнишь Джерри, того чувака из аэропорта?

Дин кивнул. Они с отцом помогли Джерри Пановски в деле с полтергейстом, а позже Джерри еще раз вызвал их с Сэмом, когда злой дух ронял самолеты. Но Дин все равно пока не понимал, при чем тут Джерри.

– И что?

– Он сказал, что отец распинаясь о том, как гордится моей учебой в Стэнфорде. Я не мог в это поверить, но теперь до меня дошло.

Окончательно перестав понимать Сэма, Дин развел руками.

– О чем ты?..

– Тренируя нас, он нас защищал. Он кричал на меня из-за того, что я уехал в Стэнфорд, но гордился мной – и *помог* уехать. Он нас учил, но нам пришлось учиться и *самим*, иначе зло застало бы нас врасплох. Черт, Дин, главная причина, по которой он исчез год назад, – он пытался защитить нас от демона и позволил нам поехать с ним только после того, как мы буквально не оставили ему выбора.

Дин уставился в раковину, прислушиваясь к журчанию кофеварки.

– Дин? – окликнул его Сэм спустя несколько секунд.

Дин повернулся и посмотрел на брата – на человека, к которому пришел, когда пропал отец. На человека, которого ему приказали защищать любой ценой и убить, если он не сможет этого сделать.

– Знаешь, что я думаю? – очень тихо произнес Дин. – Думаю, потребность отца бороться со злом всегда боролась в нем с потребностью защищать нас. Думаю, он не мог победить в этом противостоянии, и оно-то его и доконало.

Несколько секунд братья просто молча смотрели друг на друга. Но тут сверху раздался голос Манфреда:

– Парни, вы уже проснулись?

Братья синхронно ответили: «Мы тут». Дин невольно улыбнулся Сэму, а Сэм улыбнулся ему.

Манфред приковылял на кухню в дырявых спортивных штанах, выцветшей футболке и босиком.

– Ребят, у вас все в порядке?

– Да, – ответил Дин. – Просто ежедневный обмен порцией эмо-тоски. Мы уже закончили. О, и я загрузил стирку. Ничего?

– Базара ноль, парни. Мой дом – ваш дом.

– Спасибо.

– Обычно по субботам я так рано не встаю, но я тут вспомнил кое-что, что могло бы вас заинтересовать. – Он подошел к шкафчику, достал чашку с изображением уродливого сморщенного лица сбоку и словом «Ворчун» над ним и налил себе кофе. – Когда-то Альдо встречался с девчонкой, которая была яркой фанаткой Rÿche.

Сэм прищурился, и Дин закатил глаза.

– Он имеет в виду фанатку группы Queensrÿche, а не первого офицера «Энтерпрайз-D»³³.

Прежде чем Сэм успел что-то сказать, Манфред продолжил:

– По-моему, ее звали Рокси... м-м, да, как-то так.

– Она была блондинкой? – спросил Дин.

Манфред сделал глоток кофе и улыбнулся своей щербатой улыбкой.

– Альдо встречается только с блондинками. Ладно, пойду наверх – нарою себе какую-нибудь порнуху в интернете. Позже потрещим, парни.

Когда Манфред ушел, Дин поморщился и застонал:

– О нет.

– Что? – спросил Сэм.

– Нужно поговорить с Альдо о Рокси. А значит, придется вернуться в «Парковку сзади».

Сэм усмехнулся.

– Хреново быть героем, да, Дин?

– Да пошел ты!

³³ Имеется в виду Уильям Райкер – персонаж научно-фантастического телевизионного сериала «Звездный путь: Следующее поколение».

Глава 12

«Парковка сзади», Ларчмонт, Нью-Йорк

18 ноября 2006 года, суббота

Вторая поездка Дина в «Парковку сзади» оказалась гораздо лучше первой. Во-первых, не было никаких признаков присутствия Джанин, а во-вторых, в баре снова работала Дженнифер. И, что было еще лучше, она надела кожаные брюки вместо обтягивающих джинсов.

– Так, так, так, – сказала Дженнифер, когда братья подошли к бару, то есть сразу после того, как помогли Манфреду выгрузить вещи из внедорожника. – Вы только посмотрите, кто вернулся.

– Почему бы тебе не занять нам столик, Сэм? – спросил Дин, не глядя на брата.

Сэм улыбнулся.

– Здесь куча столов, Дин, не волнуйся. И я помогу тебе донести напитки.

Теперь Дин посмотрел на Сэма.

– Думаю, я смогу донести два стакана пива. И один вылью тебе на голову, если ты не займешь нам столик.

И Сэм ушел занимать столик сбоку на возвышении – не говоря ни слова, но с очень раздражающей улыбочкой.

Дженнифер выгнула бровь.

– Что, Дин, не нравится клеиться при всех к женщинам в возрасте?

– Во-первых, я не куплюсь на байку о том, что ты женщина в возрасте. Конечно, вчера ты что-то там говорила насчет «еды в морозилке», но я думаю, это полная чушь и тебе на самом деле двадцать четыре. Мне кажется, к тебе тут клеится столько всяких неудачников, что ты притворяешься матерью-одиночкой, чтобы их отпугнуть... А на самом деле ты страстная красотка, вот только очень разборчива.

Дженнифер начала наливать ему светлое бруклинское, даже не спросив, чего он хочет.

– Знаешь, Дин, похоже, ты много об этом думал.

– Так и есть.

На самом деле он только сейчас об этом подумал, потому что был слишком занят – вламывался в чужие дома, знакомился с копами, спал, анализировал отца и пытался найти информацию об Артуре Гордоне Пиме. К сожалению, в городском архиве они никого не нашли с таким именем. Видимо, новоявленный Пим нигде не зарегистрировал смену имени, и нигде нельзя было узнать, как его звали раньше.

Подложив салфетку, Дженнифер поставила стакан Дина на стойку.

– Жаль тебя разочаровывать, но все это правда. Сегодня днем я отвезла Билли на тренировку. Они сделают его форвардом.

– Рад за него.

Дин понятия не имел, что это значит, но предположил, что это хорошо.

– А что Сэм будет пить?

– М-м, «Бад Лайт» для мистера Неженки.

– Эй, что ты имеешь против «Бад Лайта»? – спросила Дженнифер.

– Ничего, – ответил Дин. – Но я предпочитаю пиво.

Наконец-то он заставил ее улыбнуться. Она налила «Бад Лайт» в стакан.

– Удивлена, что ты вернулся. Думала, после того выступления «Скоттсо» ты сбежишь с криками.

– А что ты скажешь на это: я вернулся, чтобы увидеть тебя?

– Скажу, что ты врешь и не краснеешь.

Дин улыбнулся.

– И будешь права. Мне нужно кое-что обсудить с Альдо. А увидеть тебя еще раз – приятный бонус.

– И о чем же ты хочешь с ним поговорить?

– О его бывшей девушке.

Дженнифер фыркнула.

– Которой из них?

– О блондинке по имени Рокси.

Она снова фыркнула.

– Рокси Кармайкл? Никакая она не девушка. Черт, она была старше меня.

Дин заметил, что она говорит о ней в прошедшем времени.

– Была?

– Ну, или где-то есть. Она рассталась с Альдо пару лет назад, с тех пор я ее не видела. Очень жаль, они были хорошей парой – оба не пили и не курили. Хотя, нет, подожди: помню, как мы с ней выходили покурить на улицу, когда в барах это запретили.

В каждом штате даты запрета на курение были разными, и Дин спросил:

– А когда это было?

Дженнифер пожала плечами.

– Пару лет назад. Перед тем, как они расстались. Она всегда пила имбирный эль.

Не успел Дин ответить, как другой бармен – не Гарри, а парень вдвое моложе и выше него – сказал:

– Эй, Дженни, двигай задом, я тут зашиваюсь.

– Извини, – сказал Дин. – Сколько с меня?

– Подойди позже. – Дженнифер снова улыбнулась, но эта улыбка была не такой ехидной, как обычно. Она была милой.

В груди у Дина появилось теплое, приятное чувство, и он двинулся обратно к столику с двумя стаканами пива.

Но это чувство стало холодным и липким к тому времени, как «Скоттсо» добрались до второго куплета «Smoke on the Water», с которой началось выступление. Дин в ту же секунду поклялся сменить рингтон, нужно только найти способ спросить Сэма, как это сделать, чтобы брат не задразнил его.

«Это займет некоторое время», – с отчаянием подумал он.

К тому моменту, как выступление закончилось, он уже три раза подходил к бару и в третий раз снова смог поговорить с Дженнифер, пока другой бармен не позвал ее на помощь. Ему понравилось болтать с этой барменшей.

Но пора было заняться делами. Он пошел прямо к Альдо, который устремился к туалету. Это было удачно, потому что мочевого пузыря Дина был до отказа заполнен бруклинским светлым.

В мужском туалете оказалось только два писсуара, а так как выступление закончилось, образовалась очередь. Дин встал за Альдо и сказал:

– Черт, я думал, очередь бывает только в женских туалетах.

– Ха-ха-ха! – захохотал Альдо. – Ну, ты и скажешь, Сэм!

– Я Дин.

– Я так и сказал, Дин. Рад, что вы вернулись.

– Спасибо. Круто вы сегодня отожгли. Мне понравилось ваше исполнение «Sunshine of Your Love».

– Эрика Клэптона не зря называют богом, – ответил Альдо.

– Слушайте, Альдо, Манфред тут рассказал, что вы встречались с девушкой по имени Рокси.

Альдо нахмурился.

– М-м, да.

– Он говорит, она была фанаткой Rÿcher. Я знал одну блондинку с таким же именем, которая фанатела от этой группы, и мне стало интересно, не та ли это девушка.

– Возможно, – ответил Альдо, пожав плечами. – Ее звали Роксана Кармайкл.

Освободилось два писсуара, и Дин с Альдо заняли места.

Дин расстегнул ширинку и через мгновение почувствовал, словно огромный груз упал с его – ну, не с плеч, конечно, но уже через пару секунд он ощутил себя килограммов на пять легче.

– Знаете, что говорят о пиве? Чем оно лучше, тем скорее приходится от него избавляться.

– Наверное, – сказал Альдо. – Я уже три года состою в обществе анонимных алкоголиков. Именно там я встретился с Рокси.

– О, прости, – сказал Дин.

– Забей, Сэм.

– Я Дин.

– Верно, я так и сказал, Дин. Я бы и двух секунд не мог играть, будь у меня проблемы с выпивкой и наркотиками. Понимаешь, о чем я? Так вот, насчет Рокси – я просто с ней встречался. Однажды она исчезла, не оставив адреса, как раз после серьезной стычки. Поэтому мне вообще-то было плевать, понимаешь, о чем я?

Дину удалось сдержать улыбку.

– Стычка произошла в доме Манфреда, да?

– Нет. – Альдо застегнул ширинку. – Слушай, а чего ты спрашиваешь?

Осознав, что перегнул палку, Дин отступил:

– Да так, просто подумал, может, это та же девушка, которую я знал.

Он застегнул ширинку и локтем нажал на ручку смыва.

– Она была трезвенницей. – Альдо улыбнулся, словно вспомнил что-то. – Да! – встрепнулся он. – Я не видел ее года два.

– Ясно.

Альдо подошел к раковине, чтобы вымыть руки. А Дин направился к выходу, радуясь, что напал на след.

Тут кто-то – Дин понял, что это басист, имя которого внезапно стерлось из его памяти, – сказал:

– А ты что, руки не моешь?

– Мой отец был пехотинцем, – ответил Дин. Недоумевающее выражение лица басиста ясно свидетельствовало о том, что он его не понял. С другой стороны, по этому парню сложно было сказать, не постоянно ли он так выглядит. Поэтому Дину пришлось объяснить: – У отца была история. Моряк и морпех заходят вместе в туалет. Оба делают свои дела, потом моряк идет к раковине, а морпех – к двери, и моряк ему говорит: «Эй, нас на флоте учили мыть руки после туалета». Пехотинец оборачивается и говорит: «Да? А нас в пехоте учили не ссать на руки».

Басист криво улыбнулся.

– Смешно. – И направился к сцене.

Дин отправился обратно к столу, за которым Сэм болтал с Манфредом и барабанщиком, имя которого Дин тоже не мог вспомнить. Сэм до сих пор не допил свое пиво – в присутствии брата он не решился заказать джин с тоником, – а перед Манфредом и барабанщиком стояли шоты с каким-то светлым напитком. Дин предположил, что это водка или хорошая текила.

Барабанщик покачал головой и свистнул.

– Чувак, уверяю тебя, она была сукой, но *сексуальной*.

– О чем разговор? – спросил Дин, заняв единственный свободный стул возле Сэма.

– Да мы тут обсуждаем подружку Альдо, Рокси, о которой я вам говорил, – ответил Манфред.

– Да, – добавил Сэм. – Томми как раз о ней рассказывал.

Барабанщик Томми выпил шот.

– Хотел бы я знать, что с ней случилось. Уж поверьте, не будь она подружкой Альдо, я бы сразу ее оприходовал.

– Так что с ней случилось? – Дину очень хотелось узнать ответ на этот вопрос.

– Никто не знает, – ответил Манфред. – Альдо сказал, что они разбежались, и мы больше никогда ее не видели.

Томми забарабанил по столу и захохотал.

– Боже, Манфред, помнишь, что она отколола, когда мы поехали к тебе домой?

– А что она отколола? – спросил Сэм.

Томми повысил тон и заговорил девчоночьим голосом:

– Вау, Манни! Я бы вышла замуж за того, у кого такой дом! Странно, что ты не сделал ей предложение, Манни!

Манфред содрогнулся.

– Я бы не смог жениться на той, кто называет меня «Манни».

Они поболтали еще немного, а потом Манфред и Томми вернулись на сцену – готовиться ко второму выходу.

Как только они ушли, Дин рассказал Сэму все, что узнал от Альдо.

Сэм подпер подбородок кулаком.

– Так ты думаешь, это Альдо убил Рокси?

– А ты так не думаешь? Да ладно, Сэмми, история стара как мир. Такое постоянно происходит. Они ссорятся, он ее убивает и закапывает.

Сэм кивнул.

– И она возвращается, чтобы преследовать... Манфреда? Что-то не сходится.

Дин пожал плечами.

– Ну, может, это Манфред ее убил.

– Манфред даже не помнил о ней до этого утра, – покачивая головой, возразил Сэм.

– Он даже прошлой недели не помнит, он сам сказал. – Дин встал. – Пойду возьму еще пива. Посмотрим, появится ли Рокси сегодня. Может, если мы позовем ее по имени, она ответит.

Шансов было мало, но некоторые привидения были довольно общительными. К сожалению, единственные слова Рокси – «Люби меня!» – не очень помогли, хотя подтверждали их рабочую теорию о том, что она погибла от рук отвергнутого любовника. Значит, Альдо – главный подозреваемый.

Дин подошел к бару, бесцеремонно протиснувшись между двумя мужчинами, которые выглядели так, будто учились в средней школе вместе с Манфредом, и окликнул Дженнифер.

«Секундочку», – произнесла она одними губами, делая несколько напитков одновременно. Альдо очень кстати заиграл соло к «Born to Be Wild», и Дин некоторое время наслаждался музыкой в исполнении человека, которого считал убийцей.

«Что за жизнь!» – усмехнулся он про себя.

Дженнифер отдала клиентам заказ, и те, держа каждый по два стакана, направились к своему столу.

– Еще бруклинского? – спросила Дженнифер.

– М-м, да.

Дженнифер показала ему расстроенной. Она молча налила пиво и, поставив стакан на салфетку, сказала:

– Дин, слушай, я правда ценю то, что ты делаешь, но должна кое-что у тебя спросить, хорошо?

– Давай, – пожав плечами, ответил Дин.

– Что тебе надо?

Дин нахмурился.

– В смысле?

– Чего ты хочешь? Ты сказал, что ты не отсюда. И наверное, скоро уедешь домой, верно?

– Ну да, я просто...

– Короче говоря, это может закончиться только сексом на одну ночь. Или, может, на две, если ты задержишься в городе.

Дин не нашелся, что ответить на такую откровенность. Честность не была основой его методов флирта (да и жизни вообще), поэтому любая встреча с ней была для него неожиданностью.

– Послушай, Дин, ты милый, яркий, невероятно привлекательный... – Тут Дин не сдержал лучезарной улыбки. – А еще ты прекрасно об этом знаешь и пользуешься этим.

– М-м, спасибо?..

– О, поверь, это комплимент. Но... – Дженнифер глубоко вздохнула. – Десять лет назад я бы сразу согласилась, но сейчас? Дин, я слишком стара для одноразовых связей. Я всякое повидала, и если когда-нибудь буду с мужчиной, то хочу *быть* с мужчиной, понимаешь, о чем я? – Она широко улыбнулась. – Эй, Дин, ты выглядишь так, будто я переехала твоего кота.

Дин тут же попытался стереть с лица выражение, о котором она говорила, хотя понятия не имел, откуда оно взялось.

– Слушай, Дженнифер, мне... Мне жаль, я не...

– О, Дин, не извиняйся! Черт, ты скрасил мне *неделю*. Поверь, я целый год буду рассказывать об этом подружкам. Знаешь, сколько времени прошло с тех пор, когда кто-то хотя бы *наполовину* такой же сексуальный, как ты, западал на мой толстый зад?

– Дженнифер, – сказал Дин. – Из всех слов, какими я мог бы описать твой зад, «толстый» было бы последним.

– Спасибо.

Решив, что терять уже нечего, он добавил:

– И ты права, со мной это был бы секс на одну ночь, может, на две. – Он широко улыбнулся. – Но зато убойный. – И, не дав ей возможности ответить, устремился обратно к столу.

Конечно, она была права: шансов на что-то большее, чем хороший перепихон на сеновале, не было. На собственном примере с Кэсси он понял, что в его жизни просто нет места для длительных отношений. Именно поэтому он направлял свою энергию в основном на молодых девушек, которых интересовал только секс на одну ночь. Он был уверен, что и половина из них не верила в ту чушь, которую он нес, чтобы завязать разговор, – им просто нравилась эта игра.

Как только он сел на место, Сэм обеспокоенно посмотрел на него.

– Чувак, что случилось? Ты выглядишь так, будто кто-то переехал твоего кота.

Дин сделал глоток пива.

Глава 13

Дом Манфреда Афири, Бронкс, Нью-Йорк

19 ноября 2006 года, воскресенье

Это надо остановить. Почему он меня не любит?

Все это началось со странного мужчины, который был очень похож на дядюшку Кэла. Он сказал, что он жнец и должен подготовить ее к загробной жизни.

Но это было неправильно. Если она отправится в загробный мир, значит, ее жизнь закончилась, значит, она умерла, а смириться с этим она не могла. Это было безумием. После всего, через что она прошла, она просто не могла умереть!

Она отказалась. Ни за что на свете она не пойдет с ним, даже если он похож на дядюшку Кэла, который всегда хорошо к ней относился и оставался единственным, кто еще с ней разговаривал после того, как она попала в реабилитационный центр. Все остальные просто *отказались* от нее, ублюдки, но Кэл всегда был с ней, и она полностью ему доверяла.

Она не пойдет с ним, и точка. После случившегося она не смогла оставить все как есть. Она не пойдет с ним. Не смогла. И не пойдет.

Жнец, похожий на дядюшку Кэла, пытался убедить ее, что она ведет себя глупо, что делать ей здесь больше нечего и что она уже никак не может изменить случившееся. Но она отказывалась верить, отказывалась это принимать, отказывалась даже слушать. Она не умерла, не умерла, не умерла, не умерла.

Это надо прекратить. Почему он меня не любит?

Она не просила многого. Когда что-то шло не так, она признавала это и все исправляла. Она вылечилась, насколько *от этого* вообще можно *вылечиться*. Она не пила с тех пор, как вышла из реабилитационного центра, – так что это не могло быть завершением пути, финалом, точкой, концом.

И она просто не могла, не могла, не могла, не могла, не могла умереть *вот так*.

Нужно было действовать.

Сначала она просто ждала, думала, что все пойдет своим чередом.

Но нет.

Манфред каждое утро ходил на работу. Каждую пятницу, субботу и воскресенье ездил в «Парковку сзади», чтобы играть с этой проклятой группой, а потом просто возвращался домой.

Каждый раз, когда он возвращался домой, она надеялась.

Каждый раз, когда он возвращался домой, эти надежды не оправдывались.

Через некоторое время ее терпение лопнуло. Как она могла? Как могла просто сидеть здесь и все *принимать*, просто сидеть, просто находиться, просто *существовать* – ни жива, ни мертва, а *жизнь продолжалась без нее, и всем было плевать!*

В конце концов она не выдержала.

Теперь, когда заканчивалось выступление «Скоттсо», она была здесь. Когда он возвращался из треклятой «Парковки сзади», она снова и снова надеялась, молилась, умоляла, но ничего, ничего, *ничего!*

Это было ужасно. Это было кошмарно. Это было хуже всего на свете. Даже хуже смерти, а по ее мнению, *ничто* не могло быть хуже смерти, – но это почему-то было.

И она задумалась: а может, все-таки стоило тогда послушаться жнеца, как она всегда слушалась дядюшку Кэла, который был на него похож – или это жнец был похож на дядюшку Кэла? Она уже не знала. Ей было все равно. Она просто хотела, чтобы это прекратилось, прекратилось, прекратилось, прекратилось, прекратилось, прекратилось!

А потом стало еще хуже.

Вчера появились какие-то парни, не из «Скоттсо». Два новых человека, и они *выстрелили* в нее!

Это было самое ужасное ощущение в ее жизни. Хуже смерти, хуже реабилитации, хуже понимания, что ничего не изменилось, хуже аллергии на моллюсков, хуже *всего на свете*.

И она заставит их заплатить. О да, она больше не станет терпеть. Все, хватит! Она получит то, чего хочет, и *все* узнают правду!

Как только она соберется с духом.

Это было очень странно. Она увидела двух парней, они выстрелили в нее, а потом...

Ничего.

Пустота. Больше никакой связи с домом Манфреда, никакой связи хоть с чем-то, никакой возможности видеть, слышать, касаться и...

Ну, на самом деле она и так не могла большей части этого, но у нее было *кое-что*. Сознание. Разве нет? Разве жнец, похожий на дядюшку Кэла, мог бы с ней *общаться*, если бы она его не *понимала*?

Но после того как те два парня выстрелили в нее – пфф... Она исчезла.

Нужно собраться с духом. Они придут. Она это *чувствовала*. Сейчас она вообще не могла ничего чувствовать, но *это* чувствовала. Они придут. Они придут. Она должна показать им, что произошло, раньше, чем они снова в нее выстрелят.

И она постаралась сосредоточиться.

Нелегкая задача. Сосредоточиться было сложно даже при жизни, и чем больше времени проходило после ее смерти, тем становилось сложнее. Она понятия не имела, чем в нее выстрелил один из этих парней, но это было похоже на смерть. Вероятно, какой-то яд или типа того.

Яд? Нет, это бред. Она уже мертва. Но это были необычные пули. Или патроны, или чем там еще стреляют из ружья. Что она вообще могла о них знать – она же девушка из Моррис-парка! О ружьях она знала только то, что в старых фильмах с ними ходят парни в ковбойских шляпах.

Дядюшка Кэл всегда показывал ей эти фильмы, когда сидел с ней в детстве. Мама с папой каждую субботу где-то укуривались, а дядюшка Кэл заботился о ней, показывая свои любимые старые фильмы: «Моя дорогая Клементина», «Бедовая Джейн», «Рио Браво», «Хороший, плохой, злой», «Великолепная семерка», «За пригоршню долларов», «Непрощенный», «Тумстоун: Легенда Дикого Запада». Все мужчины там носили шляпы, а женщины – пышные платья, и они были такими классными, ей очень, очень это нравилось.

Они придут.

Это надо остановить. Почему он меня не любит?

Она собрала все силы, какие у нее были, и заставила себя сосредоточиться, когда два подстреливших ее незнакомца вошли в двери.

Вот они, она их видела. Хотя не могла с ними разговаривать. Из-за того, чем они выстрелили в нее прошлой ночью, она не могла говорить, но, черт возьми, могла видеть. И она видела, как они вошли: один высокий, с взлохмаченными волосами, второй пониже, с короткими волосами. Оба с черными браслетами на руках и одеты так неопрятно, как сейчас одевались все двадцатилетние. Проклятье, когда ей было двадцать, она знала, как одеваться *круто*, не то что эти лузеры, которым нравится постгранж.

Она им покажет. Как следует покажет. Сосредоточившись сильнее, чем за всю свою жизнь и смерть, она сконцентрировала все внимание на той дурацкой фотографии наверху лестницы, где были изображены Манфред и его дети. Манфред улыбался своей дурацкой улыбкой, а дети корчили такие рожи, будто готовы были оказаться где угодно, только не с отцом. Зачем Манфред повесил эту фотографию? Это выглядело так жалко. Он их не воспитывал, им было на него плевать, так зачем ему нужна эта фотография?

Фотография слетела со стены и направилась прямо к высокому. К сожалению, он это услышал – а реакция у него была *сногшибательная* – и отбил ее рукой. Все удовольствие испортил.

– Думаю, она злится на тебя, чувак, – сказал тот, что пониже.

– Конечно, злится, – ответил высокий, которого ей почти удалось ударить.

Она попробовала еще раз. Ей хотелось причинить боль этим парням за то, что они с ней сделали.

– Рокси, ты здесь? – вдруг спросил высокий. – Послушай, мы не хотели тебе навредить.

Откуда они знают мое имя?

Да, точно – они не хотели ей навредить. Как ты можешь говорить это с серьезным лицом спустя всего сутки после того, как *выстрелил в меня?*

– Но мы можем передумать, если ты будешь швыряться в нас фотографиями, – добавил тот, что пониже. – Слушай, этот дом принадлежит нашему другу, и...

Но она не обращала на него внимания, потому что старалась сосредоточиться на постере «Филмор-Ист» в металлической рамке. Наконец ей удалось снять его со стены и запустить тому, что пониже, в затылок.

Высокий помог ему подняться, его приятель потрогал затылок и поморщился.

– Ладно... *ой!*

– Ты в порядке, чувак?

– Нет, я ни хрена не в порядке! Какая-то сучка ударила меня в затылок бесценным концертным постером!

Она не удержалась и засмеялась. И смеялась долго и громко. Это было даже смешнее, чем тогда, когда ее брат втянул носом клей, думая, что «нюхать клей» – значит втягивать его носом, как кокаин.

Стены дома дрожали, так сильно она смеялась.

Оба незнакомца подняли ружья, и она сразу замолчала. Она не хотела, чтобы *это* снова с ней произошло, только не сейчас.

Так что она просто исчезла, как делала всегда, когда уходил Манфред. Она даст себе время, *будет терпеливой*, как говорили в реабилитационном центре, а потом, в следующий раз, когда они вернутся из этого дурацкого бара, она покажет им, из чего сделана. Она понятия не имела, когда это произойдет – дни и недели больше ничего для нее не значили. Но она всегда *знала*, когда «Скоттсо» собирались в «Парковке сзади», – так что она просто подождет.

Это надо остановить. Почему он меня не любит?

* * *

Дин взглянул на прибор ЭМП и покачал головой.

– Ничего. Сначала истерический хохот, а потом ничего.

Сэм опустил ружье.

– Странно.

– Ага. И эти два ее броска были довольно слабыми.

– Да. Думаю, она еще не совсем оправилась после каменной соли, – ответил Сэм. Он знал, что привидения по-разному реагируют на соль. Некоторые исчезали всего на несколько минут, а других рассеивало надолго, но такие встречались редко.

– Похоже, она ушла, – сказал Дин. – Можно сказать Манфреду, что здесь безопасно.

– Да. – Сэм вздохнул. – Завтра пороюсь в интернете, а в понедельник схожу в библиотеку – может, найду что-то об этом доме. Значит, мы предполагаем, что это Рокси, из-за футболки с King's Reign...

– Футболка с Queensgÿsche, – поморщившись, прорычал Дин.

– Неважно. – Сэм еле сдерживал смех: он нарочно переврал название группы, чтобы позлить Дина. – Но, может быть, здесь есть и другое привидение, о котором мы не знаем.

Дин с сомнением посмотрел на Сэма.

– Которое выглядит, как бывшая подружка Альдо и фанатеет от Queensrÿche?

Сэму пришлось признать, что брат прав.

– Это, конечно, всего лишь догадка, но группа не то чтобы милая. Не знаю, как ты, но я не уверен, что она отреагировала на свое имя.

– Да, я тоже. Ладно, рассмотрим этот вариант. Что насчет Эдгара По?

Сэм пожал плечами.

– Продолжим искать Артура Гордона Пима. Сделаю завтра пару звонков... А лучше в понедельник, ведь завтра воскресенье. Узнаю, можно ли отследить владельца сервера, на котором расположен сайт. – Его вдруг осенило: – Слушай, а разве Макбейн не говорила, что ее работа связана с поиском пропавших без вести?

Дин напрягся.

– Да, а что?

– Может, попробуем прогнать через нее Рокси?

– Не надо втягивать ее в это, Сэмми.

Сэм вздохнул.

– Да ладно, Дин, думаю, ей можно доверять. Как ты и сказал, она ведь нас не арестовала, и к тому же знает детектива Баллард.

– Как, черт побери, это связано с...

– Если бы не Баллард, мы бы сейчас сидели за решеткой, и ты это знаешь. Она помогла мне выкопать тело, которое нам нужно было найти, застрелила напарника и отпустила нас. Мы доверяли ей, думаю, можем доверять и Макбейн. Кроме того, она из отдела по розыску без вести пропавших и поможет искать пропавших. Так будет легче. – Дин все еще молчал, поэтому Сэм придумал компромисс. – Слушай, нам в любом случае понадобится ее помощь в понедельник, вот тогда и спросим о Рокси.

Дин нахмурился.

– Почему это нам понадобится ее помощь в понедельник?

– Осталось еще два места, чтобы завершить сигил Сэмюэlsa, но мы не знаем, какое из них будет первым. В заметках отца не сказано, в каком порядке нужно рисовать точки. Поэтому если ты не хочешь, чтобы я находился на одной, а ты на другой...

Дин поднял руку.

– Хорошо, мы попросим ее присмотреть за одной из точек, тогда и спросим о Рокси. Доволен?

– Вполне, – усмехнулся Сэм.

– Эй, парни, можно войти? Я тут уже зад отморозил!

Сэм повернулся к входной двери, через которую кричал Манфред. Сегодня было гораздо холоднее, чем прошлой ночью, и у них не было причин не впускать Манфреда в его собственный дом.

– Тут все чисто! – крикнул Сэм.

Глава 14

Угол Уэбстер-авеню и 199-й Восточной улицы, Бронкс, Нью-Йорк

20 ноября 2006 года, понедельник

Дин ненавидел ждать.

Причин, почему он чуть больше года назад отправился в Стэнфорд за Сэмом, было много, но в такие моменты ему нравилось думать, что главная заключалась в том, что Сэмми любил заниматься мелочами.

А последние пару дней пришлось заниматься только ими, и вот теперь они сидят в «Импале» на Уэбстер-авеню и ждут, когда что-нибудь произойдет.

Воскресенье прошло довольно скучно. Сэм оставил голосовые сообщения нескольким людям, и один из них перезвонил утром и сказал, что сайт Аллана По оплачен корпорацией под названием «Пендулум Пит Инкорпорейтед» («О-о, ловко», – пробормотал Дин). Сэму потребовалось некоторое время, чтобы с помощью интернета выяснить, что эта «Пендулум Пит Инкорпорейтед» была независимой корпорацией, которой владел и управлял один человек – Артур Макки.

К сожалению, обнаружил он это уже после захода солнца, а им надо было помешать психу, помешавшемуся на По, – Дин по-прежнему был убежден, что это Пим, Макки или кто-то еще, – снова убить кого-то.

Дин и Сэм вызвались патрулировать угол Уэбстер-авеню и 199-й. На этой огромной территории было полно парковок, магазинов запчастей и автосервисов с трех- и четырехэтажными квартирами над ними.

Макбейн отправилась на Фордем-роуд и бульвар Мартина Лютера Кинга – огромный перекресток с церковью Святого Николая Толентинского, парком Девоу и несколькими многоквартирными домами. На Уэбстер-авеню ночью было очень тихо, а вот на Фордем-роуд едва можно было проехать. Поэтому они все согласились, что двум беглым преступникам лучше отправиться в местечко потише.

Проблема заключалась в том, что следующее убийство могло произойти где угодно, даже в квартире. Дин с Сэмом понимали, что не могут просто бродить тут и осматриваться, ведь здесь в основном живут латиноамериканцы, и братья Винчестеры сильно выделяются на их фоне.

Зато машина выделялась не так сильно. Один из механиков занимался парой винтажных автомобилей, и на парковке ниже по улице, где остановился Дин, стоял «Бьюик» пятидесяти четвертого года.

Обычно «Импала» все-таки привлекала внимание, и Сэм однажды даже совершил ошибку, предложив сменить ее на что-нибудь менее заметное, раз уж они теперь в бегах. Но Дин ясно дал понять, чтобы Сэм даже не заикался об этом. Он скорее даст отрезать себе левое яичко, чем откажется от «Импалы».

Их третья (и, даст бог, последняя) вылазка в «Парковку сзади» прошлым вечером никак не прояснила картину. Они исчерпали все предлоги завязать разговор о Рокси, да и, кроме того, видимо, они уже вытянули всю имеющуюся информацию. Рокси была просто одной из длинной вереницы девушек, которых эти парни годами трахали, а потом бросали. И Дин был убежден, что половина рассказанных про Рокси историй на самом деле относилась к каким-то другим девчонкам.

В довершение всего, в воскресенье вечером Дженнифер не работала, а все остальные женщины в «Парковке сзади» пришли с кем-то или просто были не в его вкусе. Он надеялся, что Дженнифер хотя бы позвонит – он дал ей номер своего телефона, прежде чем ушел в субботу вечером, – но она до сих пор не позвонила.

Утром Дин даже не включал горячую воду в душе.

Рокси повторила субботний вечер: хохотала, трясла дом, грохотала, вертелась, а потом исчезла. Сэм и Дин решили, что она еще не пришла в себя после рассеивания, но в следующую пятницу, скорее всего, вернется в полном энергично-криво-летающем режиме.

Еще Сэм нашел какие-то легенды о призраках Нью-Йорка, большинство из которых оказались знаменитостями: Теодор Рузвельт частенько бродил по старым полицейским участкам в образе комиссара полиции Нью-Йорка (эту должность он занимал до того, как стал президентом); Марк Твен посещал дом на 10-й Восточной улице, где когда-то жил; Александр Гамильтон рыскал по Джейн-стрит – в этом районе он погиб на дуэли с вице-президентом Аароном Бёрром; привидение самого Аарона Бёрра обитало в ресторане на Бэрроу-стрит, который построили на месте бывшей гостиницы, где Бёрр когда-то жил; и, конечно же, Джон Леннон в доме «Дакота», где его убили. Сэм предположил – и Дин согласился, – что большая часть этих рассказов – вранье. Но о Ривердейле не было вообще ничего – ни о доме, ни о женщинах в футболках с рок-группами, которые требуют любви.

Сэм рылся в интернете, а Дин, за неимением других занятий, еще почитал о Персивале Сэмюэлсе. Приходилось признать, что как мошенник этот сукин сын был хорош. Он устроил для своих клиентов замечательное шоу, которое прошло по высшему разряду, и те заплатили бешеные деньги. Хотя, если вдуматься, это шоу было полной чепухой. Даже Дин знал, что Геката, Осирис и Морриган были богами из трех разных пантеонов (греческого, египетского и кельтского), а Локи – из четвертого (скандинавского) – не являлся богом любви и искупления. Но для деревенщин, которые в этом не разбирались, это, видимо, звучало круто. Так же, как и медиум, который выступал поздно вечером по телевизору, выглядел крутым для тех, кто не замечал трюков и вопросов с подвохом.

Он в тысячный раз бросил тоскливый взгляд на радио – он нашел неплохую местную станцию, передававшую классический рок, но понимал, что громкая музыка сейчас будет не к месту. Наушники – не вариант, ему нужно было слышать, что происходит вокруг: вдруг что-нибудь случится и Сэм позовет на помощь, или отзовется демон, или еще какая хренотень.

Поэтому он сидел в тишине и ждал. А Дин *ненавидел* ждать.

Наконец из одного из домов вышел Сэм, огляделся, увидел двух человек, идущих на север по Уэбстер, и, опустив голову, медленно побрел к ним.

Эти двое разговаривали, у каждого в ухе было по наушнику от одного айпода. Они даже не заметили Сэма, но он все равно дождался, когда они свернут на Бедфорд-парк-бульвар, и только потом остановился, развернулся и перебежал дорогу к «Импале».

– Ничего, – сказал он, плюхнувшись на пассажирское сиденье и захлопнув дверь. – Я проверил оба дома. Осталось еще одно место чуть дальше магазина запчастей.

– А что насчет самого магазина? – спросил Дин.

– Во времена Эдгара По машин еще не было. Если нашему психу нужно установить эмоциональную связь с жизнью или произведениями По, то это произойдет в одной из квартир.

– Про пешеходную дорожку возле университетского кампуса в рассказах По ничего нет, так?

Сэм нахмурился, и Дин повернулся к брату.

– Тот случай с орангутангом произошел на улице, а в книге дело было в квартире, верно? – сказал он.

– Да.

– Очевидно, наш псих позволяет себе отойти от сюжета. Черт, нам известно только, что в том гараже был огромный маятник.

Сэм потер подбородок – он всегда так делал, когда хотел, чтобы Дин считал, что он думает. Но Дин на это не велся, потому что знал: Сэм думает всегда. А так он просто пытается выиграть время.

– Хорошо, тогда почему бы тебе не проверить гаражи? А я займусь последним домом. Дин уставился на него и спросил:

– В чем дело?

– Ничего. Просто удивлен, что твой план не отстойный, – ответил Сэм.

– Ха-ха. – Дин вылез из машины, и Сэм последовал его примеру.

Обнаружив, что все двери заперты, Дин подбежал к гаражу с большой желтой вывеской «Мастерская Мэнни» на углу 199-й, а Сэм зашел за угол – вход к квартирам над автомастерской находился на улице, перпендикулярной Уэбстер. Дин предположил, что Сэм дождется, когда кто-то выйдет, притворится жильцом и войдет в открытую дверь или просто позвонит в звонок и скажет: «Я ваш сосед, забыл ключи». Домофоны тут были такими дерьмовыми, что Сэму удастся провернуть это без особого труда. К тому же на него работает крайне важный фактор – люди ему доверяют, и это еще одна причина, почему Дину нравилось охотиться с братом.

По-видимому, днем «Мастерская Мэнни» была открыта, чтобы клиенты могли заехать внутрь. Но сейчас металлическая гаражная дверь шириной в три машины была закрыта, а поперек висела цепь, закрепленная на толстых металлических болтах. Посмотрев наверх, Дин увидел, что дверь поднимается и опускается автоматически, значит, чтобы открыть ее – даже если удастся вскрыть замок, висевший на цепи, – нужен пульт. Оглядевшись в тусклом свете фонаря в нескольких шагах от него – рядом стоял еще один фонарь, но он не горел, – Дин заметил, что цепь закрыта на новый специальный замок, который взломать будет куда сложнее. В нормальных условиях, при хорошем освещении, у него на это ушло бы минут пятнадцать – вместо обычных двух. Он мог бы это сделать, но однажды это уже закончилось вызовом копов, а дверь этого гаража была гораздо заметнее боковой двери в том доме. К тому же придется вскрывать не один, а два замка, а на это уйдет вечность. Не стоило так рисковать.

И тут он заметил в гаражной двери небольшую дверцу со стандартным замком, который он сможет вскрыть за полсекунды.

Дина всегда поражала глупость некоторых людей. Они тратят тысячи долларов на сигнализацию, но никогда не меняют установленный компанией код. Или еще лучше – выбирают самую очевидную комбинацию – свой день рождения или номер дома. Или устанавливают четыре замка на двери, но оставляют окно настежь, потому что слишком жарко. Люди гораздо лучше создают иллюзию безопасности, чем саму безопасность.

И владельцы этого гаража не были исключением. Заглянув в очень маленькое и очень грязное окно на гаражной двери, Дин разглядел несколько машин с большими замками, которые защищали их от угона. Но с такой дверью и дерьмовым замком на ней предприимчивый вор мог легко забраться внутрь и прихватить запчасти, выставленные на продажу.

Порывшись в кармане джинсов, он достал отмычку, и через несколько секунд небольшая дверца открылась.

В этот момент раздался громкий сигнал – настолько громкий, что у Дина завибрировали барабанные перепонки.

Быстро осмотревшись, он заметил панель сигнализации, подбежал к ней, по типу модели выяснил, что требовался всего лишь трехзначный код, и ввел номер поперечной улицы: 199.

Сигнал прекратился, как только он нажал кнопку ввода. *Аплодисменты глупцам!*

Когда сигнализация замолчала, он вернулся к двери и закрыл ее. *Не стоит извещать всех о взломе.* Единственным копом, с которым ему хотелось столкнуться во время этой вылазки, была Макбейн.

Дин решил оставить что-нибудь на память о своем визите, просто чтобы сообщить Мэнни и его работникам, что их система безопасности хромает. Когда ему было лет одиннадцать, он разыскивал машины со знаками «В машине нет радио». Тогда он брал популярный в то время переносной радиоприемник, привязывал к нему записку «Теперь оно у вас есть» и со

всей силы бросал в окно машины. Они действительно думали, что эта наклейка остановит злоумышленников от взлома?

– Ох, египетская сила! – крикнул кто-то из служебного помещения, когда что-то металлическое упало на пол.

Дин выпучил глаза. *Египетская сила?*

Он медленно достал из-за пояса пистолет и двинулся в сторону служебного помещения. Пробираясь мимо двух «Джео Метро» и «Приуса», он завистливо посмотрел на «Приус» – не из-за элегантности автомобиля, его зад был по-настоящему уродлив, а из-за расхода топлива этого гибрида. У «Импалы» было много хороших качеств, но она жрала бензин, как сволочь, а галлон стоил два-три бакса, и прокормить ее было сложно.

Пройдя мимо «Приуса», он увидел мелькающий в служебном помещении луч фонарика. Дверь, на заляпанном стекле которой были наклеены выпцветшие золотистые буквы «Офис», была закрыта.

Дин медленно подошел к ней и увидел невысокого мужчину с лысиной, окруженной тонкими каштановыми волосами. Мужчина сидел на коленях спиной к нему, но кроме этого Дину также удалось рассмотреть, что мужчина сыпал какую-то пыль на красный восточный ковер. Одет он был в коричневый костюм из полиэстера, который подошел бы продавцу подержанных машин или игроку в гольф.

Мужчина что-то бормотал себе под нос. Дин не распознал в его действиях чего-либо похожего на ритуал Сэмюэlsa, но это еще ничего не означало.

Распахнув дверь ногой, Дин снял пистолет с предохранителя и пригрозил:

– Ни с места.

К его чести, мужчина в уродливом костюме немедленно замолчал и поднял руки в грязных латексных перчатках.

– Пожалуйста, очень важно, чтобы вы меня выслушали. Я понимаю, что незаконно вломился к вам, но если вы не позволите мне завершить этот ритуал, то кто-то умрет. Здесь сумасшедший, который убивает людей, чтобы воскресить мертвого, и я должен остановить его, пока он еще кого-то не убил!

Дин нахмурился – этого он не ожидал.

А потом мужчина повернулся, и Дин узнал большой нос, маленькие глазки и раздвоенный подбородок, которые видел на сайте про Эдгара По.

– Вы Артур Гордон Пим.

Глаза-бусинки расширились, насколько могли.

– Боюсь, у вас передо мной преимущество, сэр, только если вы не Мэнни, чье имя указано на той табличке...

– Помолчи секунду, ладно, Арти? И да, у меня преимущество, потому что я с пистолетом. А еще я знаю, что твое настоящее имя Артур Макки, ты живешь в Бронксе, тебе принадлежит «Пендулум Пит Инкорпорейтед» и ты пытаешься воскресить Эдгара По. Так что даже не думай вешать мне лапшу на уши, о'кей?

Макки очень медленно поднялся с пола, стараясь не делать резких движений, и сказал:

– Уверяю вас, сэр, я никого не собираюсь воскрешать. Эдгар Аллан По мертв, и пусть оно так и остается. Я видел воскрешенных мертвецов, и они... – Макки вздрогнул, – ...довольно беспокойные.

Вспомнив девушку-зомби, которая сломала Сэму руку, Дин согласился, но еще не был готов поверить этому типу.

– Откуда ты знаешь про заклинание воскрешения?

– Я нашел его в библиотеке Фордемского университета. И мне очень интересно, откуда вы о нем узнали. И кто вы вообще такой.

– Ну, продолжай размышлять, потому что пистолет все еще у меня и...

Из кармана Дина донеслась мелодия «Smoke on the Water». Прекратилась, а потом снова заиграла.

Держа пистолет в одной руке, другой он залез в карман и открыл телефон: два пропущенных от Сэма, что означало одно из двух: либо здесь паршивый прием, либо Сэм попал в беду и ему нужна помощь, но говорить по телефону он не может.

Немного подумав, Дин махнул пистолетом.

– Вставай, Арти, ты идешь со мной.

– Пожалуйста, сэр, мне нужно найти убийцу, пока...

– Если эти звонки означают то, что я думаю, мой брат уже нашел убийцу.

Макки сжал тонкие губы так, что они почти исчезли.

– Ваш брат?

Схватив Макки за лацканы уродливого пиджака, Дин вытащил его из офиса.

– Просто шевели задом, Арти.

Дин потащил Макки за собой через весь гараж обратно к выходу.

– Сэр, я протестую против подобного обращения! Если ваш брат – кем бы он ни был и кем бы ни были *вы* – нашел убийцу, я буду рад пойти с вами и помочь, чем смогу, но...

Дин остановился, повернулся и сунул дуло пистолета под подбородок Макки.

– Ты *когда-нибудь* заткнешься?

Макки сглотнул, его кадык перекатился по дулу.

Дин со стоном опустил пистолет, поставил на предохранитель и сунул обратно за пояс, а потом вышел на улицу. Вот еще одна причина, по которой следовало избегать внимания со стороны полиции Нью-Йорка: законы о ношении оружия здесь были очень жесткими. Конечно, по сравнению с обвинением в убийстве это должно волновать его меньше всего, но обычно такие вещи привлекают внимание.

Они быстро завернули за угол и подошли к входной двери, в которую предположительно вошел Сэм.

Если Дина и волновало, как они с Макки туда попадут, то этот вопрос отпал сам собой, когда они увидели Сэма, подпиравшего дверь ногой. Он не двигался, но Дин слышал чей-то голос.

Он посмотрел на Макки и прижал палец к губам. Макки кивнул, отступил за его спину, и они вместе быстро поднялись по лестнице к входной двери. Дин достал пистолет. *К черту законы, если кто-то напал на моего брата.*

Сэм стоял с поднятыми руками, держа телефон в левой руке – должно быть, именно так он подал сигнал Дину. Он заговорил:

– Слушайте, я понимаю, через что вам приходится пройти, но...

– А я говорю, что это *неправильно* – то, что *правые* делают с этой страной, это *неправильно*, а *правые* должны знать, что *правильно*, потому что это *неправильно*, понимаешь? А?

– Конечно, понимаю. А теперь, пожалуйста, сэр, опустите пистолет.

Черт. Судя по всему, какой-то псих с пистолетом не принял свои лекарства и сорвался на Сэма. Но у них совсем нет времени на эту хрень.

Дин подошел к Сэму и встал рядом. Он увидел лысого негра в майке и трусах, который так быстро размахивал револьвером, что Дин даже не мог понять, заряжен он или нет. И ему совершенно не хотелось проверять это. Мужчина расхаживал по узкому коридору рядом с приоткрытой металлической дверью.

– Сэм? – сказал Дин, целясь в гладкую голову спящего мужчины.

– Кто это? Еще один? Из правительства? Я больше ничего не хочу слышать от вас, белых парней, с вашими таблетками, правительством, докторами и всякой херней! Я смыл пилюли в унитаз, пусть достанутся крокодилам, вот так. Не говорите, что мне нужны таблетки! Они мне не нужны!

– Сэр, – произнес Сэм своим самым спокойным голосом. – Уверю вас, мы не из правительства. Мы пытаемся остановить убийцу и...

– Так вы что, копы? Не люблю копов! Они отвезут меня в больницу и дадут таблетки. Я этого не потерплю, ясно?

– Нет, сэр, мы частные детективы. Нас наняли, чтобы найти убийцу, потому что копы с этим не справились.

– Чертовски верно, копы с этим не справятся! Ни один коп ни в одном городе ничего ни о чем не знает.

– Но, сэр, – продолжил Сэм, – мы не сможем поймать убийцу, пока вы не позволите нам с напарником пройти.

Дин поморщился. Сэм еще не видел Макки, и он надеялся, что этот парень не слетит с катушек, когда узнает, что у Сэма *два* напарника.

– Вы могли бы помочь, – сказал Сэм. – Поможете нам – станете героем.

Негр наконец перестал метаться по коридору, и Дину удалось его рассмотреть.

– Героем? Как Супермен?

– Именно, сэр, как Супермен. Вы остановите ужасного убийцу и появитесь в газетах и на телевидении.

– Это было бы здорово. Мне нравится телевидение. Кроме новостей, мне ничего не нравится, но Опра крутая. Она знает, что *происходит*, знает, что *правильно*, не то что *правые*, которые не знают, что *правильно*.

– Сэр, вы можете сказать мне, есть ли в этом доме нежилые квартиры?

Дин посмотрел на брата, удивляясь тому, что Сэм ожидал прямого ответа от этого тупицы.

– Говорят, что есть нежилые, но врут. Я знаю, что здесь творится. Говорят, в квартире 2В никто не живет, но я знаю, что они планируют, замышляют что-то, делают всякие вещи, говорю вам, это *неправильно* – то, что делают *правые*, и они делают это в 2В, это точно, гарантирую!

– Хорошо, спасибо, сэр. – Сэм опустил руки. – Мы проверим эту квартиру, ладно?

– *Правые неправы*, понимаете?

– Понимаю, сэр, – ответил Сэм. – Вот поэтому мы и должны их остановить.

– И скажите этим людям из новостей, что Омар вам помог. Без фамилии, потому что она рабская – мне дали ее *правые*, а они не имеют *права* поступать так с моими *правами*, понимаете?

– Безусловно, Омар. Мы скажем людям из новостей, что вы помогли нам поймать убийцу, которого не поймали копы.

Омар закивал так быстро, что Дин подумал: сейчас у него отвалится голова.

– Чертовски верно! Проклятые копы. Черт подери, эти гребаные копы ни хрена не нашли.

– Спасибо, Омар. Мы очень признательны.

– Да ладно, брат! Поймайте этого убийцу и покажите *правым*, что они не имеют *права* давать таблетки тем, кому они не нужны.

Сэм быстро кивнул.

– Хорошо.

– Хорошо. – Омар прошел в металлическую дверь и захлопнул ее.

Дин выдохнул и понял, что все это время не дышал.

– Ну, было весело.

– Надо поторопиться, – сказал Макки.

Сэм обернулся и посмотрел на крыльцо, где стоял Макки, надевавший новую пару латексных перчаток.

– Вы Артур Гордон Пим.

– Кажется, я знаменит, – произнес тот сухо. – Да, я Пим. Нельзя тратить время впустую, надо поймать убийцу.

– Он не убийца? – спросил Сэм, взглянув на Дина.

Тот пожал плечами.

– Я застал его в офисе автомастерской, он пытался совершить там какой-то ритуал.

– Я хотел определить места силы этого заклинания.

– Это не заклинание, Арти, – уточнил Дин.

Макки вздрогнул, будто Дин его ударил.

– Простите?

– Мистер Пим, мы уверены, что заклинание фальшивое. Так что если вы пытались сделать заклинание поиска, оно бы не сработало. Мы думаем, в нем нет магии, – пояснил Сэм.

– Я бы очень хотел поверить двум парням, которых впервые вижу, но я предпочитаю доверять своим проверенным методам, а не бредням юнцов.

– Эй, Арти, пушка все еще у меня, – сказал Дин, поднимая пистолет.

– Идем наверх, – предложил Сэм, нервно осматриваясь. – Пока нас еще кто-нибудь не заметил.

Они вошли в узкий пыльный и грязный коридор, и Дину показалось, что он попал во времена президента Рейгана.

– Кстати, откуда появился этот Омар? – спросил Дин.

Сэм пожал плечами.

– Он просто выбежал в коридор, размахивая пистолетом и что-то бормоча, как псих. Я не был уверен, что мне удастся успокоить его, поэтому вызвал тебя.

В конце коридора находилась крытая и узкая лестница. Дину стало любопытно, как же здесь таскают мебель.

В коридоре чувствовался слабый запах мочи. Как только они поднялись наверх, Дин первым подошел к двери с блестящим номером «2В». Наверное, в квартире никто не жил и ее показывали покупателям. Хозяин постарался, чтобы она выглядела хорошо: номер был только на этой двери.

И вдруг они услышали скрип.

Дин повернулся, чтобы подать сигнал Сэму, но Макки оттолкнул его с криком:

– Мы должны попасть туда *немедленно!*

«В следующий раз кричи громче, придурок, а то в Нью-Джерси тебя не слышно», – сердито подумал Дин, когда Макки схватился за ручку и распахнул дверь.

Дин снова отчетливо услышал скрип. Квартира была совершенно пустой, на полу лежал новый блестящий паркет, и Дин решил, что это он и скрипел. *В рассказах Эдгара По было что-нибудь насчет спрятанного в полу трупа?*

Макки вбежал внутрь, споткнулся и упал. Кто-то предусмотрительно установил растяжку почти у самой двери.

Дин и Сэм перепрыгнули через растяжку и ворвались в соседнюю комнату, откуда доносился звук. Точнее, попытались перепрыгнуть. Когда Сэм переступал через Макки, тот стал подниматься и подсек Сэма. Оба рухнули на пол, образовав кучу джинсы и полиэстера. Дин перешагнул через них, а Сэм пытался выбраться из-под Макки.

– Стоять! – крикнул Дин, вбежав в комнату с пистолетом наготове. Но увидел только ноги, исчезающие на пожарной лестнице за окном. От запаха гнилого мяса волосы в носу Дина встали дыбом.

Он бросился к окну, крикнув Сэму на бегу:

– Останься с этим кретином! – имея в виду Макки, который ввалился в комнату, пытаясь отряхнуть костюм. Еще Дин заметил несколько вскрытых досок и обломки стеблей полыни.

Он вылез в окно.

Как, черт возьми, мы это упустили? Если он правильно помнил, в рассказе Эдгара По жертву убили, разрезали на куски и похоронили под настилом. Это было описано в рассказе «Сердце-обличитель», одной из лучших – и коротких – историй По. Выходит, их плохой парень, за которым они гоняются, по-тихому совершил еще одно убийство?

Но этот вопрос может подождать. Сейчас нужно поймать ублюдка. Темная фигура уже бежала по тротуару 199-й Восточной улицы. Дин протиснулся в небольшое отверстие и оказался снаружи на металлической лестнице.

Когда его ноги коснулись асфальта, он увидел, что его жертва добежала до следующей улицы, Декатур-авеню, и свернула налево. Дин погнался за ним, наслаждаясь движением после того, как столько времени просидел неподвижно. Взяв по холму на следующую улицу, он придумывал разные способы надрать этому парню зад, особенно после того, как тот совершил очередное убийство прямо у них под носом.

Как только он добрался до пересечения 199-й и Декатур, его лицо осветили фары. Прикрыв рукой глаза, Дин поднял пистолет, но машина, ослепившая его фарами, мчалась по Декатур в его сторону.

Когда машина пронеслась мимо, Дин увидел, что на улице никого нет. Из-за темноты – было новолуние, а фонарей в округе не хватало, – он смог разглядеть только, что это был темный седан.

– Проклятье! – крикнул он, не заботясь о том, что кто-то может его увидеть.

Дин вернулся к зданию и поднялся по пожарной лестнице. Если войти через дверь, можно снова нарваться на Омара, а он не был уверен, что в теперешнем состоянии не пристрелит его.

Конечно, Арти Макки – другая история.

Забравшись в окно, Дин опередил Сэма словами:

– Я упустил его.

– Ёлки-моталки, – выругался Макки.

Сэм посмотрел на него.

– Я думал, так только в комиксах говорят.

Макки пожал плечами.

– У меня двое детей, так что я стараюсь следить за языком. Жаль, что вам не удалось поймать убийцу.

– Да, – сказал Дин, не спеша убирать пистолет. – Если бы ты, Арти, не вел себя как дилетант, мы бы поймали этого ублюдка.

Макки опять выглядел так, словно его ударили. А Дину больше всего на свете именно это и хотелось сделать.

– Простите...

– Проси прощения сколько влезет, но ты его не получишь. Мы бы поймали его, если бы не споткнулись об тебя и не наделали столько шума. А теперь кто-то умер. – Дин поднял пистолет и направил его на Макки. – Есть хоть одна причина, по которой я не должен убивать тебя, Арти?

Высокий лоб Макки заблестел от пота.

– Послушайте, это не моя вина...

– Дин, – твердо произнес Сэм.

– Что?

– Мы все равно не могли никого спасти.

– Какого черта...

– Этим останкам несколько дней.

Макки посмотрел на Сэма.

– Что?

Дин опустил пистолет и сунул за пояс, чувствуя, как металл холодит поясницу. Он посмотрел на вскрытые половицы. Тухлятиной пахло так, что он был вынужден отвернуться, но все равно успел заметить куски разлагающегося тела.

– Вы правы, – сказал Макки. – Этот несчастный убит несколько дней назад. – Он покачал головой. – Но что все это значит? Полынь свежая, к тому же сегодня новолуние. В чем тут смысл?..

Сэм вдруг оживился, у него над головой как будто вспыхнула лампочка.

– Смысл есть. Еще как есть.

– Каким образом? – спросил Дин. – Парень за кирпичной стеной был убит в полнолуние, а студенты погибли в последнюю четверть, верно?

Сэм покачал головой и, энергично жестикулируя, стал объяснять:

– В двух предыдущих убийствах и в рассказах, которые послужили для них сценарием, смерть была апофеозом – в «Убийстве на улице Морг» людей убивает орангутанг, в «Бочонке амонтильядо» Фортунато замуровывают в стене. Но вот в рассказе «Сердце-обличитель»...

– Ну конечно! – воскликнул Макки. – Кульминация наступает не тогда, когда убивают старика, а когда убийца вскрывает пол, чтобы показать расчлененный труп!

Кивнув Макки, Сэм посмотрел на Дина.

– Вот что он воссоздавал.

– Кем бы он ни был. – Дин недовольно посмотрел на Макки. – Из-за тебя мы никогда...

Макки поднял руки в перчатках.

– Ладно, перестаньте! Я даже не знаю, кто вы такие, и...

– Я Сэм Винчестер, а это мой брат, Дин.

Дин сердито посмотрел на брата. Он вовсе не собирался что-либо рассказывать этому тупице.

Но тут Макки открыл рот.

– Святые угодники, вы братья Винчестер? Для меня честь познакомиться с вами! Я так много о вас слышал и, конечно же, встречал вашего отца. Станный он человек. – Братья переглянулись. Почему-то это не стало для них сюрпризом. – Я слышал о вас только хорошее, и сегодняшний вечер, кажется, это подтверждает. Особенно учитывая, как легко вы застали меня врасплох. – Макки хлопнул в ладоши, его руки, обтянутые латексом, издали странный звук. – Жаль, что вы не сказали этого раньше. Я бы с радостью передал дело таким опытным охотникам, как вы. Боюсь, я больше исследователь, чем боец, но когда я обнаружил все эти убийства по сюжетам Эдгара По, мне пришлось действовать. Все-таки это мое призвание. Да и полиция вряд ли бы мне поверила.

Дин демонстративно проигнорировал *я-же-тебе-говорил* взгляд Сэма.

– И вы утверждаете, что заклинание фальшивое?

– Да, – ответил Дин. – Сэмюэлс был мошенником. Только глупые и наивные люди поверили ему, – язвительно добавил он.

Сэм достал смартфон.

– Кому ты звонишь? – спросил Дин.

– Макбейн. Ей больше незачем сидеть в засаде.

– Вы знаете детектива Макбейн? – спросил Макки.

– Да, – ответил Сэм. – Она проверяет угол Фордем-роуд и...

– Возле церкви Святого Николая Толентинского? – засмеялся Макки. Его смех был похож на писк умирающей белки. Или на пение Манфреда Афири. – Не говорите глупостей. Сигил на этом перекрестке последний. Если начертить его в неправильном порядке, воскрешение не состоится.

– Оно и так не состоится, – процедил Дин сквозь зубы.

– Этого нет ни в одном из наших документов, – добавил Сэм, а потом произнес в телефон: – Детектив Макбейн? Сэм Винчестер. У меня для вас новости – хорошая и плохая.

Пока Сэм рассказывал все Макбейн, Дин снова посмотрел на вскрытые половицы. Затем подошел к окну и достал из кармана платок.

– Арти, помоги мне.

– Что вы собираетесь... о, понятно, стереть отпечатки пальцев! Знаете, для того, кто называл меня дилетантом, удивительно не соблюдать элементарных мер предосторожности и не надеть перчатки.

Дин усердно тер подоконник, игнорируя колкости Макки. Он ненавидел резиновые перчатки, которые всерьез мешали ему пользоваться пистолетом. Протерев подоконник, он, вероятно, избавился и от отпечатков убийцы, но это не страшно.

– Эй, Арти, ты сказал, у тебя есть дети? – спросил он, продолжая тереть.

– Да. Это одна из причин, почему я не высываюсь. Не могу оставить детей без отца.

Дину каким-то чудом удалось не среагировать. Когда Макки упомянул об их отце, он говорил в настоящем времени, а значит, не знал о его смерти. И Дин не собирался сейчас рассказывать ему об этом. Вообще-то он по-прежнему считал, что выстрелить этому прохвосту в голову – неплохой вариант.

Сэм убрал смартфон.

– Макбейн велела ехать к ней.

– Зачем? – спросил Дин.

– Чтобы обдумать следующий шаг.

Дин взвился.

– О, Сэмми, перестань! Мало того что у нас здесь «Театр шедевров», так будет еще и «Коп, который пришел на ужин»?

В ответ он получил от Сэма фирменный взгляд возмущенного непонимания.

– Ладно, черт возьми, – махнув рукой, сказал Дин.

Ему не нравилось, что их компания разрасталась. Каждый раз, когда добавлялся кто-то еще, это плохо заканчивалось: Джо в Филадельфии; Гордон, охотник на вампиров, в Монтане; черт, даже когда они объединились с отцом, все пошло наперекосяк.

Но Сэм стремился всех превратить в союзников, поэтому Дин просто оставил все как есть.

Когда Макки закрыл дверь в квартиру, так как перчатки были только у него, они спустились и поехали – Сэм с Дином на «Импале», Макки на побитом старом «Сивике» – к перекрестку Фордем-роуд и бульвара Мартина Лютера Кинга. Сэм нашел место для парковки на Фордем. Макбейн ждала их у ворот в парк, которые в столь поздний час были закрыты. На этот раз она была не в симпатичном костюме, а в обтягивающей толстовке колледжа уголовного права имени Джона Джея, синих джинсах и шерстяном пальто, которое скрывало наплечную кобуру.

Фордем-роуд была главной артерией города, перекресток был широким, и даже сейчас здесь было много машин. На одном углу возвышалась огромная серая церковь с двумя башенками, табличка перед ней возвещала о столетии церкви в этом году.

– *Пожалуйста*, скажите, что вы ликвидировали все ваши следы, – без предисловий сказала Макбейн.

– Мы ничего не трогали и не заляпали кровью, – сказал Сэм, поднимая руки.

– Кроме подоконника, – уточнил Дин. – Но я его протер.

– А я был в перчатках, – добавил Макки.

Только тогда Макбейн его заметила.

– Артур, какого черта ты здесь делаешь?

– Вы его знаете? – спросил Дин.

– Он и втянул меня в эту хрень. – Она мрачно на него посмотрела. – И сказал, что сам не собирается в это лезть.

Макки поскреб ногой асфальт.

– Да, но я не мог просто сидеть сложа руки.

– Вообще-то мог.

Дин невольно расплылся в улыбке, увидев, как Макки съежился. Но улыбка очень быстро исчезла при мысли, как они облажались.

– Слушайте, мы остались ни с чем. До первой четверти восемь проклятых дней, а у нас ничего нет.

– Если вы не слишком заляпали место преступления, тогда я вызову подкрепление. Может, в лаборатории что-то найдут. – Макбейн вздохнула. – Хотя я бы на это не рассчитывала. Они будут это разгребать до следующего года. Они шустро отработали только на месте преступления, где убили студентов, потому что на нас давил университет. Да и то ничего не нашли. Нет ничего хуже преступления, совершенного на улице в ветреную ночь. Но с Рейесом и тем, кого вы нашли... на это уйдут недели.

– И у нас опять ничего нет, – усмехнулся Дин.

– Да, косматый, у нас ничего нет. Доволен?

– Не очень. Единственное, что мы знаем наверняка, – последняя часть заклинания будет произнесена в следующий вторник где-то на этом перекрестке, – он указал на дорогу за своей спиной, – но мы не знаем, кто это сделает. Черт, до сегодняшней ночи я делал ставку на этого парня. – Он кивнул на Макки.

– Большое спасибо, – пробормотал тот.

Макбейн покачала головой.

– Я сразу могла сказать, что он не имеет отношения к этому делу. Я его знаю уже много лет.

– Да, а я две с половиной секунды, – сказал Дин, – и до сих пор не уверен, что он не заодно с нашим убийцей.

– Я пытался помочь! – пискнул Макки.

– И в основном путался под ногами, – заметил Сэм. – Извините, мистер Макки, но вы идеально подходите. Одержимы Эдгаром По...

– Я не *одержим*. Я довольно долго изучал его жизнь, но это не делает из меня убийцу. Или вы подозреваете каждого профессора, который знает о жизни По чуть больше, чем пишут в интернете? – Он покачал головой. – На самом деле один из них писал мне, говорил, что все это совпадение.

Эти слова привлекли внимание Дина.

– Кто это был?

– Кто-то из Фордемского университета, специалист по литературе девятнадцатого века. Смешно, ведь именно в одной из его работ я нашел информацию о Персивале Сэмюэлсе, хотя упоминался он там как один из множества медиумов.

Дин взглянул на Сэма.

– Кажется, нам стоит кое с кем пообщаться.

Макбейн посмотрела на них.

– Вы что, просто зайдете в кампус и поговорите с этим парнем?

– Э-э, его зовут доктор Росс Винсент, – тихо сказал Макки.

– Отлично. – Дин пожал плечами. – Скажем, что мы из журнала «Исследование жизни Эдгара По» или что-то в этом роде.

– Ребята, вы в этом профаны, да? – закатив глаза, спросила Макбейн.

– Что не так? – спросил Сэм.

– Он профессор, тупицы, и знает *все* журналы.

– Тогда скажем, что мы копы, – сказал Дин.

Макбейн расхохоталась.

– Вы двое – копы. Ну конечно. Скажи, косматый, как так получилось, что вас еще не убили?

– Мы все делаем на *отлично*, спасибо, – ошетинившись, сказал Дин. – И жаль...

Сэм прервал его, и это было хорошо, так как Макбейн тоже была вооружена, и ее пистолет был в наплечной кобуре, а не засунут за пояс, так что она могла достать его гораздо быстрее, чем Дин.

– Обычно мы сваливаем быстрее, чем люди успевают проверить наши документы. – Сэм улыбнулся. – Или к тому времени, как они додумываются это сделать, все уже настолько плохо, что они стремятся заручиться нашей помощью, а не выяснять, кто мы такие.

– Ну что ж, – сказала Макбейн, покачав головой, – вам везет. Но везение всегда быстро проходит. Это первое, в чем убеждаешься на этой работе.

– Вы имеете в виду работу охотника или копа? – нахмурившись, спросил Сэм.

Макбейн внимательно посмотрела на Сэма огромными карими глазами.

– И то, и другое.

На мгновение наступила тишина, а потом Макки сказал:

– Уже поздно, жена начнет волноваться. Я вам больше не нужен?

– Просто держись от нас подальше. Хорошо, Арти? – произнес Дин.

Макки скривил тонкие губы.

– Да, пожалуй, для одной ночи впечатлений достаточно. С радостью предоставляю это дело вам. Уверен, в отличие от вашего отца вы двое хорошо справитесь.

Дин опешил.

– Какого черта это значит?

– Я имею в виду, что вы работаете куда лучше, чем ваш отец, – подойдя к своей машине, сказал Макки. – Полагаю, это должно обнадеживать: приятно видеть, что следующее поколение совершенствуется. – С этими словами он сел в машину и поехал по крутому холму, в который переходила Фордем-роуд, в сторону Мэйджор-Диган-экспрессвэй.

Дин понятия не имел, как к этому относиться. Он не впервые узнал, что у них с Сэмом есть определенная репутация. Гордон в Монтане тоже об этом упоминал, но все равно это вводило его в ступор. Черт, он до сих пор не мог свыкнуться с мыслью, что существует целое сообщество охотников, о котором они не знали. Братья всегда думали, что те немногие, с кем их познакомил отец, – пастор Джим, Калев, Бобби – были единственными, кто сражался с демонами.

Но узнать, что репутация у них *лучше*, чем у отца? Это в голове не укладывалось. Несмотря на все его недостатки, отец был мастером.

Разве не так?

Сэм сказал что-то Макбейн, и это вернуло Дина в настоящее – он спрашивал о Рокси.

– Нет, навскидку не припомню, но проверю в базе, когда в среду выйду на работу, – прищурившись, сказала Макбейн.

– В среду? – спросил Дин. – Вы что, не каждый день в будни работаете?

– Да, косматый, я работаю со среды по субботу. Сегодня у меня выходной. И поверь, я бы лучше провела его с другими людьми, а не с вами, жалкими задницами. А теперь прошу прощения, но я поеду домой.

* * *

Лишь через несколько минут ему удалось отдышаться. Он сомневался, что устраивать растяжку – удачная идея, но меньше всего ему было нужно, чтобы кто-нибудь внезапно к нему

ворвался. Время не самое позднее, но район довольно беспокойный, и он не был уверен, что пустую квартиру не используют для продажи наркотиков или чего-нибудь в этом роде.

Но нет, ему посчастливилось – *этого* не произошло.

Зато случилось кое-что похуже.

Он не узнал тех, кто вошел, но они, очевидно, были не из домоуправления и не были рассерженными соседями или наркодилерами. Они вообще были слишком *белыми* для этого района.

Конечно, есть и белые дилеры, но если они просто разозлились, что он вломился в их берлогу, то вряд ли стали бы его преследовать по пожарной лестнице.

Но опять же – они могли быть под кайфом.

Ладно, неважно. Они его не поймали. Даже, напротив, помогли, затоптав место преступления. Он не оставил улики – тщательно все убрал за собой. Он ведь смотрел «C.S.I.: Место преступления» и знал, сколько всего можно найти с помощью современных технологий.

Но мертвого этими технологиями не воскресишь.

Для этого пришлось обратиться к чему-то более древнему. Так много времени ушло на то, чтобы найти правильный ритуал... Многое тут зависит от того, насколько давно умер тот, кого собираются воскресить. Эдгар По скончался сто пятьдесят семь лет назад, и ритуалы, которые могли его вернуть из могилы, требовали средств, которых у него не было.

Все, кроме ритуала Персиваля Сэмюэlsa – неопценного гения, брошенного за решетку невежественной полицией.

Он надеялся, что эти трое – всего лишь дилеры. Но видел только того, кто за ним погнался, а двух других разглядеть не смог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.